

В.С. Дударев

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
МИССИЯ
ОТТО ФОН
БИСМАРКА 1859-1862

Дипломатическая ссылка
или политический успех?

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 94(47).081
ББК 63.3(2)47-6
Д 810

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
в рамках научно-исследовательского проекта
«Россия в планах и политике Отто фон Бисмарка. 1851–1870 гг.»
Проект № 11-31-00365а2*

*Публикация монографии выполнена при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве (ГИИМ)
в рамках программы поддержки издательских проектов
по истории Германии и России*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, директор
Германского исторического института в Москве *Н. Катцер*
доктор исторических наук, профессор, директор
Фонда им. Отто фон Бисмарка (Фридрихсру) *У. Лаппенкюпер*
доктор исторических наук, профессор Исторического института
Йенского университета им. Фридриха Шиллера *Х. В. Хан*

Дударев В. С.

Д810 Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862.
Дипломатическая ссылка или политический успех? – СПб.:
Алетейя, 2013. – 304 с., ил.

ISBN 978-5-91419-833-3

В монографии изучается деятельность Отто фон Бисмарка на посту руководителя дипломатическим представительством Пруссии в Санкт-Петербурге (1859–1862). Проведенный впервые анализ всего комплекса официальной и личной корреспонденции Бисмарка этого периода позволяет представить его оценку внешней политики России и ее роли в системе международных отношений, показать его мнение об острых для России середины XIX в. проблемах: крестьянской реформе 1861 г. и польском вопросе. Впервые рассмотрено восприятие Бисмарком политических взглядов и особенностей характера императора Александра II и А. М. Горчакова. В работе передан образ России и российской действительности в осмыслении Бисмарка как представителя иностранного государства. Исследование этих проблем способствует пониманию принципов, целей и задач, лежавших в основе внешней политики Бисмарка по отношению к России, и дальнейшему углублению изучения русско-немецких связей.

ISBN 978-5-91419-833-3

9

785914198333

УДК 94(47).081
ББК 63.3(2)47-6

© В. С. Дударев, 2013
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

ДОРОГОЕ ЧИТАТЕЛИ,

Немцев и русских объединяет более чем 1000-летняя история экономического, научного, общественного и культурного обмена. Такие связи способствовали непрерывному формированию наших обществ. Значительное участие в этом принимали выдающиеся личности.

Во второй половине XIX в. одной из таких личностей был, без сомнения, Отто фон Бисмарк. Всем нам он известен как первый рейхсканцлер, дипломат и государственный деятель. Тем не менее, немногие из нас знают, что Отто фон Бисмарк с 1859 г. являлся прусским посланником в Санкт-Петербурге. Монография кандидата исторических наук В. С. Дударева «Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех» знакомит общественность с этим прежде слабо освещенным периодом в жизни Бисмарка. Она вносит ценный вклад в дальнейшее изучение этого времени в истории немецко-русских отношений.

Меня особенно радует, что публикация связана во временном контексте с годом Германии в Российской Федерации и параллельно проходящим годом России в Федеративной Республике Германия. В связи с этим, выражаю свою отдельную благодарность Германскому историческому институту в Москве под руководством профессора доктора Николауса Катцера, финансово поддерживавшему публикацию этого проекта.

Ульрих Бранденбург

Москва, 27 февраля 2013г.

Посол Федеративной Республики Германия
в Российской Федерации

К ЧИТАТЕЛЮ

В настоящий момент исследования о Бисмарке в России практически не ведутся. Впрочем, они никогда не были особо интенсивными. Ни до революции, ни в советский период не проводилась продолжительная работа над темой личности «железного канцлера», за исключением некоторых немногочисленных и небольших проектов. После 1991 года изменилось немного. Ряд биографий (к сожалению, не самых значительных) был переведен на русский язык. За некоторым исключением, большая часть записей, речей и писем Бисмарка ещё ждёт своего российского читателя. В редких библиотеках можно найти старое или новое издание «Мыслей и воспоминаний» на русском языке.

Такая ситуация поражает ещё больше, если вспомнить, что Бисмарк более 20 лет определял политику молодой Германской империи (1871-1890), а его политическая деятельность оказала большое влияние на судьбу Европы. До этого Бисмарк был прусским посланником в Петербурге и Париже (с 1859 по 1862 гг.), интенсивно занимался русским языком и изучением русской культуры. Во время его пребывания на посту канцлера Германской империи было введено профессиональное образование немецких дипломатов в России. С конца XIX века лишь возросло желание придать исследованиям о великой восточной державе научную основу. И не в последнюю очередь это произошло по инициативе Бисмарка и Министерства иностранных дел.

В связи с этим мы приветствуем новые инициативы российских учёных по исследованию биографии Бисмарка и его эпохи. Особого внимания заслуживает издание источников, способствующих более всего, фундаментальным исследованиям. Чем обширнее собрание доступных источников, тем более основательными будут научные труды.

Василий Дударев, автор уже опубликованных переводов и комментариев личной корреспонденции Отто фон Бисмарка из

Петербурга*, один из немногих российских экспертов в области исследований о Бисмарке. В разрабатываемом им научном проекте изучению деятельности «железного канцлера» отводится центральное место. Благодаря публикации писем Бисмарка к своей супруге, родственникам и близким, он, несомненно, даст сигнал к оживлению российских исследований о Бисмарке, а изучение Петербургской миссии Бисмарка в целом поможет лучше всего составить представление о личности дипломата и политического деятеля ещё до великих времён канцлерства Империи. Таким образом, читатель может не только познакомиться с характером Бисмарка, но и проследить его профессиональное становление, формирование политических и общественных убеждений. Это необходимая предпосылка для воссоздания более точной картины будущего штурмана внутренней и внешней политики Германской империи.

В публикуемом тексте соблюдены стандарты научной работы. Перевод источников исследования является точным и достоверным. В данном издании освещаются важные эпизоды внутриполитической жизни России середины XIX в. в восприятии Бисмарка, показана его оценка внешней политики и международного положения империи Александра II. Особое внимание автор обращает на изучение русско-немецких отношений этого периода, что способствует лучшему пониманию международных связей двух государств и вносит ценный вклад в создание достоверной картины представления немцев о России. Комментарии предлагают необходимые пояснения и дополнительную информацию. Более того, особо полезен указатель имен с биографическими сведениями об упомянутых в работе личностях.

В целом речь идет об очень достойном проекте, который я всемерно приветствую и поддерживаю.

Профессор д-р Николаус Катцер

Директор Германского исторического института в Москве

Москва, 3 июня 2013 г.

---

* Отто фон Бисмарк. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 гг. СПб.: Алетейа. 2013.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формируя внешнеполитический курс государства, его руководство призвано соблюдать, прежде всего, национальные интересы страны, во главе которой оно находится. Важное место в этой сложной миссии занимает сумма представлений об истинных стратегических целях и задачах государства, но не меньшую значимость имеет взвешенная оценка позиций и сил прочих участников, субъектов международных отношений. Определение и утверждение места и роли страны в мире возможно только при условии правильной оценки ее руководством национальных интересов других держав. Определяющим фактором в этом процессе часто бывает сложившийся на протяжении длительного промежутка времени образ, картина восприятия этих самых «других» держав, понимание их национальных особенностей, истории и культуры.

Система представлений об окружающих, «других» государствах, с одной стороны, помогает идентифицировать принадлежность народа к единой общности, «своей» стране. С другой — она способствует формированию отношений «свой» — «чужой». Принципы, заложенные в диалоге этих систем, влияют на содержание отношений между ними: от взаимной неприязни и постоянных междоусобиц до тесного сотрудничества и укрепления братских отношений между народами. В складывании народного восприятия «чужого» большую роль играют общечеловеческие чувства любви, ненависти, справедливости, прагматизма, поэтому иногда оно может быть резким и максималистским. Тем не менее, любой государственный деятель обязан согласовывать свои личные представления о «чужом», «другом» с интересами своего государства, которым он призван управлять, или в руководстве которым он занимает определенный ответственный пост. Часто он должен жертвовать своими взглядами для выстраивания полезного его стране международного диалога.

Глубокое понимание истинных целей своего государства, порой сокрытых даже от современников, было присуще выдающимся историческим персонажам, в сонме которых фигура немецкого канцлера Отто фон Бисмарка по праву занимает свое законное место. Преследуя главную политическую цель, ставшую делом всей его жизни, — объединение раздробленной Германии, — ему не раз приходилось жертвовать своими личными взглядами и амбициями в пользу интересов Пруссии, но он никогда не изменял двум основным принципам своей политики: преданному служению интересам своей страны при самом пристальном внимании к политике других европейских великих держав.

Важное место в планах и расчетах Бисмарка всегда занимала Россия. Это требовало от него глубокого понимания механизмов внутренней и внешней политики империи и знакомства с ее государственными деятелями. Составить свое представление о Российской империи Бисмарк смог, живя в 1859–1862 гг. в Петербурге, когда ему пришлось возглавить дипломатическое представительство Прусского королевства в России. Об этом и пойдет речь в настоящей книге.

Исследуемая в настоящей работе официальная и личная корреспонденция Бисмарка из Петербурга, опубликованная в Германии на немецком языке, изучается в отечественной историографии впервые.

Она содержит ценные сведения о России рубежа 50-х — 60-х гг. XIX в., что дает возможность проанализировать ряд интересных исследовательских проблем.

Занимая важный дипломатический пост в Петербурге, Бисмарк получил блестящую возможность ознакомиться со всеми тонкостями и хитросплетениями международных отношений того времени. Основной объем передаваемых в Берлин официальных донесений посвящен событиям европейской политики и анализу позиций великих держав по различным международным вопросам. Благодаря этому представляется возможным рассмотреть в рамках настоящего исследования восприятие Бисмарком российской внешней политики, ее целей и основных направлений, роли русско-пруских

связей в системе международных отношений и возможного базиса, на основании которого они могли быть выстроены.

Большое внимание в монографии уделяется оценке Бисмарком внутренней политики России. Документы и письма Бисмарка содержат информацию о российской политике в области управления окраинами империи. Начавшиеся летом 1860 г. беспорядки в Царстве Польском и действия царской администрации по их подавлению явились одной из ключевых тем донесений прусского посланника в Берлин. В связи с этим интересно проследить восприятие Бисмарком степени влияния польского вопроса на проведение внутренних преобразований в России, его роли в обострении международных отношений и его значения для русско-прусских связей.

Во время петербургской миссии Бисмарк стал свидетелем ключевого для истории России события — отмены крепостного права, о котором составил целый ряд донесений в Берлин. Подробное изучение его документации позволит рассмотреть взгляд «другого» на это судьбоносное для России решение. Информация, содержащаяся в его письмах, покажет, на что иностранный гость обращал особое внимание, что он одобрял и что критиковал в ходе проведения реформы. Использование этого источника позволит дополнить оценку крестьянской реформы в отечественной историографии.

В Петербурге Бисмарк имел широкий круг общения, в связи с чем его письма содержат богатую и интересную информацию о государственных и общественных деятелях России. В настоящем исследовании показана оценка Бисмарком личности и политической деятельности министра иностранных дел России А. М. Горчакова, его отношений с императором. Основное внимание прусский политик уделял личности Александра II. На основании изучаемых документов представляется возможным рассмотреть черты характера самодержца, его политические убеждения и взгляды, проследить его роль в решении внутривластных проблем и задач внешней политики России в восприятии и понимании Бисмарка.

Петербургские донесения Бисмарка можно рассматривать также как прекрасный источник для изучения повседневной жизни иностранного дипломата в российской столице. Его сообщения об особенностях работы, свободном времяпрепровождении и повседневных заботах раскрывают жизнь аккредитованных при дворе российского императора дипломатов, составлявших малочисленную и специфическую социальную группу петербургского высшего общества.

Ответ на ряд вышеозначенных вопросов и проблем поможет в заключении данной монографии взвешенно подойти к рассмотрению прогноза будущего России, сделанного Бисмарком: какую опасность для России таил в себе нерешенный крестьянский вопрос, какую роль играл институт самодержавия для будущего России, и какое место Российская империя занимала в системе международных отношений. Это в свою очередь позволит решить поставленную в названии монографии проблему: была ли петербургская миссия для Бисмарка дипломатической ссылкой или политическим успехом.

Предметом исследования в настоящей работе является история Российской империи середины XIX в. Основное внимание уделяется внутренней и внешней политике государства и российским государственным деятелям. Объектом исследования выступает личность Отто фон Бисмарка, его представления о России, переданные в официальной и личной переписке.

Настоящая тема вписывается в историографическое направление, изучающее проблему «свой» — «чужой». Она дополняет новыми материалами исследование истории русско-германских отношений в середине XIX в. В монографии показана оценка Бисмарком Александра II и А. М. Горчакова, благодаря чему, в работе затрагивается еще одно актуальное направление исторической науки: роль личности в истории. Изучение деятельности Бисмарка — дипломата на посту прусского посланника в Санкт-Петербурге — вписывается в рамки микроистории и истории повседневности. Таким образом, исследование использованных материалов происходит по четырем историографическим направлениям, актуальным в настоящее время.

Один из главных методологических принципов работы состоит в комплексном анализе официальных и личных документов Бисмарка. Второй уровень сопоставительного анализа заключается в сравнении информации, содержащейся в его донесениях, с отечественными источниками. При написании монографии были учтены методологические достижения историографических направлений: исследование проблемы «свой» — «чужой», изучение микроистории и истории повседневности. В работе соблюдается принцип историзма.

Использование этого методологического инструментария позволит решить поставленные в работе проблемы и задачи и будет способствовать более глубокому пониманию логики взаимоотношений России и Пруссии в середине XIX в. и исторического пути России в XIX в.

*Василий Дударев,
кандидат исторических наук*

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В вышедшем в 1966 году обзоре историографии, посвященной деятельности Отто фон Бисмарка и связанной с ним эпохе в истории Германии, «Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit»¹, было перечислено более 6 тысяч названий книг и статей на 15 языках. Количество работ по Бисмарку в отечественной историографии едва ли превысит несколько десятков.

Развитие историографии изучаемой в данной монографии темы определялось двумя основными факторами. Главным из них была степень публикации архивных источников, которая, в свою очередь, оказывала влияние на постановку в исторической литературе проблем, связанных с данной темой. Долгое время исследователи имели в своем распоряжении лишь воспоминания германского канцлера и выборочные архивные документы.

В работе Р. И. Сементковского², изданной в серии «Жизнь замечательных людей»³ в 1895 г., петербургский период деятельности Бисмарка особо не выделялся. Исследователь писал, что «ходячее мнение о необыкновенной проницательности Бисмарка в этот период его деятельности — не более как басня»⁴. Сементковский отмечал, что, находясь в Петербурге, Бисмарк «определенной дипломатической миссии <...> не имел <...> Бисмарк имел полную возможность заниматься воспитанием своих детей, изучением русского языка и бесконечными охотничьими экскурсиями». Он пришел к выводу, что «его (Бисмарка — В. Д.) деятельность в качестве

---

¹ Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit. Köln, 1966.

² Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. Его жизнь и государственная деятельность. М., 1895.

³ Эта серия была задумана и осуществлена крупнейшим русским издателем популярной литературы Ф. Ф. Павленковым и явилась предшественницей современной серии.

⁴ Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. С. 268.

посланника при нашем дворе осталась <...> бесследной», да и «о России он составил себе, однако, довольно невыгодное мнение»⁵.

В работе Л. Слонимского⁶ уделялось внимание отношениям между Россией и Пруссией в 60-е—70-е гг. XIX в. Автор объяснял дипломатические победы Бисмарка лояльным отношением России к росту влияния Пруссии, явившимся следствием петербургской миссии прусского посланника.

Основной задачей исследования Э. К. Пименовой⁷ явилась попытка ответить на вопрос, чем было вызвано преклонение перед Бисмарком, и насколько оно соответствовало его достижениям. Сконцентрировав свое внимание на периоде объединения Германии, автор лишь упомянула о петербургской миссии Бисмарка.

Выводы дореволюционных историков были обусловлены, конечно же, отсутствием в то время публикаций документов Бисмарка и недоступностью материалов немецких архивов. В историографии того времени имя Отто фон Бисмарка было неразрывно связано с образованием Германской империи.. Ростки политики агрессивного милитаризма Германии и тевтонской угрозы начала XX в., причины роста международной напряженности в конце XIX в., истоки Первой Мировой войны авторы работ пытались найти еще в событиях 60-х — 70-х гг. XIX в. Личность канцлера представляла в таком случае в некоем зловещем свете, нередко умалялись его достоинства дипломата и талант политика.

После публикации петербургской корреспонденции Бисмарка в 1920 г. профессор Петроградского Университета барон Б. Э. Нольде, эмигрировавший в 1919 г. в Финляндию, написал единственную на сегодняшний день монографию, в которой затрагивалась роль Бисмарка в развитии русско-германских отношений в период петербургской миссии⁸. В 1936 г. в Лейпциге был издан перевод книги на немецкий язык.

⁵ Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. С. 271—272.

⁶ Слонимский Л. З. Князь Бисмарк. Опыт характеристики. СПб., 1908.

⁷ Пименова Э. К. Железный канцлер Бисмарк — творец Германской империи. М., 1917.

⁸ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925.

Отказавшись от написания биографического очерка о пребывании Бисмарка в России, что было определенным новаторством в историографии вопроса, Нольде видел свою основную цель в изучении международных отношений в период петербургской миссии Бисмарка. Изучая документы по международной политике того времени на русском, французском, английском и немецком языках, он попытался «за эти 3 года прожить вместе с Отто фон Бисмарком жизнь тогдашней России и тогдашней Европы»⁹.

Основную часть работы Нольде посвятил исследованию политической подоплеки и дипломатических переговоров накануне Итальянской войны 1859 г. Он уделил внимание осложнению датского вопроса в начале 1860-х гг., представив позицию России и других великих держав по этой проблеме. В начале исследования Нольде поместил интересную главу о связях Бисмарка в Петербурге, сосредоточив свое исследование на петербургской общине прибалтийских немцев.

Появление большого комплекса новых источников, которые еще не могли быть использованы Б. Э. Нольде, позволили выделить целый ряд новых исследовательских тем, не рассмотренных в его монографии.

После работы Нольде в советской историографии не вышло ни одного специального исследования дипломатического периода жизни Бисмарка. Даже в работах А. С. Ерусалимского¹⁰, ставших для советской исторической науки в определенном смысле отправной точкой в изучении деятельности Бисмарка, эти вопросы не нашли своего отражения, поскольку основное внимание автора было сосредоточено на времени объединения Германии и периоде после 1871 г., проблемах, связанных с системой Союзов 60–70-х гг. XIX в. и колониальном вопросе.

Крупное биографическое исследование, посвященное Бисмарку, провел В. В. Чубинский в работе «Бисмарк. Политическая

⁹ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 5.

¹⁰ Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940–1941; Он же. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

биография»¹¹. В ней автор уделил внимание российской политике Бисмарка в период объединения Германии. В специальной главе «На дипломатической службе» рассматривались только некоторые из личных писем Бисмарка, комплекс официальных донесений по-прежнему оставался неизученным. Исследование картины восприятия Бисмарком России позволяет подвергнуть серьезной критике слова автора о том, что «некоторые из разбросанных в его письмах и мемуарах замечаний на этот счет хотя и заняты, но не столь уж содержательны»¹².

Зарисовку к картине восприятия Бисмарком России сделал А. А. Ахтамзян в статье «А. М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIX»¹³. Изучая письма Бисмарка Горчакову за 1860–1876 гг.¹⁴, автор писал о холодном расчете в деловых отношениях двух политиков, в то время как в личном плане между ними была «дружественная атмосфера». Следует отметить, что используемые в настоящей монографии материалы позволяют поставить это утверждение под сомнение.

В современной историографии интерес к Бисмарку стал повышаться. В 2008 г. в Пскове вышла книга Р. И. Иванякова, посвященная петербургской миссии Бисмарка¹⁵. Автор изучал жизнь прусского посланника в Петербурге, его оценку международных событий и конституционный кризис, происходивший в Пруссии в начале 1860-х гг. Иваняков затронул темы, которые не нашли своего освещения в монографии Нольде, как, например, отношения Бисмарка с остальными представителями прусской дипломатической миссии в Петербурге. Вместе с тем, автор изучал петербургскую миссию Бисмарка исключительно лишь на основе уже

¹¹ Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.

¹² Там же. С. 97.

¹³ Ахтамзян А. А. А. М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIX // Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 140–148.

¹⁴ Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову // Красный архив. Т. 6 (61). М., 1933. С. 3–25.

¹⁵ Иваняков Р. И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008.

известных отечественной историографии документов: мемуаров и части личных писем Бисмарка. Богатая фактами и ценной информацией о происходящих в России событиях официальная документация Бисмарка из Петербурга осталась неисследованной автором. Неизученным оказался также существенный комплекс личной корреспонденции Бисмарка, посвященный важным политическим проблемам. Несмотря на то, что работа Иванякова явилась первой за долгий период после исследования Нольде по истории петербургской миссии Бисмарка, существенные вопросы, изучение которых возможно лишь на основании комплексного анализа всей официальной и личной корреспонденции Бисмарка, остались открытыми. О росте интереса к Бисмарку свидетельствует также исследование молодого историка А. М. Ипатова, в котором личность немецкого политика рассматривается в оценке российской политической элиты второй половины XIX в.¹⁶

В работе над книгой большую помощь оказали монографии, позволившие составить общий исторический фон исследования. Восприятие Бисмарком отдельных эпизодов в русско-германских отношениях середины XIX в. было затронуто в общих и специальных работах, посвященных развитию международных отношений этого периода. В отечественной историографии уже во второй половине XIX в. появились работы, в которых рассматривались происходившие в Германии изменения и роль, которую в них играл Отто фон Бисмарк¹⁷, однако в силу несформировавшейся еще источниковой базы и историографии выводы, к которым приходили авторы этих работ, были довольно субъективны.

С развитием исторической науки, публикацией архивных материалов и появлением новых исследований, с середины XX в. в отечественной историографии появилась тенденция к обобщению на-

¹⁶ *Ипатов А. М.* Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX — начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011.

¹⁷ *Акунин Н.* Очерк датской войны 1864 года с картой военных действий. СПб., 1865; *Чудовский В.* Шлезвиг-гольштинская война 1864. СПб., 1866.

копленного опыта в изучении международных отношений XIX в. и истории русско-германских связей этого периода в частности. В советской историографии до 80-х гг. XX в. эти проблемы изучались с большой степенью научной фундаментальности.

Основной комплекс работ, посвященных анализу взаимоотношений германских государств и России в середине — второй половине XIX в. охватывает период объединения Германии и события после 1871 г. На этом фоне выделяются работы А. С. Ерусалимского¹⁸, И. С. Галкина¹⁹, С. Д. Сказкина²⁰, Л. М. Шнеерсона²¹, Л. И. Нарочницкой²².

Следует отметить исследование А. Л. Нарочницким международных отношений середины — третьей четверти XIX в., изданное в виде стенограммы публичных лекций²³. В стремлении защищать национальные интересы своей страны он поставил на одну ступень Горчакова, Бисмарка и Кавура. Идея их национальной политики, по словам Нарочницкого, явилась переходом «от чисто дворянского и династического понимания государственной пользы к защите интересов помещичье-буржуазного блока»²⁴. Вообще в их политике было много общего, как например, активное использование публицистики для оказания влияния на общественное мнение.

Русско-германские связи рассматривались Нарочницким в связи с польским вопросом. Анализируя польское восстание 1863 г., он делал вывод о стремлении Бисмарка к обострению конфликта. По его мнению, у Бисмарка было два пути действия в польском

¹⁸ Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1986.

¹⁹ Галкин И. С. Создание Германской империи. 1815–1871. М., 1986.

²⁰ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. 1879–1885. М., 1974.

²¹ Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав (из истории «германского вопроса»). Минск, 1962; *Он же*. На перепутье европейской политики: Австро-русско-германские отношения (1871–1875 гг.). Минск, 1984.

²² Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х гг. XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960.

²³ Нарочницкий А. Л. Международные отношения от Парижского до Франкфуртского мира (1856–1871). Стенограммы лекций, прочитанных в 1944–1945 учебном году в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП (б). М., 1946.

²⁴ Там же. С. 22.

вопросе. Первый заключался в поддержке России, второй — в ожидании вывода российских войск из Царства Польского и вводе туда прусской армии. Нарочницкий делал вывод о том, что воспроизводимый немцами, а под их влиянием и отечественными историками «миф о благожелательной помощи Пруссии России в решении польского вопроса несостоятелен»²⁵.

Эту идею поддержал и Е. В. Тарле в 13-й главе «Европейская дипломатия от Парижского мира до войны Пруссии и Австрии с Данией (1856–1863)» монографии «История дипломатии»²⁶. Эта работа была одной из первых попыток изложить историю международных отношений за весь период человеческой истории, согласно марксистско-ленинским установкам. К созданию этого научного труда были привлечены такие видные советские историки как В. С. Сергеев, Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. Л. Нарочницкий, Е. В. Тарле, И. И. Минц.

Тарле более определенно, чем Нарочницкий, доказывал, что под внешним видом прусского «великодушия» и оказания помощи России скрывался хитрый план Бисмарка захватить всю территорию Царства Польского, когда бы ее покинули российские войска. Он подчеркивал, что за видимой поддержкой Берлина стояли прагматические устремления аннексии польских территорий.

Для понимания направления русско-германских отношений рассматриваемого в настоящей монографии периода изучались общие работы по истории международных отношений: «История внешней политики России»²⁷, коллективная работа «История международных отношений и внешней политики России»²⁸ и пособие «История международных отношений в новое время»²⁹.

Можно выделить ряд общих признаков этих работ. Авторы сконцентрировали внимание на изображении международных

²⁵ Нарочницкий А. Л. Международные отношения. С. 29.

²⁶ История Дипломатии. 1-е изд. М., 1940; 2-е изд. М., 1959–1963.

²⁷ История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). Вторая половина XIX в. М., 1997.

²⁸ Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России. 1648–2000. М., 2001.

²⁹ Ревякин А. В. История международных отношений в новое время. М., 2004.

отношений Нового времени как особой политической реальности. Хронологические рамки работ, охватывающие период с момента подписания Вестфальского мира и до начала Первой мировой войны, позволили масштабно рассмотреть функционирование систем международных отношений. Однако небольшой объем самих исследований повлиял на определенную схематичность в изображении истории европейской политики в такой большой промежуток времени.

Краткое изображение насыщенных событиями международных отношений в совместной работе Протопопова, Козьменко и Елмановой привело к опусканию многих подробностей, что повлияло на достоверность выводов. Авторы верно отметили наличие австро-прусского противоречия в Германии накануне Итальянской войны 1859 г. Вместе с тем, подробное изучение немецких источников этого периода позволяет заключить, что в политической среде и общественном мнении Германии понятие «объединение» еще не было распространено в том смысле, в котором его употребляют авторы. Также весьма спорно утверждение о том, что в условиях австро-прусской борьбы за «объединение», «большинство склонялось к тому, чтобы оно произошло вокруг Пруссии». Основываясь на немецких материалах, внимательный исследователь придет к совершенно противоположному выводу. Вызывает сомнения также высказывание о том, что «в приближающейся войне Франции с Австрией Пруссия, как и Россия, не собиралась поддерживать Австрию»³⁰. Сложная дипломатическая игра, проводимая в это время между Веной и Берлином с участием иностранных государств, говорит о том, что сущность проблемы была гораздо глубже и сложнее.

Применительно к середине XIX в. Ревякин рассматривает лишь эпизоды, связанные с Итальянской войной и усилением колониального соперничества. Главное место отводится Франции и личности Наполеона III. Лишь приступая к изложению сюжетов, связанных с объединением Германии, он упоминает Бисмарка и оставляет

---

³⁰ Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений. С. 114.

о нем такое замечание: «Бисмарку были свойственны пренебрежение общепринятыми нормами морали и права в международных отношениях, сугубо утилитарный подход к выбору средств достижения поставленных целей. Именно эти качества дали современникам основание определить его действия на международной арене как реальную политику (Realpolitik)»³¹.

Заметно отличается на фоне этих работ монография О. Р. Айрапетова³², посвященная внешней политике России. Международные отношения середины XIX в. автор рассматривал на фоне укрепления русско-французских связей и событий, связанных с Итальянской войной. Однако он более взвешенно подошел к существовавшему тогда австро-прусскому спору и неопределенной позиции Пруссии в выборе линии поведения в разразившейся войне. Айрапетов уделил внимание и польскому восстанию 1863 г., подчеркивая, что с этого момента начинается русско-прусское сотрудничество, которому суждено было длиться вплоть до конца XIX в.

При написании настоящего исследования большую помощь оказали монографии по более специальным темам.

В изучении петербургской миссии Бисмарка было уделено внимание фундаментальной работе официального историографа Александра II С. С. Татищева³³, находящейся на тонкой грани исторического источника и историографии. В ней описана внутренняя и внешняя политика Александра II, показана оценка его личных качеств, что помогло в изучении восприятия Бисмарком личности российского императора. Рассматривая национальную политику Наполеона III, Татищев показал тонкую грань в процессе изменения направления внешней политики России. Выбор Пруссии как основного союзника России он не считал случайным и доказывал это общностью государственных интересов двух стран и теми услу-

---

³¹ Ревякин А. В. История международных отношений. С. 151.

³² Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

³³ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006.

гами, которые Пруссия оказывала России в годы Крымской и Итальянской войн.

В исследовании политики Бисмарка в польском вопросе основательную работу провел В. Г. Ревуненков. Еще в 1951 г. в своей докторской диссертации³⁴ он пришел к актуальным и по сей день выводам. Он первым из отечественных историков подробно описал польское восстание в международном контексте европейской политики XIX в. На фоне широкого круга отечественных и зарубежных источников Ревуненков дополнил содержащиеся в своей диссертации выводы и представил их в монографии по польскому восстанию³⁵. По его мнению, на дореволюционные исследования о Бисмарке Утина, Слонимского, Сементковского оказали большое влияние идеи А. Дебидура³⁶, Е. Оливьера³⁷ и Ф. Шарль-Руа³⁸ о российском попустительстве росту прусского могущества. Он опровергал мнение немецкого историка Г. Зибеля о действенной помощи России в польском вопросе со стороны Бисмарка³⁹, выделял непоследовательность и неопределенность политики Бисмарка в польском вопросе, называя некоторые из его планов авантюрными. Ревуненков не соглашался и с тем, что Александр II руководствовался личными симпатиями к Пруссии в выборе внешнеполитического союзника. Некоторые из его выводов о позиции российского императора представляются спорными: «о прусской политике он судил, исходя не из нее самой, а из тех предвзятых представлений, какие он о ней составил. Наивная вера в монархическую солидарность, в общность консервативных интересов,

---

³⁴ Ревуненков В. Г. Польский вопрос и дипломатическая борьба в Европе в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1951.

³⁵ Ревуненков. В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

³⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. II. М., 1947. Первое издание было осуществлено в 1891 г.

³⁷ Ollivier E. Napoléon III et Bismarck en Pologne. Revue des deux mondes. 1901. Т. 4.

³⁸ Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. Paris, 1913.

³⁹ Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. II. München und Berlin, 1913. S. 371.

в силу традиций и прочие легитимистические предрассудки застилали ему глаза»⁴⁰.

Монография Ревуненкова внесла большой вклад в историографию о польском вопросе, тем не менее, анализ новых источников и глубокое изучение уже известных материалов, позволили в некоторых важных положениях расставить акценты по-другому.

Работы, посвященные российской политике в польском вопросе в начале 60-х гг. XIX в., выходили и после исчерпывающего исследования Ревуненкова. Их общей отличительной чертой явилось изучение внутривосточных аспектов, а не международной составляющей проблемы⁴¹. В этой связи авторы не ставили перед собой задачу исследовать восприятие Бисмарком политики России в решении польского вопроса.

Российская дипломатия в ходе Итальянской войны 1859 г. была изучена в работе М. А. Чепелкина⁴². Анализируя большой комплекс отечественных и зарубежных источников, историк обобщил опыт исследования этого вопроса. Рассматривая внешнеполитические цели конфронтирующих сторон, он положительно отзывался о позиции России, направленной на решение конфликта мирным путем. Такое положение историк объяснял не только миролюбивостью политики Александра II, но также и государственной целесообразностью, учитывая тяжелое экономическое положение, в котором оказалась Россия после Крымской войны. По мнению историка, национальная политика Наполеона III, обнаружившаяся в итальянском вопросе, послужила существенной причиной ослабления еще только налаживавшихся русско-французских связей, поскольку национальный вопрос для России был чреват осложнениями в Царстве Польском. С учетом сделанных им выводов можно

---

⁴⁰ Ревуненков. В. Г. Польское восстание 1863 г. С. 279.

⁴¹ Миско М. В. Польское восстание. 1863. М., 1962; Обушенкова Л. А. Солидарность революционных сил народов Европы с польским восстанием 1863–1864 гг. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-е–70-е гг. XIX в.). М., 1991; Воронин Е. В. Польское восстание 1863 г.: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

⁴² Чепелкин М. А. Российская дипломатия и итальянский вопрос. 1856–1861. М., 1995.

будет выяснить степень информированности Бисмарка и верность его оценки российской политики в этом вопросе.

При анализе картины восприятия Бисмарком России были учтены достижения отечественной историографии в изучении проблемы «свой» — «чужой», образ «чужого». Большую помощь при этом оказали работы А. Я. Гуревича и С. И. Лучицкой⁴³. Во вступительной статье к ежегодному сборнику «Одиссей»⁴⁴ Гуревич отмечал: «В центре внимания оказывается <...> человек, общественный человек и общество, понимаемое как сверхсложная организация людей. Такой подход можно определить как антропологически ориентированную историю, поскольку историческое исследование фокусируется на человеке в обществе, в группе, на человеке во всех его проявлениях». По мнению Лучицкой, XIX век внес мощные изменения в представления о времени и направлении мысли, принципом которой стал эволюционизм, развивались идеи о прогрессивном развитии цивилизаций. «Все другие народы, не принадлежавшие к западноевропейской цивилизации, — писала Лучицкая, — перестали быть в глазах европейцев воплощением невежества, но стали своеобразной репрезентацией ступеней исторической эволюции. Отставшие от европейцев рассматривались теперь как застывшие в своем развитии предшественники будущих культурных народов»⁴⁵.

В отечественной исторической науке при изучении деятельности Отто фон Бисмарка основное внимание уделялось его роли в деле объединения Германии и его внутренней и международной политике после 1871 г. Эта особенность прослеживается и в работах, посвященных его петербургской миссии. Отечественные авторы обращали основное внимание на международные события того времени, вследствие чего картина восприятия Бисмарком России отходила на вторую роль. На это повлияла также и степень

⁴³ Гуревич А. Я. Образ «другого» в культуре // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1993; Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Она же. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого». М., 2007.

⁴⁴ Гуревич А. Я. Образ «другого» в культуре. М., 1993. 5–10.

⁴⁵ Лучицкая С. И. Проблема «своих» и «чужих». С. 131.

изученности документального наследия Бисмарка за этот период. Его официальная корреспонденция так и осталась неизученной, а личная переписка была проанализирована в монографиях частично. Однако только комплексное изучение всей официальной документации Бисмарка вместе с его личными письмами позволяет поставить новые исследовательские вопросы и ответить на них. Лишь такой исследовательский принцип позволит составить максимально подробный образ России в видении Бисмарка.

В немецкой историографии исследования политической деятельности и личности Бисмарка появились вскоре после окончания австро-прусской войны 1865–1866 гг. и основания Северогерманского Союза⁴⁶. Авторы первых публицистических работ пытались составить психологический портрет канцлера. Интересный опыт был сделан Ю. Клячко в работе «Два канцлера. Князь Горчаков и князь Бисмарк»⁴⁷. Он попытался нарисовать психологический портрет двух видных государственных деятелей и показать их взаимоотношения. Несмотря на то, что в работе рассматривается период канцлерства Бисмарка, несколько слов говорится и о его петербургской миссии, когда начинали завязываться отношения между двумя дипломатами.

Отсутствие опубликованных официальных документов Бисмарка затрудняло проведение научной работы вплоть до середины 20-х гг. XX в. В это время главным источником оставались воспоминания самого Бисмарка и появлявшиеся публикации его личных писем. Историк О. фон Кляйн-Хаттинген отмечал: «сообщения Бисмарка петербургского периода покоятся еще в темноте архивов. По мнению знатоков, они относятся к самым великолепным из всей дипломатической корреспонденции»⁴⁸. Немецких историков интересовал прежде всего внутригерманский

⁴⁶ *Bamberger Ludwig*. Herr von Bismarck. 1868; *Hesekiel George*. Das Buch vom Grafen Bismarck. Bielefeld und Leipzig, 1869.

⁴⁷ *Klaczko Julian*. Zwei Kanzler. Fürst Gortschakow und Fürst Bismarck. Basel, 1878.

⁴⁸ *Klein-Hattingen Oskar von*. Bismarck und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie. Berlin, 1902. S. 196.

аспект объединения Германии. Это нашло отражение в одной из первых научных монографий о Бисмарке М. Ленца «История Бисмарка»⁴⁹. Автор разработал направления и методологию изучения личности прусского политика, ставшие на долгие годы определяющими для немецкой историографии⁵⁰: биографический тип исследования с выделением основных вех его политической карьеры, приоритет в изучении внутривнутриполитических механизмов процесса объединения Германии.

Вписать деятельность Бисмарка в международные события XIX в. попытался в монографии «Бисмарк и его время» историк А. Айгенброт⁵¹, что явилось прогрессивным шагом для немецкой историографии этой проблемы. В связи с процессом объединения Германии он указывал на отдельные эпизоды также и русской политики немецкого канцлера: «Бисмарк с Крымской войны был в особом расположении царя Александра II, эта милость в последствие принесла Пруссии богатые плоды: без них нельзя было бы прийти <...> к успехам 1864, 1866, 1870 гг.»⁵².

После публикации основного комплекса документов Бисмарка в начале 30-х гг. XX в.⁵³ внимание немецких историков сосредоточилось на изучении его политики в решении германского вопроса. Утверждение нового государственного строя в Германии в это время оказало влияние на развитие немецкой исторической науки и историографии о Бисмарке в частности. Появились новые тенденции и направления исследований. Доктрина «Drang nach Osten» дала импульс активному изучению культурно-исторических особенностей «Lebensraum Deutschlands», жизненного пространства Германии, и повышению интереса к истории областей данного «пространства». В это время в Германии растет значи-

---

⁴⁹ *Lenz Max. Geschichte Bismarcks. Leipzig, 1902, 1911.*

⁵⁰ *Marcks Erich. Otto von Bismarck. Ein Lebensbild. Stuttgart, 1915; Schützler Wilhelm. Bismarck. Leipzig, 1925; Wertheimer Eduard von. Bismarck im politischen Kampf. Mit Benutzung ungedruckter Quellen. Berlin, 1930.*

⁵¹ *Eigenbrot A. Bismarck und seine Zeit. Streifzüge. Betrachtungen und Untersuchungen. Leipzig, 1912.*

⁵² *Eigenbrot A. Bismarck und seine Zeit. S. 111.*

⁵³ *Otto Fürst von Bismarck. Die gesammelten Werke. Berlin 1924–1935. 15 Bde.*

тельный научный интерес к России. История русско-германских отношений в различные периоды привлекала многих исследователей. Так, российской политика Бисмарка стала основной темой монографий В. Эбеля и Г. Хайнце, изданных во второй половине 30-х годов XX в.

На фоне исследований немецкими историками внутривосточных проблем Северогерманского Союза обращение Эбеля в работе «Бисмарк и Россия от Пражского мира до начала войны 1870 г.»⁵⁴ к российскому направлению внешней политики немецкого канцлера во второй половине 60-х гг. XIX в. явилось определенным новаторством. Анализируя недавно опубликованные материалы и архивные документы, Эбель сосредоточился исключительно на международной и политической стороне рассматриваемой им темы. В силу того, что в центре исследования находилась личность Бисмарка, автор не ставил перед собой задачу изучить процесс формирования российской внешней политики, поэтому она предстает в его работе статично, как уже сложившаяся и сформированная.

В 1939 г. была опубликована докторская диссертация Г. Хайнце «Бисмарк и Россия до основания империи»⁵⁵, посвященная отношению Бисмарка к России в период с 1851 по 1871 гг. Историк использовал архивные материалы, опубликованные к тому времени официальные документы Бисмарка, однако исследовал их лишь выборочно. Политика Бисмарка в отношении России была изучена на общем фоне решения германской проблемы. В своей работе автор пришел к выводу о зависимости дружественных отношений между Россией и Пруссией от решения двух основных задач: объединения Германии — для Пруссии и отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. — для России. Лишь взаимовыгодное разрешение этих проблем, по его мнению, обеспечивало сравнительно прочные связи двух государств. Исследователь обратил свое внимание на роль польского вопроса в укреплении отно-

---

⁵⁴ *Ebel Walter*. Bismarck und Russland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936.

⁵⁵ *Heinze Gerhard*. Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung. Würzburg-Aumühle, 1939.

шений между Россией и Пруссией, указав, что занятая Бисмарком в 1863 г. позиция в этом вопросе помогла ему завоевать доверие российского императора и обеспечила помощь Пруссии со стороны России в германском вопросе. Хайнце обошел стороной вопрос об опасности эскалации конфликта в Польше для Пруссии, доказывая, что лишь Россия должна была относиться к этим событиям со всей серьезностью.

Таким образом, основной темой монографии явился вопрос объединения Германии, в связи с чем автор не ставил перед собой цель специально изучать внешнюю, а, главное, внутреннюю политику России в восприятии Бисмарка, его оценку деятельности Александра II и А. М. Горчакова. Хайнце лишь указал, что петербургские материалы содержат интересную информацию по этим вопросам, однако в силу подчинения исследования теме объединения Германии он не остановился на анализе этих вопросов. Возможно, в силу этого Хайнце часто объяснял действия российского императора на международной сцене страхом перед революцией, что особенно проявляется при исследовании им польских событий 1863 г. Хайнце считал, что Бисмарк постоянно спекулировал революционной опасностью всякий раз, когда хотел добиться от российского императора выгодного для Пруссии шага. По прочтении работы возникает впечатление пассивности, беспомощности и безынициативности Александра II и Горчакова в проведении внешней политики государства, навязывания воли Бисмарка России, что представляется весьма спорным и требует дополнительного исследования.

Диссертации этих немецких историков являются важным шагом для немецкой историографии в изучении русской политики Бисмарка, ведь после них не было ни одной специальной работы, посвященной его отношению к Российской империи в период до 1871 гг. Тем не менее, исследуя, прежде всего, процесс объединения Германии, авторы уделяли второстепенное значение восприятию Бисмарком России как таковой. Ограниченные объемом диссертации, они часто лишь обозначали темы будущих исследований о петербургском периоде деятельности Бисмарка. Без внимания остались

такие вопросы как оценка Бисмарком крестьянской реформы, польского восстания и общественных отношений в России, его характеристика личности российского императора и представителей высшего света Петербурга. Значительное количество опубликованных документов, содержащих эту ценную информацию, не было исследовано. Кроме того, после 1930-х гг. в ряде изданий⁵⁶ были опубликованы новые источники, исследование которых наряду с ранее опубликованными, но неизученными материалами дает возможность корректировать или пересмотреть некоторые положения Эбеля и Хайнце.

Представители немецкой историографии периода Второй Мировой войны также изучали намеченные ранее эпизоды русско-германских отношений. В биографическом исследовании «Бисмарк»⁵⁷ Э. Эйк негативно отзывался о целях российской политики: «для подавляющего большинства людей Крымская война являлась борьбой Европы за свою свободу против превосходства царского владычества, которое ей угрожало»⁵⁸. На эту работу определенное влияние оказала диссертация Хайнце, однако выводы Эйка были более резкими. Это особенно заметно в его оценке политики российского самодержца. Автор считал, что Александр II, будучи безынициативным и слабым представителем государства в международных отношениях, отстранился от руководства внешней политикой России и передал его А. М. Горчакову. Э. Эйк доказывал, что формирование международного курса Петербурга шло под определенным влиянием позиции Бисмарка и политических спекуляций в восточном вопросе. Вероятно, такие выводы были обусловлены стремлением подчеркнуть исключительную роль Бисмарка в объединении Германии и умалить роль России в этом процессе.

---

⁵⁶ *Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Jahrhundert-Ausgabe zum 23. September 1862. 8 Bde. Darmstadt, 1962; Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Darmstadt, 2001; Die auswärtige Politik Preußens. 1858–1871. Diplomatische Aktenstücke. 10 Bde. Oldenburg, 1933–1941; Fenske Hans (Hrsg.) Der Weg zur Reichsgründung. 1850–1870. Darmstadt, 1977; Rothfels Hans. (Hrsg). Bismarck-Briefe. Göttingen, 1955.*

⁵⁷ *Eyck Erich. Bismarck. Zürich, 1941.*

⁵⁸ *Ibid. S. 220.*

Это положение поддержал в работе «Бисмарк. Человек и государственный деятель» А. О. Мэйер⁵⁹, с преувеличением писавший о политических способностях Бисмарка. Объясняя его русскую политику гениальным прозрением, отсутствующим у других государственных деятелей Пруссии, Мэйер обратил внимание на некоторые фрагменты петербургской корреспонденции Бисмарка для составления картины его пребывания в российской столице, однако основной комплекс документации также остался неизученным.

Вследствие сложившейся после 1945 г. в Германии исторической ситуации: поражение во Второй Мировой войне, тяжелый период послевоенного восстановления и, главное, разделение Германии, — перед историками встала задача проанализировать причины трагедии, которую пережило государство. Для понимания истории Германии в XX в. ученые обратились к исследованиям истоков немецкой государственности и периода образования Германской империи. Личность Бисмарка становилась одной из ключевых для немецкой послевоенной исторической науки, и изучение его деятельности продолжилось по пути исследования внутривнутриполитических аспектов объединения германских государств, что было особенно актуально на фоне новой политической раздробленности Германии⁶⁰.

В ставших хрестоматийными для немецкой историографии фундаментальных работах Л. Галла⁶¹ и О. Пфланце⁶² авторы, основываясь на богатой источниковой базе, прекрасно анализировали внутреннюю политику Бисмарка в период подготовки и проведения политики объединения Германии. Международные отношения выступили фоном для описания процесса складывания Германской империи, вследствие чего составить картину восприятия Бисмарком России, к сожалению, нельзя.

---

⁵⁹ *Meyer Arnold Oskar*. Bismarck. Der Mann und der Staatsmann. Leipzig, 1944.

⁶⁰ *Becker Otto*. Bismarcks Ringen um Deutschlands Gestaltung. Heidelberg, 1958; *Mommsen Wilhelm*. Bismarck. Ein politisches Lebensbild. München, 1959; *Richter Werner*. Bismarck. Frankfurt am Main, 1962; *Engelberg Ernst*. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1986.

⁶¹ *Lothar Gall*. Bismarck: Der weiße Revolutionär. Frankfurt/M. [u.a.], 1990.

⁶² *Otto Pflanze*. Bismarck. München, 1997.

Исследование международного курса Бисмарка было проведено известным специалистом по истории международных отношений А. Хилльгрубером в работе «Внешняя политика Бисмарка»⁶³. Предметом основного исследования автора стало время объединения Германии и последовавший после него период. Изучение дипломатического периода жизни Бисмарка, продлившегося до 1862 г., Хилльгрубер провел в рамках анализа австро-прусского противостояния, несколько отходя от общего международного аспекта. Представления Бисмарка о России в это время остались без внимания автора, что сказывается и на выводах историка: например, упоминание «крепкого моста по направлению к России», который Бисмарк выстроил в 1863 г. дается автором монографии неожиданно. В отрыве от изучения петербургской миссии такой шаг Бисмарка кажется его спонтанным, ничем не подкрепленным решением.

Знаковым событием для немецкой историографии 1980-х гг. явилась фундаментальная научная деятельность немецкой группы «Вупперталер Проект». Она была создана весной 1982 г. под руководством ректора Бергского университета профессора доктора наук Р. Грюнтера и министра президента федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия Й. Рау. Научная работа была проведена под руководством Л. Копелева. Целью специалистов, входивших в группу «Вупперталер Проект», было изучение восприятия немцами России в историческом промежутке, начиная с IX в. и заканчивая 1924 г. на основе сопоставительного анализа большого ряда исторических источников. Их исследовательская методика заключалась в дедуктивном принципе анализа источников: от фактов к общей картине изучаемого. Учитывая процессы изменений, происходящих с народами на разных этапах их развития, историки четко придерживались принципа историзма, вписывая исследование во временной контекст. Научные статьи были объединены в пяти томах. Причем в трех из них рассматривался период 1800–1924 гг.

⁶³ Hillgruber Andreas. Bismarcks Außenpolitik. Freiburg im Breisgau, 1993 (см. также издания 1972 г. и 1981 г.)

В исследовании «образа Другого» Копелев видел значение не только для политической истории обоих народов, но и для их культурного и социально-психологического развития, что, по его мнению, было более важным. Он отмечал, что коллективное представление о «Другом» укореняется в область сознательного и подсознания народа, вследствие чего может возникнуть опасная предвзятость в описании другого народа и даже формирование образа врага⁶⁴.

В рамках работы этой исследовательской группы вышла в свет статья У. Лисцковского «От династических мостов до оборонительных плотин против русской опасности»⁶⁵, в которой рассматривался период конца 50-х — середины 60-х гг. XIX в. Центральное место его статьи заняла петербургская миссия Бисмарка. Основываясь на фрагментах личной переписки Бисмарка, Лисцковский обратил внимание на повседневную жизнь прусского посланника в Петербурге, его дипломатическую работу. Как и Нольде, он рассмотрел связи Бисмарка в кругу прибалтийских немцев, однако оставил неисследованными его отношения с Александром II и Горчаковым. Материалы, показывающие восприятие прусским дипломатом этих государственных деятелей и высшего света Петербурга, остались, таким образом, неизученными. Лисцковский отметил положительный отзыв Бисмарка о крестьянской реформе, однако не уделил внимание его оценке хода реформы и первых ее результатов. Исследователь не ставил перед собой задачу изучить интересную информацию, содержащуюся в донесениях Бисмарка о польском вопросе. Винить автора в этом, безусловно, нельзя, поскольку его внимание сосредоточилось на восприятии Бисмарком жизни российской столицы, истории повседневности, что соответствовало социально-психологическому направлению исследований «Вупперталер

⁶⁴ Kopelew L. Fremdbilder in Geschichte und Gegenwart // West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht. Reihe A. Bd. 1. München, 1985. S. 11–15.

⁶⁵ Liszkowski Uwe. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die Russische Gefahr. Bismarcks Russlandbild // West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht. Reihe A. Bd. 4. München, 1985. S. 111–145.

Проекта». Развитие Лисцовским исследовательских тем, намеченных еще Хайнце, также является большим успехом в изучении восприятия Бисмарком России.

При анализе петербургской корреспонденции Бисмарка большую помощь оказали исследовательские принципы, разработанные немецкими историками в рамках изучения истории повседневности⁶⁶. Эта методология дает возможность с научной точки зрения подойти к изучению петербургской корреспонденции Бисмарка, позволяя обратить внимание на основные сферы, регулирующие повседневную жизнь.

В современной немецкой историографии изучение политической деятельности Бисмарка почти не ведется. Исключение составляет работа научного фонда Бисмарка во Фридрихсруэ по сбору и публикации архивных материалов. Из вышедших монографий сотрудников этого фонда можно выделить работу К. Каниса⁶⁷, изучавшего внешнюю политику Бисмарка, однако в ней затрагивается более поздний период его деятельности.

Исследование деятельности Бисмарка, в основном, остановилось на достигнутом наукой этапе. В настоящее время историков интересуют темы, связанные с личной жизнью Бисмарка⁶⁸, его родословной⁶⁹, отношением к нему общественности⁷⁰, посвященными ему архитектурными памятниками⁷¹. Продолжают выходить работы о его внутренней политике⁷². Нередки работы,

---

⁶⁶ *Elias Norbert*. Über den Prozess der Zivilisation. Frankfurt am Main, 1977; *Elias Norbert*. Zum Begriff des Alltags // *Materialien zur Soziologie des Alltags*. Opladen, 1982; *Borscheid Peter*. Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen // *Studien zur Geschichte des Alltags*. Münster, 1983; *Niethammer Lutz*. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte // *Geschichte im Alltag — Alltag in der Geschichte*. Düsseldorf, 1982.

⁶⁷ *Canis Konrad*. Bismarck Aussenpolitik. 1870 bis 1890: Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2004.

⁶⁸ *Reinhardt Volker*. Deutsche Familien: historische Portraits von Bismarck bis Weizsäcker. München, 2005.

⁶⁹ *Rulemann Jahn*. Wappen des Bismarckbrunnens // *Arnstädter Stadt-Echo*. Bd. 10 (2009). Teil 105–115. Arnstadt, 2009.

⁷⁰ *Schmidt Klaus-Dieter*. Der Bismarck-Mythos: die Deutschen und der Eiserne Kanzler. München, 2007.

⁷¹ *Wetzel Hans-Georg Martin*. Bismarcktürme in Thüringen. Jena, 2007.

⁷² *Gall Lothar*. Otto von Bismarck und die Parteien. Paderborn, 2001.

стиль которых довольно трудно определить. Среди таких исследований можно выделить монографию И. Виллмса «Бисмарк. Демон немцев. Примечания к легенде»⁷³. Хотя в этом исследовании и отсутствует научный аппарат, назвать его публицистическим тоже нельзя. При перечислении факторов объединения Германии Виллмс забывает или специально опускает роль международной ситуации, изображая процесс объединения Германии с точки зрения внутривластных преобразований в Пруссии и взаимоотношений германских государств. Работа ярко отражает складывающиеся в современной историографии тенденции: анализ источниковой базы проводится не на должном уровне, очевидно стремление к «новой трактовке», «пересмотру» устоявшихся положений. Однако без тщательного исследования опубликованных материалов и архивных документов существует опасность прийти к ошибочным выводам. Одним из таких можно считать высказывание Виллмса о значении германского вопроса для Бисмарка: «Фактически, немецкое единство никогда его не интересовало. Для Бисмарка Германия имела значение элемента силового расчета»⁷⁴.

Не будет ошибкой заметить, что, несмотря на целый ряд неизученных источников и наличие открытых исследовательских вопросов, проведение анализа внешней политики Бисмарка, особенно в ранний период его деятельности, остановилось. После работ Эбеля, Хайнце и Лисцовского в немецкой историографии не появились работы, в которых специально поднималась тема отношения Бисмарка к России. Особенностью немецкой историографии явился повышенный интерес к внутригерманскому спору между Австрией и Пруссией за превосходство в Германском Союзе, внутривластным механизмам объединения Германии. В связи с этим российское направление рассматривалось как один из аспектов международной политики Бисмарка. Такая позиция существенно повлияла

---

⁷³ *Willms Johannes*. Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 1997.

⁷⁴ *Ibid.* S. 210.

на степень изученности проблемы восприятия Бисмарком России во время петербургской миссии.

Несмотря на достижения отечественной и немецкой историографии, документы Бисмарка, содержащие его оценку внешней политики России, представление о внутренних преобразованиях в империи, восприятие личности Александра II и Горчакова, их политических целей и принципов, российской действительности и жизни в Петербурге, остались неизученными. На основании анализа всего комплекса имеющихся в настоящее время опубликованных источников представилось возможным исследовать те вопросы, которые в отечественной и немецкой историографии ранее не были поставлены.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РАБОТЫ

Источниковая база по изучению деятельности Отто фон Бисмарка огромна. Она состоит из разнообразной делопроизводственной документации, записей выступлений и бесед, личной корреспонденции. Объем документов, раскрывающих петербургскую миссию, более узок.

Важным источником монографии стали мемуары Бисмарка «Мысли и воспоминания», подводившие итог его многолетней политической деятельности. Сразу после вынужденной отставки в 1890 г. германский канцлер стал писать свои воспоминания «сынам и внукам для понимания прошлого и в поучение на будущее». Кроме объяснения побудительных мотивов, двигавших им в различные периоды его жизни и политической деятельности, Бисмарк считал свои мемуары орудием идейной борьбы с «новым курсом» императора Вильгельма II и нового германского канцлера Г. Л. фон Каприви. Немецкий издатель и комментатор мемуаров Хорст Коль отмечал, что уже в июле 1890 г. князь передал издательству Котта право публикации своего труда. Уже через 3 года по первоначальной рукописи был изготовлен типографский макет «Мыслей и воспоминаний», который Бисмарк снова два или три раза перерабатывал, редактируя не только отдельные моменты, но и изменяя целые главы. Свои воспоминания Бисмарк подкреплял информацией из переписки с политиками, родственниками и друзьями, копиями документов Министерства иностранных дел Германии, статьями газетных номеров прежних лет. Первое издание мемуаров вышло в свет в 1898 г.¹, сразу после окончания жизненного пути Бисмарка. Третий том, в котором содержалась резкая оценка политики императора Вильгельма II, согласно воле

---

¹ *Bismarck Otto von. Gedanken und Erinnerungen. Stuttgart, 1898.*

Бисмарка, должен был выйти лишь после смерти императора. Однако вскоре после Ноябрьской революции в Германии 1918 г. и отречения Вильгельма II от престола этот том был опубликован как самостоятельное издание.

Существует несколько публикаций воспоминаний Бисмарка на русском языке, из которых необходимо выделить издание 1940 г. под редакцией А. С. Ерусалимского². Его перевод точен, полностью копирует немецкие издания как в количестве книг, так и в оформлении работы (например, в расширенном поглавном содержательном описании), и он не избилует авторской трактовкой высказываний Бисмарка. Публикации мемуаров Бисмарка, вышедшие в 2002 г.³ и 2003 г.⁴, абсолютно идентичны изданию 1940 г. В них сохранены стилистика, поглавные примечания и подстрочный аппарат. Отличия между ними только внешние: в последнем издании мемуары объединены в два тома, и в них отсутствует расширенное оглавление.

Для настоящего исследования большую важность имеют пять глав мемуаров Бисмарка, в которых повествование идет о событиях петербургской миссии⁵. В них дается оценка российского общества середины XIX в., говорится о традициях и характере русских, реалиях русской жизни. Политические события нашли в этих описаниях незначительный отклик.

Мемуары Бисмарка были известны зарубежной и отечественной историографии, поэтому содержащаяся в них информация по теме исследования служила дополнением для анализа основных источников.

После выхода в свет воспоминаний Бисмарка интерес к его документальному наследию возрос. Уже в конце XIX в. начали публиковаться документы, относившиеся к различным периодам полити-

---

² *О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. Перевод с немецкого под ред. А. С. Ерусалимского. 3 тт. М., 1940.*

³ *Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. М. — Минск, 2002. 2 ТТ.*

⁴ Мемуары Железного канцлера / Отто фон Бисмарк. М., СПб., 2003.

⁵ Главы: IX — «Путешествия. Регентство», X — «Петербург», XI — «Промежуточное положение», XII — «Взгляд назад на прусскую политику», XII — «Династии и племена».

ческой деятельности немецкого канцлера⁶. В начале 20-х гг. XX в. была предпринята грандиозная попытка публикации его наследия. Специалисты из берлинского издательства политических и экономических документов привлекли к работе ведущих профессоров из университетов Берлина, Гейдельберга, Грейфсвальда и Росток для публикации архивных документов, имевших отношение к Бисмарку. В результате этой работы в свет вышел 15-ти томный труд *«Отто фон Бисмарк. Собрание сочинений»*⁷, охвативший все годы жизни этого политика. Он стал уже большим раритетом. Авторы издания разделили материал по типам: официальные письма Бисмарка, его разговоры и беседы, речи и выступления, личная корреспонденция, мемуары Бисмарка, научно-исследовательская работа — всего 19 книг внушительного объема, напечатанных убогим немецким готическим шрифтом.

Официальные документы Бисмарка были написаны на деловом немецком языке, а свою личную переписку он вел на литературном немецком языке, часто используя афоризмы и шутки, сравнения с литературными героями и событиями из прошлого. Каждое из его писем могло содержать одну или несколько тем. В последнем случае темы часто начинались вдруг и неожиданно, без какой-либо предыстории и даже не с нового абзаца. Одна из особенностей писем состоит в частом и целенаправленном умалчивании Бисмарком фамилий лиц, от которых он получал информацию, дабы не навредить этим людям, если письмо попадет не в руки адресата или будет перлюстрировано. Взамен он часто пользовался общими фразами: «один генерал мне сказал», «мне сообщили», «стало известно», «от одного источника я слышал», что особенно проявилось в петербургской корреспонденции. Это сделало сложной задачу выявления круга знакомств и общения Бисмарка в России. Отдельные упоминания фамилий представителей российского общества

---

⁶ Politische Briefe Bismarcks. Berlin, 1889–1890. 1893. 4 Bde.; Bismarcks gesammelten Werke. Berlin, 1892; Preußen im Bundestag 1851 bis 1859. Leipzig, 1882–1884. 4 Bde.

⁷ *Otto Fürst von Bismarck. Die gesammelten Werke.* Berlin, 1924–1935. 15 Bde. (В монографии: G.W).

в донесениях Бисмарка все же присутствуют; о некоторых можно узнать, читая донесения «между строк». Без особого утаивания Бисмарк ссылался лишь на имена Александра II и А. М. Горчакова.

Публикуемые источники расположены в предметно-хронологическом порядке и печатаются на языке оригинала, без перевода с иностранного языка на немецкий. Их публикация представлена следующим образом: порядковый номер, наименование типа донесения, адресат, указание на собственноручность написанного Бисмарком документа, или подготовку документа его секретарем, место и дата написания, текст источника. Архивная ссылка до или после источника отсутствует. При публикации документов часто давалась предыстория того или иного источника, в связи с каким событием он появился. В верхнем колонтитуле указывались темы печатаемого на данной странице документа. В конце каждого тома приводится регистр упоминаемых в донесениях персоналий и список адресатов Бисмарка с указанием страниц в томе, на которых напечатаны письма к ним.

Включая ранее опубликованные архивные документы в данное собрание, составители давали соответствующую ссылку на источник.

Материалы, собранные в этом издании, представляют большую ценность для монографии. Документы петербургского периода содержат высказывания Бисмарка о международном курсе и внутренней политике России, роли императора Александра II и Горчакова в жизни империи, высказывания о видных государственных деятелях России того времени, его многочисленные заметки о реалиях русской действительности. Эти материалы являются прекрасным источником для изучения причин, которыми Бисмарк руководствовался в дальнейшем при формировании русского направления прусской внешней политики.

Это многотомное издание было известно в зарубежной и отечественной историографии, однако предпринимаемая в настоящей монографии попытка проанализировать все документы из этого собрания, дающие представление о восприятии Бисмарком России, осуществляется впервые.

При работе над монографией было использовано специальное издание, более целенаправленно раскрывающее содержание петербургской миссии Отто фон Бисмарка: *«Политические донесения князя Бисмарка из Петербурга и Парижа»*⁸ — хронологически охватывающее период с конца марта 1859 г. по конец апреля 1862 г. Это издание было задумано еще Бисмарком. Критикуя наметившееся вследствие нового курса внешней политики Германии Вильгельма II обострение русско-германских противоречий, Бисмарк придавал особую важность публикации разговоров с А. М. Горчаковым и Александром II, отличавшихся большим доверием и откровенностью.

Подготовленные к публикации опытным немецким дипломатом в отставке Л. Рашдау донесения основаны на копиях документов МИД Германии. Опубликованные письма и телеграммы были адресованы принцу-регенту, а затем королю Вильгельму I и министрам иностранных дел: барону А. фон Шлейницу и его преемнику графу А. фон Бернstorфу. В самом начале миссии часть документации составлялась на французском языке, хотя определенная ведомственная инструкция на это Бисмарку не была дана. Прусский корреспондент знал пристрастие принца-регента и Шлейница к французскому языку, кроме того, если бы он из заграницы писал по-немецки, в Берлине бы его начали подозревать в неуверенности или неумении писать по-французски. Впоследствии Бисмарк писал донесения только на своем родном языке.

В петербургских донесениях отсутствовали непроверенные сведения об императорском дворе и высшем обществе. Бисмарк сообщал в Берлин лишь необходимую информацию, не передавая дела второстепенной важности. Его письма отличаются подробностью в изложении обсуждаемых проблем. Очень редко, особенно при характеристике государственных деятелей России, Бисмарк давал волю легкой насмешке или колкости. Интересная и важная особенность сообщений Бисмарка состояла в том, что при передаче или цитировании слов Горчакова или

---

⁸ Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris (1859–1862), herausgegeben von L. Raschdau. Berlin, 1920. 2 Bde. (В монографии: ДрВ).

даже Александра II он нередко как бы «стирал» грань между концом цитаты и началом своей речи — очень часто умышленно. Такой способ он применял при изложении важных вопросов, например, событий, связанных с Итальянской войной 1859 г., Польским восстанием 1863–1864 гг. или германским вопросом. Учитывая холодные в первое время взаимоотношения Бисмарка и Шлейница, который не редко умышленно не доводил до сведения принца-регента донесения петербургского посланника, становится ясно, что эта хитрость увеличивала вероятность их передачи Вильгельму и способствовала выстраиванию политики берлинского кабинета в верном, как считал Бисмарк, русле.

Одним из плюсов этой публикации документов является хорошая подача материала. К каждому донесению был составлен список поднимаемых Бисмарком тем. В этом издании представлены документы как на немецком, так и на французском языках. Издатель посчитал нужным привести перевод этих сообщений на немецкий язык, что с успехом сделали доктор Кюлинг и профессор доктор Анрих, сохраняя в немецком переводе функциональную нагрузку французской стилистики. В конце работы помещен персональный указатель.

Петербургские донесения Бисмарка можно разделить на несколько тем. Первую часть составляют дипломатические дискуссии, связанные с решением итальянского вопроса и войной 1859 г. Изучая международный аспект итальянской проблемы, Б. Э. Нольде в своей работе ссылался на некоторые донесения Бисмарка петербургского периода. Помещая в центр исследования не развитие международных отношений, а Россию и ее внешнеполитические цели, и изучая сквозь эту призму новые и уже известные Нольде письма, можно прийти к новым и интересным выводам.

Большая ценность петербургской документации Бисмарка состоит в содержащейся в ней информации об Александре II и Горчакове, их взаимоотношениях, взглядах, а, главное, их политических платформах. Оценка императором и его министром перспектив внутриполитических преобразований в России, их взгляды на развитие международных отношений и место России в Европе ранее не были

изучены ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, что существенно повышает значимость этих материалов.

Петербургские донесения Бисмарка, посвященные польскому вопросу, также не были изучены во всей полноте, а его оценка крестьянской реформы в России вообще неизвестна историографии.

Учитывая эти особенности, можно с уверенностью сделать вывод о том, что изданные почти век тому назад петербургские донесения Бисмарка содержат ценные сведения о переломной эпохе в истории России, до сих пор так и неизученные ни в отечественной, ни в зарубежной историографии в силу ряда различных причин. Исследование этого интересного источника позволит заполнить такую лакуну.

Повышенный интерес к личности Бисмарка способствовал появлению нового издания его документального наследия. В 1963 г. в серии «Избранные источники по немецкой истории нового времени» вышло в свет 8-ми томное собрание «*Бисмарк. Избранные работы*»⁹ в девяти книгах, благодаря чему документы Бисмарка стали вновь открыты для широкого круга читателей. В этом издании была проведена большая выборка материалов из предшествующего 19-ти томного собрания, однако в него вошли и новые документы.

В этой публикации материалы разделены исключительно по хронологическому порядку. Документы снабжены указанием типа источника и адресата, места и даты написания и ссылкой на издание, по которому они публикуются. В конце каждого тома приводится указатель писем по адресатам, персональный и предметный указатели. В 2001 г. вышло второе издание без каких-либо изменений.

В работе большое внимание уделяется публикациям личной корреспонденции Бисмарка. В своих монографиях Ревуненков и Чубинский привели несколько его писем сестре и жене из Петербурга, однако в целом этот комплекс донесений, раскрывающий

---

⁹ *Otto von Bismarck. Werke in Auswahl.* Darmstadt, 1963. 9 Bde. (В монографии: WiA).

подробности пребывания Бисмарка в российской столице и его восприятие политических событий в России, специально не изучались ни отечественными, ни немецкими историками.

В личных письмах Бисмарк предстает в образе мягкого человека, нежного в отношениях с родными, искренне верующего в Бога. Он говорил о своих слабостях и проблемах, делился своим глубоким пониманием жизни, поддерживал родных и близких в сложных обстоятельствах, философствовал. Его письмам свойственно бичевание слабостей своего ближнего с пронизывающей остротой, но не оскорбительной сатирой. В этих письмах Бисмарк выступил в роли превосходного стилиста, придававшего выражению путем простой естественности формы красоту и одновременно силу.

Интерес к личной переписке князя Бисмарка подтверждает тот факт, что сборник *«Письма Бисмарка 1836–1873»*¹⁰ был издан более семи раз. Издатель Хорст Коль заключал свое предисловие следующими словами: «В каждом немецком доме, в котором чувствуют по-немецки, и где ищут поддержку в сокровищах нашей классической литературы против опустошенности современного материализма, в будущем также будет приготовлено почетное место для писем Бисмарка»¹¹.

Основное число писем было отправлено жене Бисмарка Иоганне, его сестре Мальвине и брату Бернгардту. Структура книги состоит из шести разделов, выделенных по хронологическому принципу. Эти письма позволяют дополнить общую картину политических взглядов, которая складывается из официальных донесений Бисмарка: в письмах часто дается оценка деятельности самодержца и лиц приближенных к нему, также важны его высказывания относительно польских событий.

Учитывая тот интерес, с которым в Германии отнеслись к этому изданию, сын Бисмарка, князь Герберт Бисмарк, решил опубликовать полное собрание писем своих родителей, резуль-

¹⁰ Bismarckbriefe. 1836–1873, herausgegeben von H. Kohl. Bielefeld und Leipzig, 1898. (В монографии: Bb).

¹¹ Ibid. S. X.

татом чего явился сборник «*Письма князя Бисмарка невесте и супруге*»¹².

Эта корреспонденция была пронизана нежными теплыми чувствами и душевными, живыми описаниями происходящего, поэтому Герберт Бисмарк ограничился лишь пояснениями некоторых имен и фамилий, полагая, что в остальном письма скажут сами за себя, и не будут нуждаться в каком-либо введении или пояснении. Была проведена серьезная работа по упорядочению писем из семейного архива Бисмарков и подготовке их к изданию. 593 писем этого сборника раскрывают события периода с конца декабря 1846 г. по 16 сентября 1892 г. и охватывают, таким образом, 46 лет. Сопоставляя количество писем за разные годы, можно прийти к интересному выводу. В истории переписки Бисмарка с женой особое положение занимают три года, в течение которых было отправлено больше всего писем. Это **1851 г.** — начало франкфуртской миссии (72 письма), **1859 г.** — первый год (а с учетом болезни Бисмарка менее чем полгода) пребывания в Петербурге (55 писем) и **1870 г.** (59 писем) — решающий в деле объединения Германии. Каждый этот год являлся определенным ключевым пунктом в жизни Бисмарка и на его пути достижения единства Германии. Объем переписки подчеркивает теплоту и душевность отношений Бисмарка с женой, которая помогала ему особенно в эти трудные годы.

В исследовании петербургского периода жизни Бисмарка оказала помощь «*Переписка Отто фон Бисмарка с Клейстом-Ретзовым*», его другом¹³. Их дружба началась 4 октября 1844 г., когда один из ближайших друзей Бисмарка Морис фон Бланкенбург сочетался браком с женщиной, которая более всего воздействовала на развитие его религиозной внутренней жизни — Марией фон Тадден. Жена Бисмарка была дочерью сводной сестры Клейста. Закончилась эта дружба 20 мая 1892 г., когда скончался сам Клейст. С 1852 по 1882 гг. между ними велась обширная переписка, значительная часть которой, к сожалению, была потеряна. Клейст

¹² Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin, herausgegeben von H. von Bismarck. Stuttgart und Berlin, 1910. (В монографии: FBB).

¹³ Bismarcks Briefwechsel mit Kleist-Retzow. Stuttgart, Berlin, o. J.

написал Бисмарку 50 из сохранившихся писем за этот период, против 12 Бисмарка, что во многом было обусловлено его большей занятостью. Эти письма передали в свое время издателю князь Герберт Бисмарк и жена Клейста. Несколько сохранившихся писем за петербургский период показывают отношение Клейста к Бисмарку и его роли в Петербурге, что очень важно. Благодаря публикуемым материалам можно проследить, как Бисмарк разбирал просьбу своего друга помочь немецкому юноше устроиться на военную службу в России. Кроме того, открываются внутренние переживания героев, сетования прусского посланника, воспоминания о событиях 1848 г. Письма, опубликованные в этом издании, помогают исследователю в более полном описании картины пребывания Бисмарка в Петербурге.

Интерес представляют письма Бисмарка Горчакову, опубликованные в журнале «Красный архив»¹⁴, текст которых предваряет довольно резкая статья А. Ерусалимского о Бисмарке. Хронологически публикация охватывает период с 1860 г. (первое письмо — 22 августа) по 1876 г. (последнее — 13 ноября), т.е. период в 16 лет, однако их количество невелико: лишь 7 писем относятся к периоду 1860–1863 гг., что не позволяет раскрыть отношения между Бисмарком и Горчаковым. Тем не менее, эти и последующие письма опровергают мысль, высказанную Ерусалимским во вступительной статье о том, что Бисмарк «питал к русскому канцлеру сильную ненависть (а последний платил ему той же монетой)»¹⁵.

В проведении исследования важную роль сыграла переписка императора Александра II и великого князя Константина, опубликованная Л. Г. Захаровой в издании «1857–1861 гг. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича»¹⁶. Представленные письма затрагивают многие вопросы, один из которых — развитие международных отношений

¹⁴ Письма О. Бисмарка А. Горчакову // Красный архив. Т. 6 (61). М., 1933.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994.

в этот период. Из переписки можно узнать интересные подробности о формировании внешней политики России после окончания Крымской войны. В письмах очень точно показано международное напряжение накануне Итальянской войны 1859 г. и переживания императора, связанные с вероятностью начала общеевропейской кампании. Анализ этих источников позволит сделать вывод о степени информированности Бисмарка относительно настроений императора в урегулировании конфликта в Италии.

Большую помощь в работе над монографией оказали мемуары графа Д. А. Милютина¹⁷, изданные Л. Г. Захаровой. Эти воспоминания — прекрасный источник для изучения международных и внутривнутриполитических событий, которые переживала Российская империя в переломный момент своей истории. Мемуары Милютина дали возможность составить определенный исторический фон, на котором рассматривались донесения Бисмарка, определялась степень их объективности. Большую роль сыграло описание Милютиным придворных партий в столице, оказывавших влияние на Александра II, что позволило более четко понять, в каких придворных кругах вращался Бисмарк, более полно представить его восприятие внутренней политики России. Мемуары содержат ценную информацию о польском вопросе. Опираясь на богатый материал своего архива и собственные воспоминания, Милютин передал очень точную картину происходивших событий, что позволило более глубоко проанализировать восприятие Бисмарком политики России в решении этого конфликта и его оценку укреплявшихся на этом фоне русско-пруских отношений.

Воспоминания Ф. Г. Тернера¹⁸, Ф. Мейера¹⁹ и Н. П. Игнатьева²⁰ являются интересными источниками для составления картины восприятия личности и политических взглядов Бисмарка русскими.

---

¹⁷ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.

¹⁸ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910–1911.

¹⁹ Мейер Ф. О русской эпохе великих реформ. (Из воспоминаний немца) // Вестник иностранной литературы. СПб., 1895. № 2. С. 107–126

²⁰ Игнатьев Н. П. Поездка графа Н. П. Игнатьева по европейским столицам перед войной 1877–1878 гг. // Русская старина. СПб., 1914. Т. 157. № 3. С. 491–516.

Описания уроков русского языка, которые давал Бисмарку петербургский студент В. Алексеев²¹, содержат интересную информацию о способностях прусского дипломата, его манере поведения и политических взглядах. Они являются интересным источником при изучении пребывания Бисмарка в Петербурге в рамках нового методологического направления истории повседневности.

В настоящий момент в публикации источников, относящихся к жизни и политической деятельности Бисмарка, произошли большие изменения. Научный фонд во Фридрихсруэ по изучению наследия Бисмарка предпринимает попытку публикации полного собрания его документального наследия. По словам сотрудников фонда, часть архивных документов не была включена в знаменитое 15-ти томное издание 1924 г., чтобы не испортить положительную картину восприятия политики Бисмарка, цель, которую это издание преследовало. В своей политике Бисмарк руководствовался исключительно интересами Пруссии и поэтому мог прибегать к различным методам их достижения, не всегда корректным и справедливым, согласующимся с нормами международного права. Документы, проливающие свет на подобную политику канцлера, вероятно, не были включены в издание 1924 г. Их поиск проводится сейчас сотрудниками фонда Бисмарка. В настоящее время вышло четыре тома из нового издания документов, предпринимаемого фондом во Фридрихсруэ. В них собраны источники по франко-прусской войне и первым годам после образования Германской империи: с 1871 по 1881 гг., что выходит за рамки исследуемого в настоящей монографии периода. По словам профессора доктора У. Лаппенкюпера и доктора А. фон Зеггерна, первостепенной задачей сотрудников фонда является изучение истории Германской империи, поэтому важную роль будет занимать исследование позднего документального наследия Бисмарка. После этого, возможно, внимание будет обращено на ранние годы его политической деятельности.

Решение заявленных в предисловии к монографии проблем возможно лишь при комплексном анализе вышеназванных источ-

---

²¹ См.: Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden, 1890.

ников. Как уже было отмечено, официальная документация Бисмарка, в которой содержится информация о России, подробно не была проанализирована. Заявленная в монографии тема позволяет по-новому проанализировать источники, уже известные Нольде, Ревуненкову и Хайнце. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка анализа всей личной корреспонденции Бисмарка, содержащей любую информацию о России. Такой метод анализа различных по типу источников дает возможность максимально полно рассмотреть поставленную в исследовании тему. Привлечение материалов, показывающих восприятие некоторыми русскими Бисмарка, дополнит исследование его представлений о России. В более широком плане это позволит рассмотреть не только Россию в оценке «иного», но и самого Бисмарка как «другого», «чужого» в восприятии русских.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ БИСМАРКА В РОССИИ

Прежде чем приступить к изучению восприятия Бисмарком внешней и внутренней политики России представляется необходимым рассмотреть те условия, в которых ему представилось жить в Петербурге. Это сделает более наглядной картину его пребывания в столице, поможет лучше понять настроения и чувства, переживаемые прусским посланником за время своей жизни в России, мысли, занимавшие его помимо прямых дипломатических обязанностей.

Высказывания Бисмарка о Петербурге покажут, как иностранец оценивал российскую столицу и на какие моменты он обращал свое внимание. Один из методологических принципов изучения проблемы «свой» — «чужой» заключается в поиске эпизодов, которые особо выделяются иностранцем. Это позволит узнать больше о Петербурге, увидеть, что в российской столице было «не так» как в Европе, что он видел в России впервые, чему удивлялся, а что соответствовало европейским «стандартам», к которым привык зарубежный гость. Это уже будет соответствовать проблематике «мы» и «они».

Исследование петербургской корреспонденции Бисмарка возможно и с точки зрения такого историографического направления как микроистория или история повседневности. Сообщения Бисмарка о рабочем графике, свободном времяпровождении, вопросах, с которыми приходилось сталкиваться иностранному дипломату, позволит более красочно передать картину жизни аккредитованных в России дипломатов.

Важным является выявление круга общения Бисмарка в Петербурге. Несмотря на определенные успехи отечественной историографии в данном вопросе¹, изучаемые впервые источники позволяют значительно дополнить уже имеющуюся информацию. Выявление

---

¹ В монографии Б. Э. Нольде рассматривались связи Бисмарка в кругу балтийских немцев Петербурга. В диссертации Р. И. Иванякова была осуществлена

круга его общения поможет понять, откуда Бисмарк черпал свои сведения и какими были источники отправляемой в Берлин информации.

Отдельно в главе будет изучена оценка Бисмарком А. М. Горчакова и Александра II, их личных качеств и политических взглядов. Важно проследить, какими были рабочие и личные отношения между Горчаковым и Бисмарком. Петербургская корреспонденция содержит интересные сведения о взаимоотношениях между российским императором и Горчаковым, их взглядах на внешнеполитические проблемы. Необходимо показать оценку Бисмарком личности Александра II, понимание его роли в проведении внутренних преобразований в России и его принципов в руководстве внешней политикой государства.

Петербург в восприятии прусского посланника

Ссылка или повышение по службе?

Назначение прусского представителя при Союзном Сейме во Франкфурте¹ Отто фон Бисмарка руководителем прусской дипломатической миссии в Петербурге явилось следствием изменений, произошедших во внутренней и внешней политике Прусского королевства.

В 1857 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV перенёс несколько ударов. Из-за вызванной ими ограниченности функций речевого центра он не мог далее самостоятельно управлять государством. Благодаря супруге Фридриха Вильгельма IV Елизавете Людовике Баварской король 23 октября 1857 г. уполномочил своего брата принца Вильгельма замещать его в течение трех месяцев. Это замещение постоянно продлевалось и, наконец, 26 октября 1858 г., конституционное голосование прусского парламента, ландтага, постановило учредить в Пруссии регентство в силу неспособности короля управлять государством. С утверждением

попытка показать отношения между Бисмарком и сотрудниками прусской дипломатической миссии в Петербурге.

на престоле принца-регента Вильгельма был отправлен в отставку считавшийся консервативным кабинет министров Отто фон Мантейффеля и назначен новый, более либеральный, под председательством Карла Антона фон Гогенцоллерн-Зигмарингена. В правительственной программе, озвученной принцем-регентом 8 ноября 1858 г., декларировалось начало «Новой эры» в Пруссии, нового прогрессивного курса, призванного обновить политическую жизнь в самой Пруссии и способствовать утверждению политики «моральных завоеваний» Германии. В состав нового правительства вошли представители консервативно-либеральной оппозиции 1850-х гг. Историк З. Нойманн полагал, что внимательные наблюдатели не могли не заметить, что правительственная перестановка изменила немногое. Вместо феодально-настроенных консерваторов у власти оказались аристократические либералы². От нового кабинета министров принц-регент ожидал подтверждение своей преданности конституции, умеренных реформ, но не принципиальных изменений или нанесения ущерба королевской власти. В итоге прошедших в ноябре 1858 г. парламентских выборов в Пруссии у консерваторов, приверженцев политического курса Мантейффеля, оказалось 57 голосов против 263 голосов у сторонников курса «Новой эры»³. Историк Пфланце полагает, что определить это новое большинство в парламенте как «консервативное» или «либеральное» не представляется возможным вследствие их расплывчатых требований и политических целей. Вместе с тем, они стремились к укреплению принципа разделения властей и отклоняли английский стиль парламентской правительственной системы. Их целью было установление взаимопонимания между парламентским большинством, королем и министрами⁴.

Пришедшие к власти либералы, учитывая консервативные взгляды Бисмарка, не могли позволить ему наладить тесные от-

---

² *Neumann Sigmund*. Die Stufen des preußischen Konservatismus. Berlin, 1930. S. 130 ff.

³ На выборах 1855 г. у консерваторов было 218 голосов, у их оппозиции, «консервативных» либералов, 116.

⁴ *Pflanzen Otto*. Bismarck. Bd I. Der Reichsgründer. München. 2008. S. 140

ношения с принцем-регентом. В Берлине скапливались жалобы на непослушного прусского представителя во Франкфурте. Посланник Пруссии в Штутгарте писал в Берлин, что «имя Бисмарка во всех германских правительствах произносится с отталкивающим, негативным тоном, оно до глубины души ненавидимо сторонниками Пруссии»⁵. Поскольку с провозглашением курса «новой эры» во внешней политике Пруссии был взят курс на выстраивание тесных взаимоотношений с западными державами и, прежде всего, Англией, главное обвинение, выдвинутое либералами против Бисмарка, заключалось в его профранцузской политике и поддержке тесных отношений с Россиейⁱⁱ. Взгляды Бисмарка на внешнюю политику признавались консервативными, реакционными и служащими прусским партикуляристским интересам⁶. Его курс шел вразрез со взглядами принцессы Августы и ее ставленником на посту министра иностранных дел Пруссии — бароном А. фон Шлейницем, «гаремным министром», «обязанным своей карьерой женским поддубникам»⁷.

Неугодного дипломата решили отправить на должность прусского представителя в Россию, которая в новых внешнеполитических реалиях Пруссии перестала играть прежнюю роль. Кроме того, в Берлине были уверены, что после поражения в Крымской войнеⁱⁱⁱ Россия отойдет от большой европейской политики и займется внутренними проблемами. Слухи о переводе Бисмарка в Петербург стали курсировать в берлинском высшем обществе с осени 1858 г. Бисмарк настолько привык к ним, что испытал истинное разочарование, когда узнал, что должен остаться во Франкфурте еще на некоторое время: «здесь довольно плохая политическая погода, которую я с удовольствием переждал бы в медвежьей шкуре с икрой и охотой на лосей»⁸. Предчувствуя свой скорый отъезд, Бисмарк писал сестре, что хотел бы увидеть ее, «пока я не замерз на Неве»⁹.

⁵ Schmidt Reiner F. Otto von Bismarck — Realpolitik und Revolution. Eine Biografie. Stuttgart, 2004. S. 88.

⁶ Ibid. S. 92.

⁷ Ibid. S. 90.

⁸ Bismarck an Schwester Malwine. 10. XII. 1858 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 495.

⁹ Ibid.

Только 25 января 1859 г. на одном из дипломатических балов Бисмарк узнал от доверенного лица принцессы Августы — оберцеремонийстера графа Штильфрида, — что его перевод в Петербург — дело уже решенное.

Он не смог добиться сохранения франкфуртского поста также и во время аудиенции у принца-регента 26 января 1859 г. Передавая свой разговор с Вильгельмом, Бисмарк писал, что «главной его целью было представить мое назначение в Петербург в виде своего рода отличия»¹⁰.

Официальное назначение Бисмарка на новую должность последовало 29 января 1859 г. Хотя этот перевод и был своего рода ссылкой и отлучением его от активного занятия германскими делами, тем не менее, учитывая консервативно-монархические убеждения и пруссачество Бисмарка до мозга костей, от него можно было ожидать в Петербурге лишь преданного служения интересам Пруссии и монарху Вильгельму.

Свой перевод в Петербург на пост прусского представителя при дворе российского императора Бисмарк оценивал двояко. С одной стороны, он был огорчен своим новым назначением, поскольку считал полезным для Пруссии свою службу именно во Франкфурте, «этой лисьей норе Союзного Сейма, где я изучил все ходы и выходы вплоть до малейших лазеек»¹¹. Богатый опыт, приобретенный им в столице Германского Союза, и политическое доверие германских владетельных князей к Пруссии могли быть растеряны. Этого бы не произошло, если бы дипломатический пост во Франкфурте наследовал талантливый человек. Бывший прусский посланник в Ватикане Граф Гвидо фон Узедом, назначенный во Франкфурт вместо Бисмарка, не мог составить ему достойную замену. Он не обладал таким политическим масштабом и широким видением европейских дел. В беседе с принцем-регентом, в письмах другу Густаву фон Альвенслебену и государственному секретарю Юстусу фон Грунеру Бисмарк негативно отзывался об Узедоме и его жене, списывая его назначение на

¹⁰ *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 288, 297.

¹¹ *Там же*. С. 286–287.

этот пост на счет его сомнительной приверженности к либерализму.

Вместе с тем Бисмарк осознавал другое. Ольмюцское соглашение 29 ноября 1850 г.^{iv}, по которому Пруссия отказывалась от попыток объединить Германию под своим главенством, постепенно теряло фактическую силу. Пруссия могла заявить о себе уже громче. Первым звонком для нее прозвучали орудия Крымской войны. Слабый, шаткий, но все же нейтралитет Берлина оградил Европу от общеконтинентальной войны^v. Перед двумя германскими великими державами более отчетливо стала перспектива реформирования сложившихся в Союзе отношений. Австро-прусское противоречие становилось важной международной проблемой и все больше овладевало умами самих немцев: «не сохранение настоящего, не его усовершенствование, а завоевание не существующей еще, но должной единой Германии и напряженное изыскание путей и средств этого завоевания были главным содержанием тогдашней германской жизни»¹².

Бисмарк прекрасно понимал, что вопрос германского национального объединения не мог решиться на уровне парламента во Франкфурте, но прямо зависел от европейской дипломатической обстановки. Германский вопрос требовал от Бисмарка покинуть душные стены франкфуртского сейма и выйти на широкий простор европейской политики. Прекрасным подспорьем в этом деле ему могла послужить должность прусского посланника в Петербурге. Российская столица стояла рангом выше Франкфурта и могла принести Бисмарку определенный успех, тем более что он мог рассчитывать на благосклонное отношение к себе в Петербурге, вследствие занятой им благоприятной по отношению к России позиции в Крымской войне^{vi}. Это подтверждают последние донесения Бисмарка из Франкфурта, в которых он излагал свои взгляды на состояние германской проблемы. Бисмарк, как и прежде, стремился добиться деятельного отпора требованиям германских князей следовать союзу с Австрией, считая, что Союзный Сейм и Германия

---

¹² Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. 1859—1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925. С. 12.

не суть одно и то же. Лейтмотивом этих посланий является мысль о первостепенной значимости создания новых условий европейской политики, в рамках которых можно будет добиться усиления роли Пруссии в Германии^{vii}. Будучи начинающим дипломатом, Бисмарку это было еще не под силу, но с его дипломатическим переводом в Россию ему представилась прекрасная возможность начать эту трудную миссию.

В большой спешке в Петербург

После трех месяцев ожидания в Берлине официального разрешения на переезд в Петербург Бисмарк, наконец, получил аккредитацию 22 марта и на следующий день отправился в путь: «меня целыми днями держали в Берлине с хлопотливым ничегонеделанием, а затем было сказано отправляться незамедлительно и в большой спешке, даже без времени на прощальные визиты»¹³.

Бисмарку не нравилась такая спешка. Сам он хотел переехать в Петербург в начале мая. Но в этом было два препятствия. Во-первых, во Франкфурт в начале 1859 г. возвращался Узедом и Бисмарку необходимо было срочно передать ему управление делами прусского представительства при Союзном сейме. Во-вторых, Бисмарку стало известно, что денежное жалование со своего нового поста в Петербурге он сможет получить лишь только в том случае, если он приедет в российскую столицу до начала нового финансового квартала, т. е. до 1 апреля 1859 г. В письме секретарю прусской миссии в Петербурге графу Вертерну Бисмарк делился своими мыслями: «Я полагал, что не следует менять отчетность до окончания квартала, а место проживания — до мая. Если же мне придется заплатить за эту приемлемость стоимость, равную 2–3 тысячам бутылок шампанского или 6–8 хорошим лошадям, это будет слишком дорого для меня»¹⁴.

¹³ Bismarck an Heinrich und Luitgard von Puttkamer. 8. IV. 1859 // FBB. S. 415.

¹⁴ Bismarck an Georg von Werthern. 6. II. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 498.

Бисмарку предстояло ехать со своим адъютантом Клюббером в экипаже от Кёнигсберга до Пскова. Далее до Петербурга вела железная дорога.

Прусский дипломат, как и многие иностранцы того времени, имел смутные представления о стране, в которую он ехал. Показательны строки из дружеского письма Дж. Т. Мотли Бисмарку от 16 февраля 1859 г.: «Ты действительно едешь в Петербург?.. Я не могу выразить, как я расстроен<...> я сомневаюсь, что ты доволен, врываясь в полярный круг, куда ты, кажется, готовишься<...> Вы едете в Петербург, и мне кажется, как будто вы мигрируете почти на планету Юпитер»¹⁵.

Чем же встречал незнакомый ему край? «Моя любимая!.. метель... 6 дюймов высота снега, все белое, от 2 до 7 градусов, лед»¹⁶, — писал он жене Иоганне фон Путткамер 25 марта из Ковно. Первые письма из России показывают восторг Бисмарка представившейся русской сказкой. Тем не менее, этот переезд был довольно трудным испытанием. Остановившись 28 марта в Пскове, Бисмарк в письме жене более подробно описал свое путешествие: «Россия раскинулась под нашими колесами, версты множились на каждой станции»¹⁷. Бисмарк жалуется, что из 96 часов дороги ему пришлось спать только дважды: 4 часа в Ковно и 3 на станции под Динабургом (с интересным названием Eger-ten). Внутреннее пространство экипажа было слишком тесным для двух человек — и Бисмарку приходилось меняться с Клуббером и ехать снаружи. После поездки при 14-ти градусном морозе «кожа на моем лице отслаивалась»¹⁸, — сетовал он в письме сестре от 31 марта из Петербурга. Самым трудным препятствием являлись снежные заносы, холмы и взгорья; иногда за час их экипаж продвигался на 20 шагов. Часто нужно было выходить и идти пешком, чтобы облегчить ношу лошадям. Лошади несколько раз

---

¹⁵ Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. Stuttgart und Berlin, 1901. Bd. 2. Aus Bismarcks Briefwechsel. S. 282.

¹⁶ Bismarck an Johanna. 25. III. 1859 // FBB. S. 404.

¹⁷ Ibid. S. 405.

¹⁸ Bismarck an Malwine. 31. III. 1859 // Bb. S. 253.

проваливались в снег и запутывались в своих же упряжках. Все это сопровождалось криками возничего, подгонявшего лошадей. Но Бисмарк не унывал: «ночь и ветер, настоящее зимнее путешествие на природе»¹⁹.

Нравилась иностранному гостю и российская глубинка: «все вокруг, — писал он жене из Пскова, — почти такое же, как в настоящей Померании, без деревень <...> несколько хороших лесов <...> много березового леса, тянущиеся на несколько миль болота, совершенно прямые шоссе, каждые 14–22 версты почтовая станция как трактир, каждый хорошо обставлен, имеет все необходимое и отапливается; все довольно учтивы и исполнительны к поручениям»²⁰.

Расстояние от Кенигсберга до Пскова было преодолено за 90 часов. В Пскове прусского посланника ожидала железнодорожная станция^{viii}, — а это значит долгожданный поезд и уютные купе, которые «гораздо лучше наших и отапливаются <...> 8 часов я проспал как в кровати»²¹. Бисмарк ехал в Петербург.

Обустройство в российской столице

По прибытии в Петербург одной из насущных проблем стало решение квартирного вопроса. Рассчитывать на дом прежнего прусского посланника барона К. фон Вертера Бисмарк не мог. Вертер был раздосадован своим переводом в Афины и не хотел покидать российскую столицу. Еще в феврале 1859 г. Бисмарк почувствовал недружественное отношение Вертера к себе, когда тот объявил о продаже на аукционе имеющейся в своем петербургском доме мебели, несмотря на согласие Бисмарка арендовать дом Вертера со всей имеющейся мебелью. В письме Вертерну Бисмарк задавался вопросом, что ему придется делать в Петербурге в пустом доме, в случае если мебель будет продана. Кроме того, Вертер настоятельно рекомендовал Бисмарку летом за от-

¹⁹ Bismarck an Johanna. 28. III. 1859 // FBB. S. 406.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. S. 407.

дельную плату жить в большом загородном доме, который также следовало меблировать.

По приезду Бисмарка в Петербург его отношения с Вертером испортились еще больше. В письме жене Иоганне он сетовал: Вертер «полагал, что я приеду в мае, а он все это время будет поверенным в делах, по этому поводу он так расстроен, что с ним вообще невозможно общаться <...> в своем бурчании он держится очень недружественно по отношению ко мне, я его почти не вижу и, если мне все это надоест, то я имею все служебные полномочия для жалобы на него»²². Из всего этого Бисмарк делал вывод, что решать квартирный вопрос с Вертером в Петербург не имело никакого смысла. Кроме того, Вертер несколько позже еще повысил стоимость петербургского дома на 500 рублей²³, что Бисмарку было совершенно непонятно.

В этих обстоятельствах на первое, как надеялся Бисмарк, время была выбрана известная гостиница Демута^{ix}. Однако ценящий в жизни ясность и определенность, он тяготился временными условиями, да и не пристало дипломатической миссии располагаться в гостинице. 4 апреля 1859 г. Бисмарк писал жене: «до сих пор я не смог выяснить, есть ли вообще хоть одна вакантная (квартира — В. Д.), хотя я спрашиваю об этом каждого»²⁴.

Ровно через две недели Бисмарк мог обрадовать жену удачным разрешением своих поисков. Из предложенных квартир более всего ему понравился дом графа Стенбока-Фермора на Английской набережной^x. Он был меблирован и стоил 7000 рублей в год (правда, без отопления), что весьма недешево по тем временам. Но Бисмарк был очарован местоположением квартиры; 16 апреля он писал: «вид из дома Стенбока плывет над рекой в вечернюю зарю, напротив — портовое движение, пар и раздуваемые паруса, сразу справа от дома большой мост на Васильевский остров, и единственный железный»²⁵. В доме располагались три большие залы, причем

---

²² Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 411–412.

²³ Bismarck an Johanna. 16. IV. 1859 // FBB. S. 416.

²⁴ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 411.

²⁵ Bismarck an Johanna. 16. IV. 1859 // FBB. S. 416.

две из них были больше, чем в арендуемом Бисмарками во Франкфурте доме Зойфферхельдта. Под свою канцелярию Бисмарк отвел зал с паркетом, зеркальными дверями и серебряными бра. В письме брату Бернгардту от 8 мая 1859 г. он отметит наличие хороших конюшен и собственного манежа.

Была еще одна причина выбора этого дома. Месторасположение дома давало Бисмарку интересных соседей. Так, например, Дмитрий Алексеевич Милютин вспоминал: «мне случалось видеться с ним (Бисмарком — В. Д.) нередко, тем более что мы были близкими соседями на Английской набережной, когда я жил в доме Чилищева, а он — в доме графа Штейнбока-Фермора (где позже помещалось австрийское посольство)»²⁶.

Бисмарк не жалел, что выбрал этот дом. Несмотря на разговоры о возможном наводнении в городе, он писал: «если бы у меня был выбор между Морской²⁷ и Стенбоком, я бы, наверное, выбрал последнее, хотя и гораздо ближе к воде»²⁸.

Процедура оформления аренды дома тянулась долго. Контракт был подписан только в начале мая 1859 г. и то на один год, поскольку домовладелец граф Стенбок не желал договариваться на более длительный срок. И даже после заключения соглашения юридические трудности и проволочки заставили Бисмарка провести весь май в гостиничных апартаментах, «гостиничном убежище»²⁹, как он его называл. Первую ночь в новой квартире Бисмарк провел лишь 11 июня 1859 г.

Штат домашней прислуги состоял из 2 кучеров, портье, русского повара, ливрейного егеря, лакея для выездов г-жи Бисмарк, канцелярского служащего. Кроме того, в доме Бисмарка были «мужики»³⁰, это русские в полосатых рубашках и с бородами, которые обслуживают наших слуг»³¹.

²⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 304.

²⁷ На Морской набережной находился дом прежнего прусского посланника в Петербурге Карла фон Вертера.

²⁸ Bismarck an Johanna. 23. IV. 1859 // FBB. S. 421.

²⁹ Bismarck an Johanna. 16. V. 1859 // FBB. S. 429.

³⁰ В тексте письма слово «мужики» написано по-русски.

³¹ Bismarck an Johanna. 6. V. 1859 // FBB. S. 425.

По подбору персонала у Бисмарка не было вопросов. Он только жаловался, что не может взять свою немецкую прислугу, поскольку, по правилам, иностранный дипломат мог взять с собой не более двух слуг, не говоривших на русском языке. В письме Вертерну Бисмарк показывал, что отношения между господином и слугами не были для него простой формальностью: «я не могу решиться выставить на улицу человека, которым я доволен и который вызвался быть при мне»³². Слуги Бисмарка могли быть из деревни и с их переездом в большой город Бисмарк брал как бы на себя ответственность за обустройство их новой жизни. В Петербурге Бисмарку по началу не хватало только конюха и кучера. Страстный охотник и любитель кататься верхом, Бисмарк не мог перевезти в Петербург своего любимого кучера Хаммена, ухаживавшего за его лошадьми во Франкфурте, а русских на эту работу брать не хотел, потому что им совершенно не доверял: «у меня уже третий кучер; люди пьют так, что доверить им **собственную** лошадь нельзя. 13 дней из 14 они примерны и благонравны, а затем, когда ждешь экипаж, находишь их среди лошадей, по голову в ведре с водой, и на целый день они совершенно выведены из строя»³³.

Тем не менее, дом был уже выбран, прислуга подобрана, только переехать в него никак не удавалось.

Дом Штенбока был бы пуст без личных вещей Бисмарка. Несмотря на то, что новая «резиденция» была наполовину меблирована, он делал все возможное, чтобы привезти из Германии как можно больше предметов интерьера. Главное место занимала мебель и предметы роскоши.

Вследствие длительного ожидания Бисмарком своего официального назначения на пост посланника в начале 1859 г. значительная часть приготовлений и хлопот, связанных с отправкой вещей в Петербург, легла на плечи его жены — Иоганны фон Путткамер. Письма Бисмарка жене за январь — май 1859 г. изобилуют различными рекомендациями и подсказками, как лучше перевезти вещи в Петербург. Так, например, он советовал не прятать серебряные

³² Bismarck an Georg von Werthern. 6. II. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 499.

³³ Bismarck an Johanna. 16. V. 1859 // FBB. S. 429.

предметы в обычный ящик, поскольку он «из-за своей тяжести затеряется»³⁴. Большое значение Бисмарк уделял мебели. «Было бы лучше, — писал он, — нуждающуюся в новой обивке мебель отправить сразу в Дармштадт и затем перевезти уже готовую, поскольку петербургская работа будет стоить дороже и там больше украдут материалов, которые приготовишь для этих работ»³⁵. Основательность прусского помещика ощущалась в его любви к добротной мебели. Он переживал, что в Петербурге будет недоставать письменного стола, книжного шкафа и шкафа для ружей. Просто эта мебель из его поместья в Германии была непередвигаема... Бисмарк часто выдумывал предметы своего интерьера, заказывал их, изменял, обустраивал свой быт со свойственной пруссаку скрупулезностью. Следуя тону петербургской моды, он советовал жене в письме от 4 апреля 1859 г. продать свой письменный стол: «я должен иметь новый, гораздо больше, в стиле твоего бюро-цилиндра, но гораздо больше, <...> элегантней и массивней, даже если дорогой»³⁶. Бисмарк писал, что в Петербурге очень модна резная мебель из орехового дерева, матовая, без полировки, старофранцузская — «этим они совершенно одержимы»³⁷.

Мебель и вещи передавались морским путем через Голландию, поскольку фрахт голландских кораблей был дешевле и, кроме того, гарантировал бóльшую надежность и целостность перевозимых вещей.

Морским путем Бисмарк просил перевозить не только мебель. В письме жене от 21 марта 1859 г. он беспокоился о том, что «лучше всего отправить в Петербург все то, что стоит в погребе. Кто знает, кто бы все это выпил в Шёнхаузене?»³⁸ — Бисмарк имел в виду коллекцию спиртных напитков (столовые и шампанские вина, ликеры и проч.) из его поместья Шёнхаузена. Нередко в Петербург его родные отправляли продуктовые посылки.

---

³⁴ Bismarck an Johanna. 17. III. 1859 // FBB. S. 401.

³⁵ Ibid.

³⁶ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 411.

³⁷ Ibid.

³⁸ Bismarck an Johanna. 21. III. 1859 // FBB. S. 403.

Так, например, Бисмарк выражал брату благодарность за яблоки и картошку — не столько как за продукты, но как за частичку его прусской родины.

Перевозка личных вещей из Германии затянулась, и Бисмарку все же пришлось покупать самое необходимое в Петербурге: «кровать, полотенца, чашки, самовар я здесь худо-бедно, но купил, также наволочки; довольно дешевые, как я полагаю. Все же нужно как-то существовать»³⁹. Тем не менее, Бисмарк не отчаивался из-за этих трудностей: «я вообще полностью доволен своим положением, за исключением климата и разлуки со своей семьей», — делился он со своим братом в мае 1859 г.⁴⁰

Бисмарк был прекрасным семьянином и очень тяжело переживал расставание с родными. Его письма из России жене очень трогательны: «60-й градус широты нельзя перенести, и мы не выбирали наш жребий. И здесь много людей живут счастливо, хотя лед еще тверд как скала, а ночью вновь идет снег <...> мне бы и это все понравилось, <...> если бы, прежде всего, ты была рядом со мной»⁴¹. Бисмарк сетует на род своих занятий, работу и ведомственные обязанности, свое призвание, «которое стало частью меня в этом мире, и которое ты должна помогать переносить в радости и печали после твоего многозначительного «да» в церкви Кольциглова»⁴². Таким было глубокое понимание супружества у Бисмарка. Он отправился в незнакомую страну один только для того, чтобы семья не испытывала трудности первого времени. Он хотел арендовать в Петербурге дом, обставить его, привыкнуть к ритму жизни российской столицы, войти в курс дел, обжиться. Только после этого можно было заняться переездом семьи в Россию.

Жена и дети Бисмарка смогли ощутить петербургскую жизнь уже в скором времени. Он перевез их в российскую столицу в июне 1860 г. Из его писем родным видно, что город, природа, общество,

³⁹ Bismarck an Johanna. 11. VI. 1859 // FBB. S. 439–440.

⁴⁰ Bismarck an Bernhard. 8. V. 1859 // Bb. S. 257.

⁴¹ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 410.

⁴² Ibid.

одним словом, все, что было связано с Петербургом, нравилось и Иоганне фон Путткамер. Единственное, что ее беспокоило — это сильные морозы зимой и, как следствие этого, болезнь детей.

Чем удивил Петербург?

Петербург с самого начала удивил Бисмарка оживленностью движения на улицах: «несмотря на их ширину, необходимо иметь хорошего кучера, чтобы можно было пробраться по ним рысью, настолько они забиты экипажами»⁴³. В письме же своему брату 8 мая 1859 г. Бисмарк советовал прохожему, оказавшемуся в Петербурге, быть более расторопным, вследствие того, что движение по улицам весьма оживленное и небезопасное. Бисмарк сравнивал в этом плане Петербург и Лондон. Эти впечатления нашли отражение и в его мемуарах. Прусский посланник «рекомендовал бы появляться на улицах не иначе, как со знаком одного из высших русских орденов», иначе «не всегда можно было избежать опасности оказаться жертвой невозддержанного языка или неосторожной езды отличавшихся своей особой одеждой кучеров видных сановников»⁴⁴. «Единственное, что меня злит, — говорилось в письме жене 4 апреля 1859 г., — это то, что на улицах нельзя курить»⁴⁵.

Интересно, как Бисмарк ориентировался в Петербурге, ведь в то время адресная система еще не была введена: «дома не имеют номеров, — писал он жене 19 апреля 1859 г., — и я не нахожу ни одного из моих знакомых без помощи кучера. Тут названия: «Дом Демидова на Невском проспекте», но на Невском около 200 домов, догадайся, где дом Демидова!»⁴⁶. Как же Бисмарк выходил из такого положения кроме помощи кучера? «Мои путеводители, — продолжает Бисмарк, — вывески торговцев, в особенности Шульцъ, Миллеръ и Шмидтъ... сегодня я обнаружил фамилию Ягръ и друга твоей

⁴³ Bismarck an Malwine. 31. III. 1859 // Bb. S. 254.

⁴⁴ Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 311.

⁴⁵ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 410.

⁴⁶ Bismarck an Johanna. 19. IV. 1859 // FBB. S. 418.

матери Ганожьк. Исключительно честный берлинец под курчавой бородой московитского росчерка пера»⁴⁷.

Неприятным сюрпризом для Бисмарка оказались цены в Петербурге. В петербургских письмах Вертера Бисмарк, еще находясь в Берлине, читал о высоких ценах в российской столице. Бисмарк тогда заметил: «он (Вертер — В. Д.) считает, что на жалование вполне можно прожить, хотя все то, о чем он мне рассказывал, я нахожу страшно дорогим. А он еще и имеет в остатке»⁴⁸. Но все это были слова, пока Бисмарк сам не убедился в их правоте. В письме брату от 8 мая 1859 г. Бисмарк жаловался: «дороговизна для повседневных нужд, мяса, хлеба, фуража не чрезмерна, но во всем, что принадлежит к роскоши, она баснословна»⁴⁹. Эта же тема не раз поднималась в письмах к жене: «Все цены в действительности ужасно высоки. 10000 рублей с легкостью требуют за дом <...> Только теперь я не могу так высоко занестись»⁵⁰. Эта фраза вполне отражает тяжелое финансовое положение Бисмарка в Петербурге, вынужденного во всем экономить, получая скромное жалование. Приходилось экономить даже на телеграфе. 23 апреля 1859 г. Бисмарк писал жене: «английская миссия в марте (по старому стилю) имела счетов по телеграфу на 4000 рублей, мы несколько более 300»⁵¹. И действительно, основной объем петербургской корреспонденции Бисмарка составляют рукописные донесения. Количество телеграмм было довольно незначительным; Бисмарк прибегал к услугам телеграфистов, только когда необходимо было быстро передать в Берлин какую-то важную новость. За все время аккредитации в российской столице он ни разу не организовал балы и дорогие встречи в здании представительства: «в чужих домах я замерзаю, а в собственном же, я обречен на большие ограничения... я не даю никаких обедов»⁵², — писал он сестре 9 декабря 1860 г. Человек гостеприимный и радушный, Бисмарк никак

---

⁴⁷ Bismarck an Johanna. 19. IV. 1859 // FBB. S. 418; эти пять фамилий в письме написаны по-русски, в скобках дана транслитерация на немецкий.

⁴⁸ Bismarck an Johanna. 9. III. 1859 // FBB. S. 399.

⁴⁹ Bismarck an Bernhardt. 8. V. 1859 // Bb. S. 257.

⁵⁰ Bismarck an Heinrich und Luitgard von Puttkamer. 8. IV. 1859 // FBB. S. 415.

⁵¹ Bismarck an Johanna. 23. IV. 1859 // FBB. S. 420.

⁵² Bismarck an Malwine. 9. XII. 1860 // Bb. S. 300.

не мог смириться с этим. В условиях нехватки финансов приходилось тратить семейные сбережения. Он сдавал в аренду часть своего поместья под Берлином, настоятельно и неоднократно советовал жене выставлять на аукцион некоторые вещи, мебель. Несмотря на использование семейных средств, жесткую экономию «я потерял 3 года назад, — писал Бисмарк советнику прусского посольства во Франкфурте Венцелю, — по части средств к обустройству более 10000 рублей»⁵³. В то время за такую цену можно было арендовать хороший дом в Петербурге на год! Насколько это было дорого — видно также из того, что товарищу военного министра Дмитрию Алексеевичу Милютину на аренду квартиры на Английской набережной в доме Челищева «разрешено было отпускать из казны 3500 рублей ежегодно»⁵⁴.

Вряд ли критериями цены руководствовался Бисмарк, когда просил жену в письме 16 мая 1859 г. привезти ему следующие предметы туалета: «перчатки, желтую лайку и коричнево-пепельные, также несколько черных галстуков, не очень узких, но в особенности зубную щетку, большую, густую, жесткую как камень, которая не теряет щетину»⁵⁵. Можно предположить, что качество этих принадлежностей, купленных в Петербурге, было гораздо ниже тех, к которым привык Бисмарк в Германии.

В Петербурге иностранца поражали знаменитые белые ночи: «теперь не темнеет, когда в 11 едешь в общество, можно читать на открытом воздухе, как и в 1, когда возвращаешься домой по еще оживленным улицам. Раньше 3 мне едва ли удастся дойти до постели, и даже тогда как днем»⁵⁶.

Работа и отдых в российской столице

График работы Бисмарка на посту посланника был насыщенным. Рабочий день его начинался рано утром. Первая половина дня, как

⁵³ Bismarck an Wentzel. 19. IV. 1862 // Bb. S. 311.

⁵⁴ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 19.

⁵⁵ Bismarck an Johanna. 16. V. 1859 // FBB. S. 429.

⁵⁶ Bismarck an Johanna. 31. V. 1859 // FBB. S. 433.

правило, уходила на приемы и разбор дел проживающих в России пруссаков. В письме художнику Я. Беккеру Бисмарк сообщал, что «здесь более 40 тыс. прусских подданных, для которых я одновременно суд, полиция, градоначальник, папа, мама, Бундестаг, адвокат, банкир и многое другое. Каждый из них должен продлить у меня свою легитимацию, действующую в течение 5 лет; таким образом, около 8 тыс. человек в год. И каждый из них настолько рад мне поведать обо всех своих семейных событиях, смертных случаях, рождениях в семье»⁵⁷. После приемов следовали рабочие встречи с императором Александром II, министром иностранных дел России А. М. Горчаковым, аккредитованными в Петербурге дипломатическими представителями различных стран, государственными деятелями России. Во второй половине дня Бисмарк приступал к прочтению поступавшей из Германии почты, расшифровывал секретные депеши, готовил официальные донесения на имя министра иностранных дел или памятные записки королю Пруссии. Ближе к ночи Бисмарк мог выезжать в свет или совершал конные прогулки по Петербургу. Иногда он возвращался домой довольно поздно — в 2–3 часа ночи. После переезда семьи в Петербург Бисмарк старался свободное время проводить с женой и детьми. Тем не менее, нагрузка была большой, на что Бисмарк часто жаловался в письмах родным. Насыщенная работа вместе с тяжелым климатом серьезно ослабили его здоровье. Вероятно, болезнь, которую на грани смерти перенес Бисмарк в конце 1859 г., явилась следствием адаптации к российскому климату.

Тем не менее, петербургские письма показывают восторг Бисмарка российской природой. В апреле 1859 г. Петербург встречал его морозцем, снегом, проступавшей грязью. «Нева стоит еще невозмутимо, — писал он своей жене, — но, кажется, закрыта для экипажей, по меньшей мере, я вижу только пешеходов на льду»⁵⁸. Описания русской зимы в донесениях немногочисленны, но некоторые фразы позволяют сделать вывод, что в те времена зима была довольно суровой. Будучи приглашенным в начале апреля 1859 г.

⁵⁷ Bismarck an Jakob Becker. 11. VI. 1859 // GW. Bd. XIV. T. I. S. 534.

⁵⁸ Bismarck an Johanna. 8. IV. 1859 // FBB. S. 415.

на военный парад, Бисмарк побеспокоился о своей одежде. Он писал брату Бернгарду: «против холодного ветра я одел настоящую кожаную пижаму, которая оказала мне неоценимую службу, поскольку все мероприятие длилось почти 3 часа, ледяная атака чередовалась пургой, снегом и градом»⁵⁹. В декабре следующего года Бисмарк жаловался сестре, что читать и писать в доме при дневном свете представляется затруднительным, находясь «из-за холода на расстоянии от окна, даже, несмотря на то, что окна двойные»⁶⁰. Тем не менее, Бисмарк не отчаивался и, несмотря на то, что в январе 1862 г. почти месяц температура не опускалась ниже минус 18 градусов, он писал сестре, что было бы «несправедливо жаловаться на холода, которые с необычным даже для России постоянством удерживаются на отметке от 18 до 28 градусов, а в малых горах юго-западнее отсюда, где я в основном охочусь, они составляют около 22–32»⁶¹. В письме племяннице он с удивлением говорил о том, что «у нас последние 2 дня такая метель, что невозможно раскрыть глаза, а по невскому льду на коньках катаются как зимой»⁶². Бисмарк любил этот звенящий русский мороз, вьюгу, метели, еще больше подчеркивающие особенность страны, в которой ему довелось прожить более 3 лет.

Прусского посланника вдохновляла весна в Петербурге, которую он сравнивал со взрывом: «48 часов от состояния распустившихся почек до плотного зеленого занавеса»⁶³. А вот как романтично Бисмарк описывал жене наступление теплых дней в российской столице: «сирень так расцвела здесь вокруг, как во Франкфурте, и золотые дожди»⁶⁴, а соловьи поют так весело, что вряд ли можно найти на (Васильевском — В. Д.) острове место, где бы их не было слышно. В городе же в эти дни стояла такая жара, какой у нас никогда и не будет <...> при коротких ночах утро не приносит настоящей прохлады, все же ночной воздух благотворно освежающий,

⁵⁹ Bismarck an Bernhardt. 5. V. 1859 // Bb. S. 257.

⁶⁰ Bismarck an Malwine. 9. XII. 1860 // Bb. S. 299.

⁶¹ Bismarck an Malwine. 17. I. 1862 // Bb. S. 323.

⁶² Bismarck an Marie von Arnim. 10. IV. 1862 // Bb. S. 328.

⁶³ Bismarck an Johanna. 28. V. 1859 // FBB. S. 432.

⁶⁴ Дерево или кустарник, 3–6 метров высотой.

и в плывущих над широкой водной гладью в полночь таинственных сумерках я бы мог часами напролет ездить верхом и кататься, если бы рождающийся свет не напоминал, что со своими заботами и работой ждет новый день»⁶⁵.

Не мог Бисмарк, конечно, не написать о Петергофе и Царском Селе, где он нередко бывал. Вот какую характеристику он дал Петергофу в письме своей сестре: «Петергоф — это жемчужина здешних мест, парк, как и ландшафт жителю Западной Европы видеть также отрадно, как окрестности Данцига и Цопота»⁶⁶. Более красочно Петергоф Бисмарк описал своей жене. Говорится о «дюжине замков с террасами, фонтанами и прудами, лужайками, идущими вплоть до моря, голубое небо и теплое солнце с белыми облаками над зеленым океаном крон (деревьев — В. Д.), настоящее голубое море с парусами и чайками». Созерцая великолепие загородной резиденции, Бисмарк, словно, сам растворяется в этом пейзаже: «так хорошо мне уже давно не было»⁶⁷, — признавался он.

Наслаждение летом в Петергофе сменялось созерцанием осени в Царском Селе. После дружественных бесед с императором и А. М. Горчаковым Бисмарк предавался прогулкам по залитой красным и золотым цветом императорской резиденции. Ему нравилось смотреть «сквозь березы и клены, в листве которых красный и желтый цвет уже господствует над зеленым, за ними выступают травянисто-зеленые крыши городка, слева от церкви с пятью золотистыми луковками-куполками, а весь горизонт обрамлен рощами, лугами и лесами, за коричнево-серо-голубыми оттенками которых с помощью подзорной трубы можно увидеть Исакиевский собор Петербурга. Характерная картина ландшафта, но под холодным серым небом более, нежели осенняя, во всяком случае, крайне северный осенний ландшафт»⁶⁸. Это более подходит на записки путешественника из России. «Железный канцлер» и жесткий политик выступает здесь в совершенно ином свете,

---

⁶⁵ Bismarck an Johanna. 4. VI. 1859 // FBB. S. 434.

⁶⁶ Bismarck an Malwine. 13. VI. 1860 // Bb. S. 290.

⁶⁷ Bismarck an Johanna. 28. VI. 1859 // FBB. S. 443.

⁶⁸ Bismarck an Malwine. 4. X. 1860 // Bb. S. 297.

как романтический человек, внутренний мир которого находится в гармонии с природой.

Эту гармонию Бисмарк ощутил во время поездки в Москву, впечатления о которой он передал в письме своей жене в живописных тонах⁶⁹. Он не заметил городов и деревень, вообще домов за исключением железнодорожных станций, лишь «лесные чащи, в основном березовые, покрытые болотами и пригорками, с красивой травой между ними и длинными лугами посреди них, так прошло 10, 20, 40 миль». Создается впечатление, что Бисмарк «проснулся» от созерцания природы лишь при подъезде к Москве: «Москва сверху кажется засеянным полем, солдаты зеленые, мебель зеленая и я не сомневаюсь, что лежащие передо мной яйца снесли зеленые курицы». Дело в том, что Бисмарк искренне полагал: «зеленый — это по праву любимый русский цвет», и видел в любви к зеленому цвету проявление национального характера.

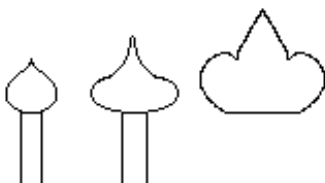
Можно сделать вывод, что Москва понравилась Бисмарку гораздо больше Петербурга. Столица Российской империи была похожа на крупные города Европы, в ней иностранец видел привычную для себя архитектуру, чувствовал значимость и монументальность этого европейского города. В Москве было совсем другое. Патриархальная Москва прельщала Бисмарка именно своей патриархальностью и непохожестью: «Этот город слишком обширный и весьма своеобразен своими церквями с зелеными крышами и бесчисленными куполами; совершенно не похож на Амстердам, но они самые оригинальные города, которые я знаю». Москва в отличие от европейского Петербурга так и осталась для Бисмарка загадочным городом со своей тайной, городом, где легче было понять характер простого русского человека, на котором зиждились многовековые устои России. «Этот город действительно, как **город**, самый красивый и оригинальный, что есть; приятные окрестности, не красивые, не безобразные; но вид сверху из Кремля⁷⁰, этот круговой обзор домов с зелеными крышами, садов, церквей, колоколен всевозможных форм и красок, большинство (из них — В.Д.)

⁶⁹ Bismarck an Johanna. 6. VI. 1859 // FBB. S. 435–439.

⁷⁰ Бисмарк, вероятно, поднимался на колокольню «Иван Великий»

зеленые, или красные, или светло-голубые, сверху очень часто коронованы гигантской луковкой, а большинство — 5 (пятью — В.Д.) и более на одной из церквей, здесь 1000 колоколен определенно! более необычную красоту как это все, освещаемое косыми лучами заходящего солнца, невозможно увидеть». Бисмарк даже поместил рисунок церковных луковок в своем письме, настолько они его, по-видимому, потрясли.

Во время московского путешествия Бисмарк посетил усадьбу Архангельское, в которой жили его знакомые князя Юсуповы. Княгиня Т. Н. Юсупова была дочерью бывшего русского посланника в Берлине А. И. Рибопьера, «в доме которого я сделал свой первый шаг в берлинский большой свет в свои юные годы», — писал Бисмарк. С восторгом он сообщал: «год тому назад я и не мог помечтать о том, что буду сидеть прямо здесь; у реки, на которой стоит Москва». Бисмарк описывал красоту окружающей его в загородной усадьбе природы, в гармонии с которой находилась архитектура построек — «очень романтическое уединение». Бисмарку был оказан очень теплый прием, наконец-то он выспался, что было его мечтой, поскольку дипломатическая работа в Петербурге отнимала у него много сил и времени: «приветливая земля и приятное чувство — быть недостижимым для телеграфа».

Некоторую информацию о пребывании Бисмарка в Москве содержат его воспоминания. Как видно из письма кн. М. А. Оболенского⁷¹, Бисмарк интересовался памятниками российской

---

⁷¹ *Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 323.*

политической и духовной жизни. «Старинные здания Кремля, домашняя утварь русских царей, драгоценные греческие рукописи патриаршей библиотеки — все это привлекло ваше просвещенное внимание». Оболенский отметил, что «помимо больших познаний дипломата вы обладаете столь же глубокими сведениями и в области археологии». Московский археограф сделал поистине царский подарок иностранному гостю: «Книгу, содержащую описание избрания на царство и вступление на престол царя Михаила Федоровича». В ответном письме Бисмарк с теплотой писал, что «роскошная книга <...> навсегда останется драгоценным украшением моей библиотеки; с нею неизменно будет связано воспоминание о русском дворянине, который так умело сочетает репутацию ученого с достоинствами истинного вельможи»⁷².

Пожалуй, самым главным, что помогало Бисмарку отвлечься от работы и успокаивало его, в чем он находил свой отдых, была охота. В России Бисмарк дал волю этой своей страсти, которую имел еще с детства. Охотился он и зимой, и в теплые периоды года. Места охоты могли быть разными, от нескольких десятков до сотен километров от Петербурга. Медведи, лоси, зайцы, глухари и это далеко не полный перечень «трофеев» иностранного гостя. Для Бисмарка охота была «утомительная, но здоровая перемена в жизни писца», как он написал однажды брату. И если в 1859 г. Бисмарк был расстроен тем, что ему не удалось поохотиться на медведей: «как раз на той самой неделе, когда я приехал, они «проснулись», и теперь их невозможно найти»⁷³, то позже ему представилась прекрасная возможность восполнить это упущение. Бисмарк даже завел себе маленького медвежонка и со всей серьезностью хотел увезти его с собой в Германию: «я укушен в палец маленьким медвежонком, которого хочу откормить и перевезти в Рейнфельд. За это я раздобуду для него медведицу и сошлю их обоих в Померанию, как только откроется судоходство»⁷⁴.

⁷² *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 324.

⁷³ Bismarck an Bernhardt. 5. V. 1859 // Bb. S. 257.

⁷⁴ Bismarck an Malwine von Arnim // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 569.

Разговор Бисмарка с прусским правительственным советником Койделем в середине марта 1862 г. в Петербурге показывает, каким был прусский охотник. Койдель писал: «в день моего приезда он (Бисмарк — В. Д.) вернулся и выглядел таким бодрым и свежим, каким я не видел его уже несколько лет». Прусский посланник считал, что «жизнь охотника — настоящая жизнь, естественная для человека». Сам Бисмарк получал удовольствие не от подстреленной дичи, а от самого процесса охоты. Он говорил: «если провести лишь день в лесу, то возьмешь с собой настоящее подкрепление домой». Бисмарк восхищался тем, что в России огромное количество девственных лесов — «настоящий рай для охотника». Прусский советник отмечал, что «необходимость укрепления нервов тянула его (Бисмарка — В. Д.) в леса». Как-то вечером, у камина Бисмарк рассказывал Койделю свои охотничьи истории: «только однажды подстреленный медведь встал на задние лапы, с открытой пастью, наступая на меня. Я подпустил его на пять шагов и вонзил ему две пули в грудь, после чего он мертвым упал навзничь. Причем ни в один из моментов у меня не было чувства, что я подвергаю себя опасности»⁷⁵.

Тем не менее, охотиться удавалось не часто в силу того, что почти все свободное время Бисмарк проводил за работой, независимо от того, писал ли он депеши в Берлин, разбирал дела живущих в России пруссаков или вел политические беседы на приемах и обедах. Успешная работа иностранного дипломата в Петербурге помимо трудолюбия, усердия и связей в высшем обществе зависела еще от одного фактора: понимания русской речи. Языком дипломатии XIX в. являлся, безусловно, французский. Бисмарк знал его в совершенстве, однако считал, что этого было недостаточно для составления картины российской действительности. С первых месяцев пребывания в столице он занимается изучением русского языка. Благодаря гамбургскому консулу в Петербурге Бисмарк познакомился со студентом В. Алексеевым, изучающим юриспруденцию, который охотно дал согласие вести занятия. Уроки проходили

---

⁷⁵ GW. Bd. VII. T. I. S. 44.

2 раза в неделю, во вторник и пятницу в 10 часов утра. Позже Алексеев описал свои занятия с прусским посланником. Такое впечатление, например, произвел посланник на учителя во время их первой встречи: «передо мной стоял человек высокого роста, широкоплечий, с густыми усами и бровями, над верхней губой был виден глубокий шрам от раны, которую, как я слышал, он получил в молодости на дуэли»⁷⁶.

Обучение Алексеев начал с алфавита, приводя примеры употребления и произношения букв. Особую трудность у Бисмарка вызвало произношение буквы «ы». Однако после нескольких примеров из немецкого языка Бисмарк стал произносить букву «ы» без особого труда. Для упражнений В. Алексеев дал Бисмарку скороговорку «от топота копыт пыль по полю летит». Это удивило его настолько, что он, смеясь, однажды сказал: «есть ли хоть кто-то из иностранцев, кто может произнести эти слова»⁷⁷. Бисмарк занимался с усердием и старанием и делал определенные успехи не только в разговорной речи, но и в письме. Он пользовался, как правило, гусиным пером, при письме выводил большие буквы. На замечание Алексеева: не лучше ли было записывать слова карандашом, Бисмарк однажды ответил: «я не люблю такого, я это приписываю слабым, изнеженным, женственным натурам, которые вообще не привыкли писать»⁷⁸.

После того, как были пройдены элементарные правила грамматики, они с Алексеевым начали читать и переводить только что вышедший роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Они также читали «Колокол» А. И. Герцена и газету «Будущность». Эти запрещенные в империи журналы послы получали без цензуры. 4 первых месяца Бисмарк и Алексеев общались наполовину по-русски, наполовину по-немецки. После — практически по-русски. Благодаря этим занятиям, длившимся 8 месяцев, Бисмарк сделал прекрасные успехи в изучении русского языка: он переводил

---

⁷⁶ Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden, 1890. S. 108.

⁷⁷ Ibid. S. 109.

⁷⁸ Ibid. S. 108.

газеты, мог читать книги, правильно говорил, изредка останавливаясь, чтобы подобрать необходимое слово. Однажды во время беседы с министром А. М. Горчаковым император Александр II обратился к присутствующему Бисмарку с вопросом: понимает ли он русский? «Я немного понимаю, если на нем говорят не очень быстро», — ответил посланник. Когда император спросил, учил ли он долгое время язык, Бисмарк по-русски ответил: «всего лишь несколько месяцев, Ваше Величество»⁷⁹. Император был приятно удивлен. Русский язык помогал Бисмарку не только на работе, но и в повседневной жизни, в общении с представителями российского общества.

«Тоска по родине»

В самом начале петербургской миссии Бисмарк с ностальгией вспоминал о своей должности во Франкфурте: «я все еще с удовольствием и налетом тоски по родине слушаю все известия из Франкфурта о событиях и людях», — писал он советнику прусского посольства при Союзном сейме Вентцелю 3 февраля 1860 г.⁸⁰. Тем не менее, Петербург настолько очаровал прусского посланника, что во время своих отъездов в Германию он очень скучал по российской столице.

Первый раз Бисмарку довелось испытать это чувство после перенесенной им в конце 1859 — начале 1860 гг. сложной болезни. Ближе к окончанию своего отпуска Бисмарк заехал 8 ноября 1859 г. к своим друзьям в Померании фон Беловым, где его ожидала семья для того, чтобы вместе отправиться в Петербург. Придворная жизнь в России, встречи в верхах, постоянное присутствие в петербургском высшем свете, российский климат и нервное напряжение вследствие напряженной работы ухудшили и без того ослабленное здоровье Бисмарка. После широкого деревенского приема, на котором собрались практически все жители деревни, Бисмарк

⁷⁹ Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden, 1890. S. 108.

⁸⁰ Bismarck an Wentzel. 3. II. 1860 // Bb. S. 282.

серьезно заболел. Как в последствие выяснилось, это было тяжелое воспаление легких на нервной почве, осложненное ревматической лихорадкой. Несколько месяцев прикованный к постели Бисмарк вел борьбу за жизнь. Процесс выздоровления был сложным и шел с переменным успехом. Иногда становилось хуже чем в начале болезни. В своих воспоминаниях Бисмарк писал: «Когда на обратном пути в Петербург я заехал в ноябре к господину фон Белову в Хоэндорф, то образовавшийся у меня в поврежденной вене и закупоривший ее тромб оторвался, попал, по мнению врачей, в кровеносную систему и вызвал воспаление легких; врачи считали мою болезнь смертельной, но я выздоровел, прохворав несколько месяцев <...> я стал ждать конца с той покорностью, какую вызывают невыносимые страдания»⁸¹.

В начале ноября от Шлейница пришла телеграмма, в которой он вместе с принцем-регентом выражал жене Бисмарка соболезнования по поводу затянувшейся тяжелой болезни мужа. И лишь в середине декабря Бисмарк смог ответить своему министру, извиняясь за такую длительную болезнь. Он считал причиной затянувшегося недуга нервное истощение, приобретенное им во время франкфуртской миссии и осложненное петербургским климатом. Бисмарк был огорчен тем, что доктора отсоветовали ему ехать в Петербург и согласились лишь на переезд в Берлин, однако он выражал готовность быть полезным на любом поприще, где бы не разыгрывался германский вопрос. «В начале марта 1860 г. я уже настолько поправился, что мог уехать в Берлин, где в ожидании окончательного выздоровления принимал участие в заседаниях палаты господ и провел весь май»⁸², — вспоминал Бисмарк. Он прибыл в Берлин 5 марта и уехал только 23 мая.

Ожидая в апреле 1860 г. в Берлине решение своей дипломатической «участи»⁸¹, Бисмарк отправил жене письмо, в котором несколько строчек посвятил Петербургу: «Мое стремление»⁸³ далеко

⁸¹ Бисмарк *Отто фон*. Воспоминания, мемуары. I том. С. 327.

⁸² Там же.

⁸³ Употребленное им слово «die Sehnsucht» можно перевести так же и как «стремление», «тоска».

отсюда, оно переходит в болезнь, тоску по родине в отношении северо-востока, и идеальные картины домашнего быта на Неве посещают мои мечты»⁸⁴.

Прошло чуть больше года, и похожие строки читаются в письме на имя военного министра Альбрехта фон Роона, друга Бисмарка: «Когда я вижу перед собой зеркало Невы в светлую ночь <...> во мне сильно желание, чтобы в следующем году я сидел здесь опять, <...> я уже сейчас испытываю к Петербургу чувство, как тоску по родине»⁸⁵.

Лишь когда Бисмарк вновь оказался на берегах Невы и наблюдал из окна красоту Северной Пальмиры в лучах заходящего солнца, все его чувства после перенесенной болезни и своего неопределенного положения весной 1860 г. пришли в равновесие. Теперь он мог написать сестре: «во мне столько мужества, как у старого пенсионера, который порвал с распрями этого мира, или как у когда-то тщеславного военного, который достиг своего пристанища в хорошей комендатуре, и мне кажется, я смог бы здесь (в Петербурге — В. Д.) крепнуть долгие и счастливые годы вплоть до своего конца»⁸⁶.

Столичный круг общения Бисмарка

Изучение этого вопроса позволит понять источники отправляемой Бисмарком в Германию информации, выявит его связи, покажет политические круги, в которых вращался дипломат. Эта задача становится тем интереснее, что решение ее довольно трудное.

Бисмарк часто скрывал свои источники информации, что было вызвано перлюстрацией. Во многих странах с середины XIX в. перлюстрация существовала вне закона. В России вскрытие корреспонденции без санкции органов следствия или суда запрещалось,

⁸⁴ Bismarck an Johanna. 27. IV. 1859 // FBB. S. 459.

⁸⁵ Bismarck an Roon. 2. VII. 1861 // Bb. S. 307.

⁸⁶ Bismarck an Malwine. 13. VII. 1860 // Bb. S. 290.

но в то же время существовала развитая структура для массовой перлюстрации, о чем известно из многочисленных исторических документов. Бисмарк знал это и в своей личной корреспонденции предупреждал родных и близких быть внимательными в письмах ему в Петербург. Сразу по приезду в Петербург он писал жене: «Если будешь мне писать, обрати внимание на то, что все письма из заграницы вскрываются, и что этот факт всем известен. Не ругай ничего, поскольку здесь считают, что все то, что отправляют по почте, хотят сказать правительству»⁸⁷. В письме же своему другу Рудольфу Ауэрвальду Бисмарк более подробно описывал путь, по которому к нему приходила конфиденциальная корреспонденция: «Письма приходят ко мне на адрес: консул Берто, Английская набережная, Петербург, также безопасно и без вероятности вскрытия, если их передавать либо до вечера субботы «Фрау фон Шлёцер» в Любек, либо до утра четверга в Штеттин моему экспедитору «Фёлькер унд Тойне»⁸⁸ или в контору отправляющихся из Штеттина любекских пароходов «Нева» и «Траве», чтобы они были переданы через капитана или кока в форме торгового коносамента⁸⁹ здесь для Берто, как будто бы агента вышеупомянутых пароходов. Моим обычным посредником является корабельный кок Липский, на борту «Невы», в Штеттине проживает в загородном доме Тиелебейн»⁹⁰.

В личных и официальных донесениях самого Бисмарка нередки фразы: «кое-кто», «один человек», «мне сказали», «донесли до моего сведения», «в определенных кругах ходит информация». Если информация, передаваемая в сообщении, не могла навредить упоминаемому человеку, Бисмарк мог назвать его фамилию. Как правило, он не умалчивал имена только видных государственных дея-

---

⁸⁷ Bismarck an Johanna. 29. III. 1859 // FBB. S. 408.

⁸⁸ „Völker und Theune“ — «Фёлькер унд Тойне» — известная экспедиторская компания, основанная в 1824 г. штеттинским коммерсантом Луи Тойне, распространившая свою деятельность в прусских провинциях Померания, Познань и Силезия.

⁸⁹ Коносамент — фрахтовое свидетельство, документ выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу.

⁹⁰ Bismarck an Rudolf Auerswald. 3.VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 559.

телей, как, например, российского императора и Горчакова, или же иностранных посланников в Петербурге.

Прямые обязанности прусского посланника предусматривали защиту всех пруссаков, живущих в России. Из приведенного выше письма художнику Я. Беккеру видно, что Бисмарк по роду своей деятельности должен был заниматься делами прусских подданных, которых, по его словам, в тот момент было около 40 тыс. в России. Бисмарк обязан был продлевать т.н. легитимацию, право пребывания пруссаков на территории Российской империи. В противном случае, тому, кто не обладал подобного рода документом, «грозит мгновенное облачение в униформу и раздумья в постовом доме в Астрахани, как бы ему предъявить документальное свидетельство того, что он пруссак, но если это (что, как правило) ему не удастся, тогда — 25 лет засаливания икры, без разрешения ее попробовать»⁹¹.

Цифра, называемая Бисмарком, очень интересна и несколько спорна, поскольку весьма сложно установить ее подлинность. В. М. Кабузан считает, что численность немецкоязычного населения России в 1860 г. составляла 840 тыс. человек⁹². Исходя из этого, можно предположить, что 40 тыс. пруссаков проживало только лишь в одном Санкт-Петербурге, и Бисмарк был не прав, говоря, что столько пруссаков проживает во всей России. Однако более вероятно другое предположение. Отечественная историография⁹³ подчеркивает, что проводимые в Петербурге ревизии и даже перепись 1897 г. регистрировали лишь признаки языка и конфессии. Таким образом, в это число входили, с одной стороны, жители Пруссии, Австрии, средних и мелких германских государств, с другой — обрусевшие

---

⁹¹ Bismarck an Jakob Becker. 11. VII. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 534.

⁹² Кабузан В. М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII — XX веках (1719–1989). Историко-статистическое исследование. М., 2003. С. 59.

⁹³ Кабузан В. М. Указ соч.; Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.; Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. М., 1989.

немцы, считавшие немецкий язык своим родным, но находящиеся под российской юрисдикцией. Прекрасным примером этой категории населения служат прибалтийские немцы. Из этого следует, что численность именно прусского населения, проживавшего в Российской империи, была гораздо меньше приводимой Кабузаном цифры в 840 тыс. человек.

Следует также учесть тот факт, что защита обрусевших в России пруссаков также не входила в полномочия Бисмарка, поскольку по отношению к ним действовали законы Российской империи.

Таким образом, Бисмарк мог разбирать дела лишь тех немцев, которые приехали в Россию из Пруссии и имели прусское подданство. Юхнева сообщает, что «во второй половине XIX в. и в начале XX в. общая численность иностранцев в Петербурге колебалась в пределах 21–27 тыс. Среди иностранцев преобладали подданные Германии (в начале изучаемого периода они составляли почти две трети всех иностранцев)»⁹⁴. Похожую цифру называет и Шрадер⁹⁵. Исходя из этого, видно, что немецкоязычных иностранцев в Петербурге в середине XIX в. насчитывалось около 14 тыс. человек, следовательно, прусских подданных было меньше, поскольку в эту цифру включались австрийцы и жители прочих германских государств.

Становится очевидным, что называемая Бисмарком цифра подтверждается в отечественной историографии, и 40 тыс. прусских подданных, делами которых занимался прусский посланник, проживали не в одном Санкт-Петербурге, но в целой России.

Ими могли быть сапожники, как из повести А. С. Пушкина «Гробовщик», прусские мелкие чиновники, торговцы, коммерсанты, владельцы маленьких петербургских магазинчиков. Слово *Kaufmann* становилось в то время нарицательным. Немецкий Петербург включал в себя значительную часть балтийских немцев, делами которых интересовался Бисмарк. О них Б. Э. Нольде написал целый параграф в своей монографии. Таким образом, прусскому

⁹⁴ Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица. С. 26.

⁹⁵ Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов. С. 135.

посланнику поступала специфическая информация из разных кругов немецкого общества Петербурга.

Находясь в России, Бисмарк очень любил охотиться. Помимо отдыха, охота давала ему возможность знакомиться с помещиками и, возможно, местной администрацией. Когда в донесении от 28 января 1861 г. на имя Шлейница Бисмарк писал о настроении помещиков в отношении освобождения крестьян, он не ссылаясь на слухи и рассказы, но на «некоторых помещиков, которых я знаю». Во время путешествия по российской глубинке он знакомился и с простыми крестьянами, видел их быт. Возможно, Бисмарк не до конца понимал сущность происходящей в России крестьянской реформы, но о том, как она проводилась на местах, он знал не понаслышке.

По роду деятельности, во время светских раутов Бисмарк общался с представителями военных кругов. Знакомые ему офицеры находились не только в Петербурге. Так, например, о волнениях раскольников в Казанской губернии весной 1861 г. Бисмарку рассказывал «в личных письмах один тамошний офицер»⁹⁶. Очень интересные сведения дает переписка Бисмарка с его немецким другом Клейстом-Ретзовым за 1861 г. Последний ходатайствовал перед Бисмарком об одном прусском юноше, с целью устроить его в России по военной линии. Ответ Бисмарка показывает его связи. Прусский посланник общался с графом Григом (Graf Griegh), адъютантом главнокомандующего военно-морским флотом и генералом Герстенцвейгом, «тамошним Эдвином Мантефейлем»⁹⁷. Письмо об этом молодом человеке Бисмарк отправил даже наместнику Кавказа князю А. И. Барятинскому.

У Бисмарка были обширные связи в дипломатических кругах Петербурга, благодаря чему он был в курсе практически всех событий, происходивших в то время в Европе. Вследствие особой благосклонности Александра II он стал одним из самых влиятельных дипломатов, аккредитованных в российской столице. Бисмарк писал

⁹⁶ Bismarck an Schleinitz. 15. V. 1861 // DpB. Bd. 2. S. 94.

⁹⁷ Bismarcks Briefwechsel mit Kleist-Retzow. Stuttgart, Berlin, o. J., S. 43.

Венцелю 1 июля 1859 г.: «император выделяет меня таким манером, который гарантирует мне положение семейного посланника, как во времена его отца; я единственный дипломат, который имеет более интимный доступ к его персоне»⁹⁸. Кроме рабочих встреч с представителями великих держав Бисмарк также общался с посланниками второстепенных государств Европы. Вновь прибывшие в Петербург посланники обращались к Бисмарку за подсказкой, советом, как повести себя в той или иной ситуации. Особыми были его отношения с дипломатами германских государств. Получая часто информацию исключительно от Бисмарка вследствие того, что Горчаков очень редко встречался с ними, они не переставали жаловаться на Бисмарка своим правителям. Прусский дипломат писал Венцелю: «Даже здесь мое страдание — это немецкие коллеги, они сплетничают и ябедничают на меня, где они только могут, и король ганноверский вновь отправил своего министра в Берлин со специальной миссией, потребовать мой отзыв, как необходимый Европе»⁹⁹. Главные интриги против Бисмарка плели ганноверский посланник граф Мюнстер, саксонец Кеннериц и баварец граф Монжелас.

В Петербурге Бисмарк довольно тесно общался с бывшим министром иностранных дел России «пожилым Нессельроде»¹⁰⁰, как он его звал. Прусский посланник был знаком и с «немецко-русскими кругами, которые обыкновенно примыкают к политическому направлению господина канцлера (К. В. Нессельроде — В. Д.)»¹⁰¹. Из этих кругов Бисмарк узнал, что в период слухов об отставке Горчакова Нессельроде выдвигал на его пост кандидатуру П. К. Мейендорфа, «самого симпатичного, с моей точки зрения, явления среди дипломатов старшего поколения, к слову которого прислушивался император Николай»¹⁰². Прусский дипломат любил бывать у Мейендорфов как в Берлине, так и в Петербурге и очень ценил их гостеприимство, особенно старания супруги.

---

⁹⁸ Bismarck an Wentzel. 1. VII. 1859 // Bb. S. 271.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Bismarck an Bernghardt. 15. VII. 1860 // Bb. S. 291.

¹⁰¹ Bismarck an Bernstorff. 8. XI. 1861 // DpB. Bd. I. S. 120.

¹⁰² Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 309.

Кстати, ее братом был министр иностранных дел Австрии граф Буоль, но отношения между ними не ладились. Бисмарк сравнивал их с отношениями русской и австрийской политики. Иногда Бисмарка вместе с представителями пропрусской партии в Петербурге приглашали на обед к императору. Так, например, 9 ноября 1861 г. на обед кроме самого прусского посланника были приглашены граф К. В. Нессельроде, барон П. К. Мейендорф и граф А. В. Адлерберг.

Значительную часть информации Бисмарк получал из петербургского высшего общества. Восьмилетнее пребывание во Франкфурте убедило его в том, что светские собрания и встречи — лучшая возможность для знакомств и обмена информацией. Можно сказать, сплетни, но к чести Бисмарка сплетни и слухи, почти отсутствовали в его официальных донесениях и личных письмах. Лишь проверенные и подтвержденные слухи передавались в донесении в Берлин.

Приехав в Петербург, Бисмарк совершал бесконечные визиты «изо дня в день, и этому нет конца»¹⁰³, что было необходимо для налаживания связей в новом для него городе. Количество разъездов Бисмарка впечатляет. 14 мая 1859 г. в письме жене он сообщал, что «130 визитов были избытком добродетели»¹⁰⁴. Таким образом, с момента прибытия в Петербург до 14 мая он сделал в среднем по три визита в день. Довольно внушительная цифра, если еще взять во внимание тяжелую работу с документацией и составление отчетов в Берлин.

Петербургская богема собиралась каждый вечер, и на этих встречах Бисмарку необходимо было зарекомендовать себя: «я каждый день присутствую на обедах и званых вечерах, — практически жаловался он в письме своей жене, — я делаю это для того, чтобы стать известным, а не просто потому, что так должно быть»¹⁰⁵. Посланник отмечал, что «здесь <...> не так обидчивы, как во Франкфурте; кто не пришел, тот отсутствует, и это не будет пло-

¹⁰³ Bismarck an Johanna. 19. IV. 1859 // FBB. S. 418.

¹⁰⁴ Bismarck an Johanna. 14. V. 1859 // FBB. S. 428.

¹⁰⁵ Bismarck an Johanna. 16. IV. 1859 // FBB. S. 417.

хо воспринято»¹⁰⁶. Еще одна важная характеристика — французский язык. «В салонах едва ли услышишь слово не на французском, как только переступаешь через порог, погружаешься в воды незнакомых тонов, и редко найдешь кого-нибудь, кто понял бы хоть один слог по-немецки»¹⁰⁷.

В петербургском высшем свете прусский посланник прибег к верному пути дипломата — общению с женщинами. Преданный семьянин, Бисмарк часто проводил время в кругу петербургских дам, о чем писал своей жене: «я охотно отдыхаю полчаса от скуки у княгини Оболенской»¹⁰⁸, которая настолько миловидна, что я взываю к твоему снисхождению, чтобы иногда ухаживать за ней. Кроме того, я встретил много любезных дам. Поистине красивая госпожа Корсакова¹⁰⁹ уже уехала, также в Москву»¹¹⁰. Его «ухаживания» не оставались безответными. После отъезда Бисмарка из Бадена в конце сентября 1859 г. прусский министр иностранных дел Шлейниц писал ему: «княгиня Оболенская просила меня Вам сказать, насколько сильно Ей не хватает Вас, причем она доверила моему перу осыпать Вас с избытком любезностями»¹¹¹.

Письмо от 16 мая 1859 г. передает радость Бисмарка от его общения с новыми знакомыми. «Кроме Мейендорфов у меня поистине приятные отношения с кругом Гагариных, которые были во Франкфурте однажды, приятная пожилая дама и такая же (приятная — В. Д.) дочь»¹¹²¹¹³. Такие знакомства давали инте-

¹⁰⁶ Bismarck an Johanna. 16. IV. 1859 // FBB. S. 417.

¹⁰⁷ Bismarck an Johanna. 7. V. 1859 // FBB. S. 427.

¹⁰⁸ Вероятно, жена М. А. Оболенского, с которым Бисмарк познакомился в Москве в июне 1859 г.

¹⁰⁹ Возможно, родственница или жена генерал-лейтенанта М. С. Корсакова, с 1859 г. наказного атамана Забайкальского казачьего войска и военного губернатора Забайкальской области.

¹¹⁰ Bismarck an Johanna. 19. IV. 1859 // FBB. S. 419.

¹¹¹ Schleinitz an Bismarck. 29. IX. 1859 // Anhang zu den Gedanken. Bd. 2. S. 305.

¹¹² П. П. Гагарин был женат на Марии Григорьевне Глазенап, в браке с которой у них родилось 6 детей. Единственной дочерью была Варвара, в 1822 г. вышедшая замуж за нумизмата и собирателя древностей Д. П. Сонцова.

¹¹³ Bismarck an Johanna. 16. V. 1859 // FBB. S. 430.

ресную информацию о взглядах князя П. П. Гагарина, одного из активных участников обсуждения крестьянской реформы и противника положений Редакционных комиссий. Для понимания сути освобождения крестьян в России Бисмарку помогло знакомство с графом П. А. Шуваловым, о котором он сказал в своих воспоминаниях следующее: «самая светлая голова из тех, с кем мне приходилось там встречаться, человек, которому недоставало только трудолюбия, чтобы играть руководящую роль»¹¹⁴.

Через несколько месяцев во время отпуска в Бадене прусский дипломат писал с упоением своей жене: «я здесь живу совсем как в России: Меньшиков, Оболенская (самая красивая женщина, которую только можно видеть), Баранов, Устинов, Голицын, Трубецкой»¹¹⁵. Он даже придумал глагол «*moskowitern*», передающий, очевидно, то, что Баден «наполнен москвитями».

В российской столице Бисмарк входил в круг знакомых великой княгини Елены Павловны, известной сторонницы и покровительницы преобразований, реализованных в царствование Александра II. Знакомства с представителями этого круга давали Бисмарку интересную информацию о происходящих в России либеральных преобразованиях, задуманных императором.

В Петербурге была еще одна женщина, которую Бисмарк любил сыновей любовью, и которая отвечала ему таким же теплым и нежным чувством: королева-мать, императрица Александра Федоровна, дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и сестра принца-регента Пруссии Вильгельма. В своих воспоминаниях Бисмарк называл поразившую его с самого начала «грациозной изысканностью»¹¹⁶ Александру Федоровну своей «покровительницей»¹¹⁷. Она сохранила в Петербурге ту прусскую атмосферу и традиции, которые так бережно почитал пруссак, и по которым особенно скучал, когда оказывался за пределами

---

¹¹⁴ *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 308.

¹¹⁵ Bismarck an Johanna. 18. IX. 1859 // FBB. S. 450.

¹¹⁶ Bismarck an Malwine. 31. III. 1859 // Bb. S. 271.

¹¹⁷ *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 315.

родной ему Пруссии. Еще прусский посланник называл ее *Ssudar-ina Máuschka*. «Для меня было что-то действительно материнское в ее любезной простоте, и я мог вылить ей свою душу, как будто я знал ее с детства»¹¹⁸.

Разговоры Бисмарка и Александры Федоровны были лишены напыщенности и проходили по-семейному тепло и уютно: «Она сегодня говорила долго и много со мной; на балконе с видом на лужайку она вязала бело-красную шерстяную шаль длинными деревянными спицами, лежа, одетая в черное, в шезлонге, и я с удовольствием слушал бы ее низкий голос и искренний смех, и нагоняи часы напролет, настолько все это было мне родным»¹¹⁹. В свою очередь Бисмарк пытался всегда угодить Александре Федоровне. Однажды перед аудиенцией у императрицы он впопыхах писал жене: «Пришло время избавляться от запаха табака, который хорошо впитала в себя униформа; Е. В. Императрица матушка этого не любит, поэтому с помощью eau de Kёльн^{xii} я сделаю все, что смогу»¹²⁰. Александра Федоровна полюбила Бисмарка. В ее обществе он как бы переносился из Петербурга в родную Пруссию. Смерть императрицы 1 ноября 1860 г. была для него большим огорчением. Любезное внимание императрицы Марии Александровны к Бисмарку не смогло восполнить пробел: оно было лишь делом этикета.

Итак, круг общения Бисмарка был обширным и разнообразным. Политические взгляды людей, с которыми общался Бисмарк, были диаметрально противоположны. Прусский посланник слушал разговоры о необходимости либеральных преобразований в салоне великой княгини Елены Павловны, но вскоре мог встретиться с остзейским бароном П. К. Мейендорфом, противником реформ. Внешняя политика А. М. Горчакова противоречила взглядам К. В. Несельроде, но с обоими он был почтителен и учтив. Несомненно, знакомство с представителями таких «крайних взглядов» только обогащали представление Бисмарка о реалиях российской жизни,

¹¹⁸ Bismarck an Johanna. 28. VI. 1859 // FBB. S. 442–443.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Bismarck an Johanna. 5. V. 1859 // FBB. S. 424.

заставляли его думать о судьбах Пруссии, искать опору, на которую могло рассчитывать его государство, изучать возможных сторонников и противников Пруссии.

Однако из всех людей, с которыми общался Бисмарк в Петербурге, главными персонажами были, безусловно, министр иностранных дел А. М. Горчаков и император России Александр II, от позиции которых во многом зависело решение германского вопроса.

Прусский дипломат о российском министре А. М. Горчакове

Свои первые впечатления о Горчакове Бисмарк составил еще во Франкфурте, будучи прусским посланником при Союзном Сейме (1851–1859). В письмах на имя министра-президента Пруссии Отто фон Мантейффеля дипломат ограничился набросками в изображении личности А. М. Горчакова. По мнению Бисмарка, важной чертой характера князя являлось тщеславие. Доказательством этому послужила дипломатическая миссия, с которой российский князь был отправлен в Германию в начале 1852 г. когда вновь обострилось австро-прусское противостояние за лидерство в Германском Союзе. Российский император Николай I принял тогда решение отправить в Германию Александра Михайловича для урегулирования конфликта. В письме в Берлин Бисмарк сообщал, что конфликт был решен уже к моменту приезда князя, но, несмотря на это, «Горчаков полагает, что своим личным вмешательством способствовал полному примирению между Пруссией и Австрией»¹²¹. Прусский дипломат называл Горчакова «тщеславным и церемониальным господином»¹²² и отказывал ему в необходимом для дипломата хитром, изворотливом уме и тонком подходе к делу. В письме своему другу генералу Леопольду фон Герлаху Бисмарк был более откровенен в сравнениях и посвятил князю следующие строки: «Горчаков — церемониальный

¹²¹ Bismarck an Manteuffel. 11. IV. 1852 // GW. Bd. I. S. 161.

¹²² Bismarck an Manteuffel. 21. IV. 1854 // GW. Bd. I. S. 441.

и негибкий Ганс-дурак¹²³, лиса в деревянных башмаках, когда он хочет схитрить»¹²⁴. По мнению Бисмарка, политическая тонкость и дипломатическая сноровка отсутствовали у Горчакова, и если он хотел схитрить, то это получалось у него грубо и прямолинейно. Возможно, 39-летний Бисмарк не мог еще понять политические приемы 56-летнего дипломата. Он видел в них лишь прямолинейные ходы, лишенные гибкости и хитрости. Подтверждением этому служит тот факт, что Бисмарк не заметил одну особенность Горчакова, которую так мастерски подметил Ф. И. Тютчев: «Он (Горчаков — В. Д.) незаурядная натура и с большими достоинствами, о чем можно предположить по наружности. Сливки у него на дне, молоко на поверхности»¹²⁵.

Оценка Бисмарка противоречит также и той, которую дал князю Горчакову Г. В. Чичерин в своей монографии: «Черты его политической деятельности <...> обличали крупного дипломата: меткая оценка положения дел, изворотливость, неистощимость в ухищрениях». Хотя Чичерин и отмечал, что «в личных частностях <...> обнаруживались подчас некоторые слабости характера, отсутствие хладнокровия в разговоре, раздражительность, которые вредили ему в исполнении его собственных планов, хотя иногда не изменяли самих планов и не затемняли его холодного и проницательного ума»¹²⁶.

О политических взглядах Горчакова Бисмарк тогда еще не писал. Оценивая дипломатическую миссию российского князя в Германии в 1852 г., он был недоволен тем, что Горчаков смотрел на австро-пруссский конфликт «через австрийские очки»¹²⁷ вместо того, чтобы учитывать интересы обеих сторон. Такая позиция соответствовала политике официального Петербурга в то время, и Горчаков не мог отстаивать свой собственный политический курс. Бисмарк писал, что князь сравнивал себя «со слабым эхом

¹²³ В немецких сказках Ганс-дурак сродни Иванушке-дурачку.

¹²⁴ Bismarck an Gerlach. 21. IV. 1854 // GW. Bd. XIV. T. I. S. 354.

¹²⁵ Тютчевiana. Эпиграфы, афоризмы, остроты Ф. И. Тютчева. М., 1922. С. 30.

¹²⁶ Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова. М. 2009. С. 426.

¹²⁷ Bismarck an Manteuffel. 11. IV. 1852 // GW. Bd. I. S. 161.

голоса императора»¹²⁸, однако видел в этом сравнении нарочитый оттенок услужливости.

Более близко Бисмарк смог познакомиться с Горчаковым в Санкт-Петербурге. По роду дипломатической службы ему приходилось часто общаться с министром иностранных дел Российской империи. В своих письмах в Берлин дипломат писал о почти ежедневных встречах с министром, которые длились иногда несколько часов.

Бисмарка как дипломата, прежде всего, волновала внешнеполитическая концепция Горчакова. Прибыв в Петербург в конце марта 1859 г., Бисмарк сразу окунулся в стремительный круговорот европейских международных отношений. В это время перед великими державами возникла опасность новой континентальной войны, поводом к которой могла послужить проблема объединения Италии. В складывающихся условиях Петербург взял на себя роль мирового посредника. Горчаков отстаивал необходимость созыва общеевропейского конгресса, на котором могли быть решены спорные вопросы. Письма Бисмарка в Берлин показывают, что конгресс был для Горчакова нечто большим, нежели возможность сохранить безопасность в Европе. «Он казался единственным, кто был воодушевлен мыслями о конгрессе и о той блистательной роли, которую рассчитывал сыграть на нем»¹²⁹, — сообщалось в памятной записке на имя прусского принца-регента Вильгельма. Проведение конгресса «давало князю возможность блеснуть своим ораторским искусством и приковать внимание Европы к своим собственным губам. Люди, хорошо его знающие, убеждены, что он не стал бы добровольно отказываться от этого представления, настолько льстящего его чувствам»¹³⁰. Созыв общеевропейского конгресса так и остался на бумаге, а австро-итало-французская война 1859 г. оказалась реальностью.

---

¹²⁸ Bismarck an Manteuffel. 11. IV. 1852 // GW. Bd. I. S. 161.

¹²⁹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 198.

¹³⁰ Ibid.

В своих донесениях в Берлин он многократно подчеркивал временами усиливающееся, временами ослабевающее стремление князя к тесному союзу с Францией. Так, Бисмарк отмечал, что Виллафранкское перемирие 11 июля 1859 г. между Францем-Иосифом и Наполеоном III ослабило воодушевленные чувства Горчакова относительно Франции¹³¹, которыми он был преисполнен после подписания тайных договоренностей 3 марта 1859 г. между российским самодержцем и французским императором. По словам Бисмарка, Горчаков был огорчен тем, что Париж не исполнял свои обещания по восточному вопросу и использовал эту проблему как ловушку каждый раз, когда в международной политике появлялась тень Священного Союза. Но Горчаков не отказался от французского направления политики. В письме министру иностранных дел Пруссии А. фон Шлейницу 27 июня 1860 г. Бисмарк сообщал: «настроение князя Горчакова походит скорее на любовную тоску, которая не препятствует в глубине души охранять уверенность в том, что он (Горчаков — В. Д.) возвратится к неверному, но достойному любви предмету своего пристрастия после некоторых простительных любовных интрижек»¹³².

Бисмарк не верил в то, что Горчаков оставил свое франкофильство даже тогда, когда внешнеполитический курс России под влиянием мнения Александра II и определенных международных обстоятельств был направлен на сближение с Пруссией. Прусский дипломат не питал особых иллюзий относительно высказываний Горчакова о первостепенной значимости русско-прусских отношений, считая их неискренними. Прусская ориентация внешней политики российского министра, по мнению Бисмарка, была временной. Он полагал, что Горчаков стремился тем самым «создать благоприятный операционный базис, с которого он мог бы оказывать давление на решения парижского кабинета, причем он делал тем самым наглядной опасность коалиции»¹³³. Коалиция, о кото-

---

¹³¹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 07. IX. 1860 // ДрВ. Bd. I. S. 244.

¹³² Bismarck an Schleinitz. 27. VI. 1860 // ДрВ. Bd. I. S. 239.

¹³³ Bismarck an Schleinitz. 20. IV. 1861 // ДрВ. Bd. II. S. 83.

рой говорил прусский дипломат, это восстановление Священного Союза России, Австрии и Пруссии. Таким образом, тактика Горчакова заключалась в том, чтобы достигнуть русско-французского согласия под угрозой антифранцузского альянса. При возможном распространении революционной ситуации в Европе Россия заняла бы ведущее место в антиреволюционном союзе с Пруссией и Австрией. Это возвращало ей статус европейского суперарбитра времен Николая I. Находясь в коалиции с Францией, Российская империя также могла вернуть себе политический вес в международных отношениях. О двойственной политике Горчакова в это время писал также и Чичерин: «В 1860 г. кн. Горчаков сохранял достаточно дружественные связи с Наполеоном, чтобы пугать им другие державы и обменом услуг с ним двигать русские интересы. Но он достаточно был близок и к охранительным правительствам, чтобы иметь в их лице противовес революционной политике Наполеона; ими он пугал Наполеона и принуждал его к дружелюбию»¹³⁴.

Несмотря на противоречивый характер такой политики, у Бисмарка не вызывало сомнений желание Горчакова способствовать повышению международного престижа России после Парижского мира 1856 г. Донесение на имя принца-регента Вильгельма от 7 сентября 1860 г. содержит следующие слова российского министра, сказанные Бисмарку: «необходимо принимать действительность такой, какой она представляется в современном положении Европы, когда я со своей стороны должен был взять Россию такой, какой я ее обнаружил, обремененную унижительными оковами, которые на нее наложил Парижский мир, и с задачей сделать из этого все, что я могу, не питая оптимистических иллюзий»¹³⁵.

Успех политики Горчакова во многом зависел от отношения к нему Александра II. Петербургская корреспонденция Бисмарка располагает интересной информацией для исследования этого вопроса. В майских донесениях за 1859 г. Бисмарк сообщал о ца-

¹³⁴ Чичерин Г. В. Исторический очерк... С. 172.

¹³⁵ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 07. IX. 1860 // DpB. Bd. I. S. 243.

ривших в Петербурге слухах, согласно которым профранцузская политика Горчакова не соответствовала взглядам императора, и вследствие этого министр готовился к отставке. В Петербурге поговаривали даже о возможных преемниках на пост главы внешнеполитического ведомства: князе А. Ф. Орлове, графе Ф. Ф. Берге или бароне П. К. Мейендорфе.

Тем не менее, в донесении от 26 мая 1859 г. Бисмарк называл «эти слухи полностью беспочвенными»¹³⁶. Подтверждением его слов послужила история с отправкой в российскую столицу графа Мюнстера со специальной миссией принца-регента. Мюнстер занимал в годы правления Николая I пост прусского военно-уполномоченного в Петербурге. Его приезд министр Горчаков рассматривал как попытку Берлина, используя старые связи графа, наладить отношения с российским императором в обход него, Горчакова. Князь выразил тогда свое убеждение, что Александр II не станет вести никаких дел за спиной своего министра. Доказательством этому послужила запись, сделанная императором на полях донесения российского посланника в Берлине Будберга. Напротив той части письма, где Будберг сообщал, что он выразил свое сомнение Шлейницу в своевременности миссии Мюнстера, император написал: «bien fait». Несколько позже, по дороге в Царское Село, российский император говорил Бисмарку то же самое. Это дало возможность прусскому посланнику заключить, что любая попытка повлиять на императора в обход министра Горчакова лишена какой бы то перспективы¹³⁷.

Бисмарк уверял принца-регента Вильгельма в том, что «император Александр не может имитировать благосклонность, которой нет на самом деле, или показывать видимое согласие там, где утрачена взаимная гармония в отношениях. Его достаточно часто видят вместе с князем Горчаковым, чтобы убедиться в том,

---

¹³⁶ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 26. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 219.

¹³⁷ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 26. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 214, также Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17.VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 220.

что министр как и прежде может рассчитывать на благосклонность своего государя»¹³⁸. Бисмарк также ссылался на обсуждение внешнеполитических вопросов в Государственном Совете, «которое продемонстрировало, что в отношениях между Его Величеством Императором и его министром сохраняется полное взаимопонимание»¹³⁹.

В сообщении 27 апреля 1859 г. на имя прусского принца-регента Бисмарк писал, что свое подчинение воле императора сам Горчаков сравнивал с «губкой, жидкость из которой выжимается императорским сжатием рук»¹⁴⁰. Тем не менее, когда точка зрения императора брала верх над взглядами Горчакова, это не означало полного согласия министра с Александром II. Однажды Бисмарк отметил: «я вижу <...> только доказательство покорности, но не изменение мнения императорского министра»¹⁴¹.

Интересная информация о характере взаимоотношений российского императора и князя Горчакова содержится в разговоре Бисмарка с английским послом в Петербурге лордом Ф. Нэпи-ром, переданном в сообщении Шлейницу 12 апреля 1861 г. Характеризуя российского министра, Бисмарк отметил, что он «относится скорее к замкнутым людям, нежели к тем, кто выставит напоказ личные интересы»¹⁴². Прусский посланник также подчеркнул, что князь Александр Михайлович не будет отстаивать в разговоре с императором свою точку зрения лишь ради того, чтобы завоевать перед ним авторитет. Бисмарк писал, что ему было трудно ответить на второй вопрос лорда: возможно ли при расхождении во взглядах с князем обратиться к императору напрямую, и будет ли самодержец держать втайне от своего министра информацию, получаемую от иностранного дипломата. «Последнее я не считаю возможным, — отвечал Бисмарк, — по-

---

¹³⁸ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 219.

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 202.

¹⁴¹ Bismarck an Schleinitz. 15. VIII. 1860 // DpB. S. 148.

¹⁴² Bismarck an Schleinitz. 12. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 72.

сколько собственное чувство лояльности у императора как раз и удерживало его от того, чтобы иметь тайные отношения с иностранными дипломатами за спиной у своего министра»¹⁴³. Однако, по словам Бисмарка, «при возникновении разногласий с Горчаковым по вопросам особой важности апелляция к императору могла иметь определенный успех»¹⁴⁴. Бисмарк лично убедился в действенности такого способа, когда речь зашла о решении польского вопроса.

Поддерживая проведение реформ в Польше, Горчаков стремился к организации новой формы управления в Царстве, совместимой с «течениями сегодняшнего времени»¹⁴⁵. В это время он стремился оградить императора от консервативных взглядов прусского дипломата и однажды даже отсоветовал ему настаивать на аудиенции у Александра II. Бисмарку пришлось «передать императору письменное сообщение в свете полученной мною инструкции (из Берлина — В. Д.) конфиденциальным путем»¹⁴⁶. Можно предположить, что это была не единичная акция.

Бисмарк информировал Берлин, что реформаторские идеи Горчакова распространялись и на внутреннюю политику России. В письме принцу-регенту Вильгельму 4 апреля 1861 г. он сообщал, что князь «видит неблагоприятность судьбы в том, что блеск его личных дарований не может быть воспринят современниками посредством публичной министерской деятельности в парламентских собраниях»¹⁴⁷. В этом случае вопрос о том, являлся ли Горчаков сторонником введения парламентской монархии с ответственным правительством, остается открытым. Бисмарк полагал, что Горчаков не только более определенно чем император придерживался идеи поддержать уступки, данные полякам в мае 1861 г.¹⁴⁸, «но считал аналогичные учреждения в России

---

¹⁴³ Bismarck an Schleinitz. 12. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 72.

¹⁴⁴ Ibid. S. 72–73.

¹⁴⁵ Bismarck an Schleinitz. 11. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 65.

¹⁴⁶ Bismarck an Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 31–32.

¹⁴⁷ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 04. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 54.

¹⁴⁸ Об этом см. в специальной главе.

пригодными и полезными»¹⁴⁹. Вместе с тем, следует отметить, что эти уступки не допускали провозглашение парламентской монархии. Интересную информацию дают воспоминания графа Д. А. Милютина: «Горчаков хотя и высказывался обыкновенно в либеральном смысле, но только в пределах общих, отвлеченных принципов, пока дело не затрагивало сословных привилегий»¹⁵⁰.

Однако прогрессивные цели политики Горчакова, по замечанию Бисмарка, иногда шли вразрез с формой ее проведения. В своих донесениях в Берлин он приводил несколько цитат из писем министра исполняющему должность наместника Царства Польского К. К. Ламберту за сентябрь — октябрь 1861 г. в отношении решения польского вопроса: «не пугайтесь кровавой бойни, она будет нужна, и чем больше Вы станете колебаться, тем страшнее она будет». Отвечая на вопрос о правомочности таких действий, Горчаков продолжал: «Бейте их крепко и уничтожающе. Думайте о том, что из всех тех камней, которые бросают в изваяние кумира, лишь первый повреждает лик этого кумира, второй же попадает в бесполезную мраморную подставку. Мы не разрушаем памятник законности, но мы покрываем его до того самого момента, когда порядок вновь будет восстановлен»¹⁵¹.

Бисмарк выделял в этих словах не только жестокость Горчакова, но и его отношение к лицам, стоявшим по иерархической лестнице ниже его. Несмотря на деловой тон встреч российского министра иностранных дел с послами зарубежных держав, иногда беседы проходили и на повышенных тонах. Бисмарк однажды стал свидетелем того, в каком состоянии покинул кабинет Горчакова французский посол в Петербурге герцог Монтебелло после беседы, длившейся более часа: «по его (Монтебелло — В. Д.) выражению лица и тону его голоса можно было сделать вывод, что его хладнокровие и внутренние силы были истощены»¹⁵². Настроение

---

¹⁴⁹ *Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 130–131.*

¹⁵⁰ *Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 46.*

¹⁵¹ *Bismarck an Bernstorff. 5. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 114–115.*

¹⁵² *Bismarck an Schleinitz. IX. 1860 // DpB. Bd. I. S. 247.*

Горчакова было противоположным. «На лице князя Горчакова я заметил выражение удовлетворения, которое свидетельствовало о том, что в недавно закончившейся беседе победа была на его стороне»¹⁵³. Бисмарк употребляет даже слово «победа», чтобы подчеркнуть состоявшуюся накануне дипломатическую схватку, одну из многих, в которых Горчаков, как правило, брал верх над своими соперниками.

Схожую с этой оценку дает и Чичерин: «у кн. Горчакова выступали мелкие черты, мелкое самолюбие, тщеславие <...> злопамятство, мелкие приемы с целью выставить себя <...> Прекрасно умея вести политическую сторону переговоров, <...> он был способен оскорбить, сказать что-либо бестактное»¹⁵⁴. Следует отметить, что в разговорах с Бисмарком Горчаков ничего подобного себе не позволял. По крайней мере, петербургская корреспонденция не содержит такую информацию. Прусский посланник, напротив, подчеркивал дружеский тон общения с министром.

Первые впечатления, сложившиеся о князе Горчакове у Бисмарка во Франкфурте, претерпели значительные изменения. Как и 9 лет назад он считал Александра Михайловича исполнительным царедворцем, который не станет «поддерживать и защищать» убеждения, не соответствующие взглядам императора. Однако теперь Бисмарк не называл Горчакова «Ганс-дурак», наоборот, он отмечал в работе князя точное и быстрое понимание сути дела, «чисто русскую гибкость» и улавливание «едва ощутимых оттенков в настроении его государя»¹⁵⁵.

Бисмарк убедился в больших способностях министра, его дипломатическом мастерстве и одаренности в ремесле политика. Он увидел, что политика Горчакова была более хитрой, а поведение — более тонким, искусным и осторожным, чем это казалось на первый взгляд: «Князь Горчаков — аристократ и ловкий государственный деятель <...> его ум не направлен на большие

¹⁵³ Bismarck an Schleinitz. 10. IX. 1860 // DpB. Bd. I. S. 247.

¹⁵⁴ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 427.

¹⁵⁵ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 201.

перевороты и парализующее ограничение императорской власти <...> Прогрессу в либеральном смысле он также склонен, но с бóльшей осторожностью и пониманием возможного и полезного, нежели большая толпа тех, которые в смутном стремлении к новым институтам и к собственному участию во власти хотят отвести государственный корабль гораздо дальше тех целей, к которым стремится Горчаков»¹⁵⁶. Последняя фраза очень важна. Она доказывает, что Бисмарк считал основной целью политики Горчакова упрочение внутренних основ России. Сохраняя монархию, Горчаков, по мнению Бисмарка, стремился к проведению либеральных преобразований, соответствовавших духу времени, снимавших напряженность в обществе и содействовавших упрочению связей с Францией.

В отечественной историографии существует представление о Горчакове-учителе и Бисмарке-ученике¹⁵⁷. Это видно также и из дневника Д. А. Милютина, в котором приводились городские слухи «будто князь Горчаков, расставаясь с Бисмарком (ноябрь 1875 г. — В. Д.), отпустил ему такую остроту: я надеюсь, что мой дорогой Рафаэль не забудет своего Перуджино»¹⁵⁸. Однако такая точка зрения не подтверждается на основании изученных документов. Петербургские донесения показывают, что Бисмарк в обществе Горчакова высказывался довольно свободно, отстаивал свою точку зрения, когда того требовали интересы Пруссии, и никогда не шел вслепую за воззрениями царского министра, как это делали начинающие дипломаты. Нередко Бисмарк доказывал Горчакову его неправоту по тем или иным вопросам, но делал это всегда в подчеркнуто вежливой форме. Этот независимый стиль поведения прусского посланника подтверждают воспоминания Н. П. Игнатьева о своих разговорах с Бисмарком и Горчаковым в середине марта 1877 г.¹⁵⁹. По его словам, Бисмарк довольно рез-

¹⁵⁶ Bismarck an Schleinitz. 11. IV. 1861 // *ДрВ. Bd. II. S. 69.*

¹⁵⁷ Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. Чубинский В. В. Бисмарк. Ахтамзян А. А. А. М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIX.

¹⁵⁸ Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 209.

¹⁵⁹ Игнатьев Н. П. Поездка графа Н. П. Игнатьева по европейским столицам перед войной 1877–1878 гг. // *Русская Старина. 1914. Т. 157. № 3. С. 515.*

ко воспринимал несправедливые, на его взгляд, высказывания Горчакова в свой адрес и, запоминая их, стремился к своего рода сведению с князем «маленького личного счета» в будущем. Весьма критично Игнатьев отзывался о результатах беседы с Горчаковым после своего возвращения из Европы в середине 1877 г. По его словам, «тщеславие и слепое самодовольство одержали в уме князя Горчакова верх над благоразумием, осторожностью и патриотизмом; он прервал меня, сказав довольно высокомерно, что я совершенно ошибаюсь на счет настроения князя Бисмарка, который все еще старается угодить тому, кого «он во всеуслышание называет своим учителем»». Чего не хочешь слышать, того не слышишь»¹⁶⁰.

Петербургская корреспонденция позволяет заключить, что Бисмарк сам определял степень своего «ученичества» в отношениях с Горчаковым и влияния его воззрений на формирование своих собственных взглядов. Их отношения были дипломатически корректными, но назвать их дружескими в силу различий их политических целей и стремлений не представляется возможным.

Личность Александра II в оценке Бисмарка

Ключевой фигурой, на которую было обращено основное внимание Бисмарка в Петербурге, являлся, безусловно, Александр II. В петербургских донесениях содержатся интересные сведения, позволяющие в рамках историографического направления «восприятие другого» составить картину восприятия Бисмарком Александра II, его личных качеств и особенностей характера. Важно отметить, что Бисмарк после своего возвращения из Петербурга вольно или невольно становился своего рода источником информации об Александре II в Германии и способствовал складыванию определенных представлений о нем за рубежом.

---

¹⁶⁰ Игнатьев Н. П. Поездка графа Н. П. Игнатьева. С. 515.

Бисмарк отмечал в императоре уважение к тем, кто с неподдельным рвением и преданностью относился к своим обязанностям. В донесении 10 июня 1859 г. Шлейницу он передавал высказывание Горчакова: «Его Величество теперь вообще не придает никакого значения высказываниям лорда Малмсбери, после того как этот государственный деятель в присутствии иностранных дипломатов заявил, что находит свое занятие на посту министра иностранных дел легчайшим и ленивейшим, из всех тех которыми он когда-то занимался»¹⁶¹. Подобное отношение к делам накануне войны в Италии, которая могла стать общеевропейской и вызвать революционную волну, по оценке Бисмарка, была порицаема Александром II, следившим за угрожающим развитием событий с большим вниманием и искренним переживанием.

Бисмарк знал не понаслышке, сколько Александру II приходилось работать, и поэтому считал справедливым, когда император требовал и от других четкого исполнения своих обязанностей и досконального изучения своих дел, особенно в период подготовки преобразований в России. «Его Величество перед каждым политическим совещанием желал вновь ознакомиться с положением дел, — писал Бисмарк королю, — и для этой цели работал сам ночами вплоть до 4 часов утра»¹⁶². Он был приятно удивлен тем, что император не перекладывал на плечи своих подчиненных составление докладов и сводок, не ограничивался прочтением итоговых донесений министров и их товарищей, но сам вникал в суть дела, чтобы иметь верное представление о происходящем.

По мнению Бисмарка, важной особенностью личности Александра II являлись чувства преданности и благодарности за верность. Прибытие прусской делегации во главе с графом Мюнстером на открытие памятника Николаю I самодержец прокомментировал следующими словами: «почтение, с которым я отношусь к памяти моего отца, связывают меня со всеми,

¹⁶¹ Bismarck an Schleinitz. 10. VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 91.

¹⁶² Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 5. XI. 1861 // DpB. S.110–111.

кого он любил»¹⁶³. Это не были простые слова благодарности, высказываемые на подобных официальных мероприятиях. Как сообщал Бисмарк, с глубокой грустью император встретил известие о смерти прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. По его указу в Петербурге были закрыты театры на три дня, а «императорский двор переживал четырехнедельный глубокий траур»¹⁶⁴. Однако такая душевность и мягкость в характере императора, по мнению Бисмарка, уступали место суровому нраву жесткого офицера, особенно когда интересы России находились под угрозой.

Петербургская корреспонденция показывает неподдельное внимание Александра II к происходящим в стране событиям и сердечное переживание по поводу проведения задуманных им реформ. Бисмарк отмечал, что российский император глубоко понимал предназначение монарха и чувствовал большую ответственность перед своей страной, править которой он был поставлен волею Бога. Он пришел к такому выводу во время аудиенции у Александра II 9 ноября 1861 г. в Царском Селе, отчет о которой был передан королю Вильгельму в памятной записке 10 ноября¹⁶⁵.

В ходе разговора о судьбе и перспективах преобразований император изложил свое видение сущности самодержавной власти в России, перейдя на французский язык. Бисмарк заметил, что «каждый раз, когда он (Александр II — В. Д.) говорил более оживленно и более обстоятельно, он использовал французский язык»¹⁶⁶. Это еще больше убедило Бисмарка в том, что император делился с ним сугубо личными мыслями. Данное высказывание можно считать политическим кредо самодержца. Целесообразно привести его полностью:

---

¹⁶³ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17. VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 223.

¹⁶⁴ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 2. VI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 1.

¹⁶⁵ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 124–132.

¹⁶⁶ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 126–127.

«Во всей империи народ видит в монархе помазанного Богом отеческого самодержца. Это имеет силу почти религиозной веры и совсем не зависит от личной преданности, которую могут испытывать ко мне и в которой, я очень хочу в это верить, мне не будет отказано в будущем. Отречься от полноты власти, которую дает корона, — значит разрушить дух народа. То почтение, с которым русский народ испокон веков предстоял пред троном, не может быть уничтожено. Я невосполнимо унизил бы авторитет царствования, если бы позволил разделить его с отдельными представителями дворянства или нации. Лишь Господь знает, куда бы мы вообще пришли с проблемой крестьян и помещиков, если бы авторитет императора более не был бы достаточным»¹⁶⁷.

Не менее важен и последовавший в донесении комментарий Бисмарка на это высказывание самодержца: «Верность этого высказывания по собственным наглядным представлениям о русских реалиях я считаю несомненной. По мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны»¹⁶⁸.

В петербургской корреспонденции Бисмарк уделял большое внимание внешней политике Александра II, многократно подчеркивая, что в области международных отношений ему была совершенно чужда политика двойных стандартов. «Христианским взглядам императора, — писал он, — не соответствует макиавеллевская политика подобного рода»¹⁶⁹, наоборот, самодержец руководствовался принципами постоянства и твердости во взглядах, бережно храня завещанные от отца взгляды и идеи. На одной из аудиенций император заявил Бисмарку, что «чувства, которые лично связывают меня с принцем-регентом, королевской фамилией и <...> Пруссией <...> являются для меня неотъемлемым наследством, которое я получил от своего отца и от своей

---

¹⁶⁷ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 130.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Bismarck an Schleinitz. 9. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 10.

матери; они никогда не изменялись <...> и мое сердце страдало бы, если увидело, как эти отношения охлаждаются»¹⁷⁰. Бисмарк видел в этом постоянстве важный принцип внешней политики императора, «с самой откровенной дружбой преданного»¹⁷¹ тому, кто верен и ему лично, и России. Он был убежден, что для оценки политики Александра II можно было применить лозунг: «если стремишься к определенной цели, должен честно применять средства для ее достижения»¹⁷². Для императора не цель оправдывала средства, но сами средства должны были быть честными и справедливыми.

Донесения Бисмарка свидетельствуют о том, что основной целью политики российского императора был вывод России из международной изоляции. На этом пути царь уделял большое внимание выбору союзника в Европе. Этот вопрос очень волновал Бисмарка. Он отчетливо понимал, что император должен был сделать выбор между Францией и Пруссией, и что от этого выбора могло зависеть будущее всей Германии. В письмах в Берлин Бисмарк оценивал отношение Александра II к Франции как «прирожденную антипатию»¹⁷³, и сообщал, что его курс внешней политики был нацелен на тесное сотрудничество с Пруссией. По мнению Бисмарка, Александр II полагал, что и Пруссия, и Россия столкнулись с общими проблемами, что также способствовало выстраиванию крепких взаимоотношений. Оба государства стояли перед необходимостью внутренних преобразований. Их внешняя политика заключалась в противодействии распространению революции в Европе, которая могла вызвать национальное движение в польских землях. Кроме того, две державы стремились к выполнению своих национальных задач: Пруссия боролась за гегемонию в Германии, Россия — за отмену ограничительных статей Парижского мира 1856 г.

---

¹⁷⁰ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17. VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 222.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Bismarck an Schleinitz. 9. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 10.

¹⁷³ Bismarck an Schleinitz. 15. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 238–239.

Бисмарк отмечал, что при выборе внешнеполитического курса России на императора, несмотря на твердость его взглядов, все же оказывалось большое давление. Иногда оно достигало определенных успехов, иногда нет. Прогерманским взглядам Александра II мог противиться не только Горчаков. «Дуализм, — писал Бисмарк, — который чувствуется в различии политических воззрений императора и его министра, в здешних кругах воспринимают в меньшей степени с политических, нежели с национальных позиций. Не говорят, что взгляды императора **более консервативны и легитимны**, но политику князя Горчакова и симпатию к Франции характеризуют как **национально-русскую** в противоположность **германским** симпатиям двора»¹⁷⁴. Бисмарк считал, что представители старорусской или национальной партии, имевшей преимущественное влияние в Москве (он называл имена генерала А. П. Ермолова и графа С. Г. Строганова) предприняли решительные шаги, «чтобы оградить императора от опасности, которая могла стать более ощутимой в настроениях нации и, в особенности, армии, если бы политика России вновь подчинилась интересам Австрии и принципам Священного Союза»¹⁷⁵. Бисмарк писал также о симпатии Горчакова к этой московской партии, которая платила ему тем же. Кроме того, он упоминал еще великого князя Константина Николаевича, «испытывающего ко всем немцам полную антипатию»¹⁷⁶.

В своем донесении от 8 ноября 1861 г. Бисмарк описывал также и австрийскую «партию» при дворе Александра II, которую он обвинял в постоянных склоках, бесконечной переписке на антипрусскую тему и в выгораживании Австрии. «Все, что отрекомендовывается из Вены, — сообщал Бисмарк, — может рассчитывать здесь на помощь как герцога Мекленбургского и его супруги, фрау великой княгини Екатерины¹⁷⁷, дочери великой княгини

¹⁷⁴ Bismarck an Schleinitz. 24. XI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 178.

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Bismarck an Schleinitz. 15. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 161.

¹⁷⁷ великая княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894), дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, внучка Павла I; герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

Елены, так и принца Ольденбургского, его дочери, великой княгини Александры и, при случае, его зятя, великого князя Николая»¹⁷⁸.

В противоречии с ними находились «германские симпатии двора». Прусская партия была представлена графом К. В. Нессельроде, бароном П. К. Мейендорфом и их окружением. Бисмарк называл также имя императрицы-матери Александры Федоровны, не скрывавшей своей симпатии к Пруссии. Вместе с тем, в петербургской корреспонденции постоянно делался акцент на том, что тесное русско-прусское сотрудничество — цель самого императора.

Возможно, из соображений об укреплении прусского представительства в Петербурге, Бисмарк писал, что «единственную возможность приблизиться при случае к императору обеспечивала военная форма»¹⁷⁹. Письмо жене 5 мая 1859 г. показывает в этой связи переживания автора петербургских писем. Получив приглашение Александра II на военный парад 6 мая 1859 г., Бисмарку было неловко только от одной мысли: как он, прусский лейтенант, будет находиться среди генеральской свиты императора? Он жаловался жене: «принц¹⁸⁰ сам обещал <...> произвести меня в звание ротмистра, или даже майора, поскольку он сам понимал, как это необходимо, быть солдатом, чтобы видеть при случае императора»¹⁸¹. Принц-регент своих слов не сдержал. Австрийцы же оказались проворнее. Узнав о том, что австрийский посланник граф Тун настоятельно советовал, чтобы «Австрия была представлена здесь (в Петербурге — В. Д.) генералом, по возможности, высокого ранга, и признанными заслугами»¹⁸²¹⁸³, Бисмарку ничего не оставалось кроме как лишний раз укорить Берлин в нерасторопности.

Но не офицерское звание по-настоящему было важно императору. На своем примере Бисмарк убедился, что российский

¹⁷⁸ Bismarck an Schleinitz. 8. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 122.

¹⁷⁹ Bismarck an Schleinitz. 16. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 77.

¹⁸⁰ Принц-регент Вильгельм.

¹⁸¹ Bismarck an Johanna. 5. V. 1859 // FBB. S. 424.

¹⁸² Граф Тун называл имена князя Франца Лихтенштейна и графа Гренневиля.

¹⁸³ Bismarck an Schleinitz. 16. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 77.

самодержец оценивал человека не по погонам и мундиру, но по его взглядам и жизненным принципам, а применительно к дипломатам — по отношению к России их самих или тех государств, которых они представляли. Так, на фоне благоприятного отношения к Пруссии Александр II демонстрировал свое благоволение и к прусскому посланнику. Уже в первых петербургских письмах Бисмарк говорил о теплом приеме у императора по случаю своего вступления в должность: «действительно своеобразно, что я приступил к своим обязанностям 1 апреля, так как в этот день состоялась моя аудиенция по случаю вступления в должность у императора, которая благодаря его любезности стала поистине настоящим подарком ко Дню рождения»¹⁸⁴. Через несколько дней Бисмарк с радостью писал жене, что император «исключительно милостив ко мне»¹⁸⁵.

6 мая 1859 г. в Петербурге состоялся военный парад, на который был приглашен и прусский дипломат. Лейтенанту Бисмарку было неловко «фигурировать среди надменных генералов как великовозрастный лейтенант»¹⁸⁶, но это чувство быстро прошло благодаря уважительному отношению и теплomu приему, который выказал император своему иностранному гостю. Бисмарк был в восторге от внимания, которое уделил ему Александр II. Он писал брату: «позавчера состоялся большой парад, около 40000 человек <...> император <...> особенно милостив ко мне, держал меня от начала до конца рядом с собой и сам мне все объяснял»¹⁸⁷. В письме жене он высказался более откровенно: «император посвятил себя лишь мне настолько, как будто он устроил парад **для меня**»¹⁸⁸.

Высказывания Бисмарка о том, что Пруссии необходимо придерживаться политики нейтралитета во время Крымской и Итальянской войн, его стремление к укреплению отношений с Россией создали для него огромный кредит доверия в Петербурге. Как было отмечено выше, император помнил добро, сделанное

---

¹⁸⁴ Bismarck an Johanna. 1–4. IV. 1859 // FBB. S. 409.

¹⁸⁵ Bismarck an Johanna. 1–4. IV. 1859 // FBB. S. 410.

¹⁸⁶ Bismarck an Malwine. 19. IV. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 516.

¹⁸⁷ Bismarck an Bernghardt. 8. V. 1859 // Bb. S. 257.

¹⁸⁸ Bismarck an Johanna. 6. V. 1859 // FBB. S. 425.

ему или России, и оплачивал тем же. Во многом благодаря этому из всех аккредитованных в Петербурге дипломатов Бисмарк приобрел наибольший вес. Он писал Венцелю 1 июля 1859 г.: «император выделяет меня таким манером, который гарантирует мне положение семейного посланника, как во времена его отца; я единственный дипломат, который имеет более интимный доступ к его персоне»¹⁸⁹.

Российский самодержец был действительно высокого мнения о Бисмарке и однажды признался ему: «говоря откровенно, я признателен принцу-регенту за то, что он послал мне в Вашем лице представителя, с которым я люблю беседовать, и веду переговоры с полным доверием и со всей интимностью»¹⁹⁰.

Такие отношения позволили однажды Бисмарку в конце своего отчета принцу-регенту об аудиенции у Александра II 27 января 1861 г. написать: «если можно было бы предвидеть, что официальная позиция русской политики будет основывать свою путеводную нить исключительно на личных чувствах, подобно тем, которые Его Величество со своей стороны выразил по отношению ко мне и к генералу Линдхайму, то тогда искренняя сердечность отношений обоих Высочайших правительств не могла бы желать еще чего-то более излишнего»¹⁹¹.

Бисмарк не раз писал в своих донесениях, что он был почетным гостем на официальных обедах императорской фамилии, во время которых велись иногда совсем непринужденные разговоры. Например, за обедом 9 ноября 1861 г. Александр II рассказывал о своем путешествии по Крыму и Кавказу, длившемся с августа по октябрь 1861 г., он «упомянул среди прочих случай, который был искажен здесь многократно слухами и даже связывался с покушением. Император, непривыкший к сильному морскому прибою Черного моря в этой части морского берега, был так сильно отброшен волной на каменистый берег, что смог подняться только с помощью

¹⁸⁹ Bismarck an Wentzel. 1. VII. 1859 // Bb. S. 271.

¹⁹⁰ Bismarck an Schleinitz. 17. VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 222–223.

¹⁹¹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 9.

сопровождающего его слуги»¹⁹². Кстати, Бисмарк упоминал интересную манеру ведения беседы императором во время обеда: «У императора такая же привычка, как и у принца прусского, — расхаживать во время Souper и ставить в неловкое положение того, кому приходится сидя разговаривать с ним через плечо»¹⁹³.

В день рождения короля Вильгельма, 22 марта 1862 г., Бисмарк посетил Горчаков с официальными поздравлениями и сообщил, что «император выразил милость наградить меня по этому поводу орденом Св. Александра Невского»¹⁹⁴. По случаю торжеств Бисмарк был приглашен на праздничный обед у императора¹⁹⁵, на котором присутствовало много знатных особ: «по правую сторону от меня сидели Их Императорские Высочества великий князь наследник трона и великий князь Михаил, по левую сторону от Его Величества — великие князья Константин и Николай. Все Высочайшие господа были в мундирах их прусских полков <...> кроме барона Лёэна были приглашены князь Горчаков и граф Берг, Адлерберг, Шувалов, князь Суворов, генерал Огарев и князь Шаховской. Для всех присутствующих русских обед был устроен строго по предписаниям Поста и только для барона Лёэна и меня — как обычно»¹⁹⁶. Присутствие таких высокопоставленных гостей, что соответствовало правилам дипломатического этикета, подтверждало также и те чувства, которые испытывал император по отношению к Пруссии, ее королю и его представителю в Петербурге. Донесение не содержит подробностей разговоров за столом, однако Бисмарк указал, что речь шла об укреплении русско-прусских связей.

Во время последней аудиенции 8 апреля 1862 г. Александр II сожалел об отъезде Бисмарка и, видимо, шутя предложил ему перей-

---

¹⁹² Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 132.

¹⁹³ Bismarck an Malwine. 19. IV. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 516.

¹⁹⁴ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 24. III. 1862 // DpB. S. 181.

¹⁹⁵ Бисмарк был приглашен в этот раз на обед без жены, поскольку императрица не могла присутствовать на обеде вследствие недостатка сил от строгого соблюдения Великого Поста.

¹⁹⁶ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 24. III. 1862 // DpB. Bd. II. S. 182.

ти на российскую службу, однако в ответ услышал благодарность и незамедлительный отказ, в чем и не сомневался, поскольку был уверен в порядочности Бисмарка и его служении исключительно Пруссии¹⁹⁷.

***

Рассказывая в своих письмах о Петербурге, Бисмарк изображал картину динамичной жизни большого города, совмещающего в себе значение европейской столицы с российскими особенностями. Он не останавливался на описании архитектуры города, что свидетельствует о привычном для него как европейца городском пейзаже, но особо подчеркивал быстрый ритм жизни петербуржцев, природу в самом Петербурге и вокруг него, большую дороговизну товаров, отсутствие адресной системы. Эти и другие особенности, на которые указывал Бисмарк, составили неповторимый портрет города в оценке иностранца. Следует отметить, что, несмотря на суровый климат, Бисмарк полюбил Петербург и скучал по нему, находясь в Германии. Знакомство с городом и его жителями делало Бисмарка носителем определенного представления о Петербурге и его жителях, которым он мог делиться со своими собеседниками по возвращении из России. Это в свою очередь должно было послужить формированию определенного образа российской столицы в Германии.

Изучаемая впервые официальная и личная корреспонденция Бисмарка содержит интересные сведения о его жизни в Петербурге. Его основное время занимала работа: рассмотрение ходатайств прусских подданных, проживающих в России, встречи с послами, аудиенции у Горчакова и Александра II, составление отчетов в Берлин. В оставшееся свободное время Бисмарк делал выезды в свет, чтобы зарекомендовать себя в петербургском обществе.

Высокая информативность его писем явилась следствием его активного общения с представителями российского общества.

---

¹⁹⁷ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 8. IV. 1862 // DpB. Bd. II. S. 187.

Петербургская корреспонденция показывает, что он имел связи в различных сферах. Во время охоты он мог общаться с крестьянами и помещиками, в городе он был знаком с широким кругом немецких и российских чиновников. Он тесно общался с дипломатами, аккредитованными при дворе императора. Во время светских раутов завязывались его знакомства с военными и политиками. Он упоминал в письмах о своем знакомстве с Мейендорфами и Ггаринными, К. В. Нессельроде, обращался с просьбой к А. И. Барятинскому. Активное вхождение Бисмарка в петербургский высший свет свидетельствовало о его стремлении к составлению объемного представления о происходящих в государстве событиях, и значительно повышало достоверность его донесений.

Особое внимание Бисмарк уделял общению с Горчаковым, оценке его личностных качеств и политических взглядов. Он пересмотрел свое первоначальное мнение о князе, сложившееся еще во Франкфурте, хотя и продолжал считать Горчакова тщеславным человеком, о чем также писали отечественные историки. Стремление князя к публичным выступлениям, как считал прусский посланник, во многом было обусловлено именно этим чувством. Тем не менее, в Петербурге Бисмарк отказался от своей первоначальной оценки Горчакова как недальновидного дипломата с прямолинейными методами проведения политики. Он отмечал дипломатический дар министра, умение масштабно представить европейские события в широком аспекте международных отношений, учитывая интересы всех великих держав. По мнению прусского посланника, основной целью политики Горчакова являлась отмена ограничительных статей Парижского мира 1856 г., и он рассматривал разные варианты для ее достижения. Приводимая Бисмарком в письмах в Берлин переписка Горчакова с К. К. Ламбертом осенью 1861 г. указывала, по его мнению, что министр не исключал и жестокие методы проведения политики.

Бисмарк отмечал деловой тон своих бесед с Горчаковым и всегда подчеркнуто уважительное отношение, но писал, что с другими дипломатами министр мог быть довольно резким.

Изучая петербургскую корреспонденцию можно не согласиться с существующим в отечественной историографии мнением о том, что Горчаков являлся дипломатическим «учителем» «ученика» Бисмарка. Вместе с тем, петербургская дипломатическая школа оказала определенное влияние на понимание прусским политиком существующих в международных отношениях спорных вопросов и подводных камней, расширила его политический кругозор.

Бисмарк тесно общался с представителями императорской фамилии: он посещал общество великой княгини Елены Павловны, его приглашала к себе императрица-мать Александра Федоровна. Но человеком, на которого Бисмарк обращал свое основное внимание, был император Александр II. Петербургская корреспонденция впервые в историографии позволяет изучить восприятие Бисмарком личности российского самодержца.

К удивлению прусского дипломата, император был человеком, с одной стороны, мягким, преданным семейным узам, с другой — твердым в своих взглядах, офицером, отстаивающим интересы своего государства. Неуверенность, которую император мог испытывать при решении некоторых вопросов, Бисмарк никогда не списывал на счет его слабоволия или незнания дела. Наоборот, он подчеркивал стремление самодержца рассмотреть все возможные варианты разрешения возникшей проблемы, его желание использовать первоначально мирные средства. Бисмарк был удивлен большим трудолюбием царя и высоко ценил его стремление лично разобраться в сути международных событий и внутриполитических вопросов. Прусский дипломат отмечал чувство справедливости и понимание ответственности за совершаемые поступки, которыми Александр II руководствовался при проведении международного курса России. Изучаемая петербургская корреспонденция показывает, что Бисмарк особо выделял чувство ответственности Александра II перед Богом и российским народом, его глубокое понимание высокого и трудного долга самодержавного управления государством. В этом нелегком труде очень сложно найти союзников и император всегда был

благодарен тем, чья политическая деятельность шла на благо России. Незыблемое убеждение Бисмарка в отсутствии необходимости для Пруссии воевать против России в Крымской и Итальянской войнах, его стремление к укреплению русско-пруских отношений и сохранению международной безопасности нашли живой отклик в сердце императора, стремившегося к сохранению мира в Европе для успешного проведения задуманных им преобразований. Благожелательное отношение императора к прусскому посланнику, о котором повествуют первые письма петербургской корреспонденции, сохранилось до самого конца его дипломатической миссии в российской столице. Это было большим дипломатическим успехом Бисмарка.

Сделанные в данной главе выводы позволяют заключить, что ранее неизученные документы петербургской корреспонденции Бисмарка являются интересным источником для изучения Петербурга и российского высшего общества рубежа 50-х — 60-х гг. XIX в. в оценке иностранца, что способствует обогащению изучения истории России в восприятии «другого».

ГЛАВА II

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОНИМАНИИ БИСМАРКА

Внешняя политика России конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. достаточно изучена в отечественной историографии. В работах Б. Э. Нольде и М. А. Чепелкина этот вопрос был рассмотрен на широком фоне системы международных отношений. В связи с этим, анализ международной ситуации в годы петербургской миссии Бисмарка не является главной задачей данной главы. Важным представляется изучение на базе ранее неисследованных в отечественной и зарубежной историографии документов восприятия прусским дипломатом внешнеполитических целей России, роли Горчакова и Александра II в формировании международного курса империи. Представляется необходимым показать оценку Бисмарком процесса переориентации внешней политики России в сторону тесного сотрудничества с Пруссией. Уделяя большое внимание германскому направлению внешней политики России, он посвятил этому значительный объем своих донесений. В исследовании этого вопроса важным представляется рассмотрение стратегических основ для международного сотрудничества России и Пруссии в восприятии Бисмарка и его собственная позиция по данной проблеме.

Решение поставленных вопросов на основании новых для историографии источников позволит яснее понять логику процесса изменения международной позиции России в середине 1860-х гг. Благодаря этому изучение петербургской корреспонденции расширит достигнутые в историографии результаты. Ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке эти проблемы в такой постановке и на фоне таких документов ранее не рассматривались.

Итальянская война 1859 г.

Начало дипломатической миссии Бисмарка в Петербурге совпало по времени с эскалацией событий на Аппенинском полуострове. Итальянский вопрос стал еще одной заметной трещиной в здании Венской системы международных отношений, которая, несмотря на результаты Восточной войны, еще продолжала существовать.

Парижский конгресс 1856 г. не внес существенных изменений в политическое устройство Европы, каким оно вышло из-под пера творцов Венской системы. Польский вопрос, явившийся камнем преткновения на Венских переговорах 1815 г., вообще не поднимался на конгрессе в Париже. Не произошло никаких политических и территориальных изменений в государственном устройстве Германии. Управляемая Союзным сеймом, она оставалась раздробленной на множество государств, и австро-прусское противостояние, заложенное в положениях Заключительного акта 1815 г.¹, разгоралось с новой силой. Не было изменений в скандинавском вопросе: Норвегия являлась составной частью Шведского королевства, сохранялась датская власть над германскими землями Шлезвигом и Гольштейном. Эльзас и Лотарингия входили в состав Франции. В Италии все оставалось по-прежнему: австрийский Милан и Венеция, зависимые от габсбургской монархии герцоги и светская власть папы. В результате Восточной войны политический строй правления в европейских странах не изменился, а европейский концерт включал в себя все те же пять великих держав, отношения между которыми претерпевали различные изменения в течение этих 50 лет. События 1853–1856 гг. изменили соотношение сил на Востоке и, как следствие, в Европе, а это значит, стали расшатывать все здание европейского устройства.

---

¹ См.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1905. Т. III. С. 229–333, также: *Angeberg*. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Т. 3. Р. 1386–1433, также: *Klüber*. Acten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815. Bd. 6. S. 3–96.

Заседание Парижского конгресса, на котором министр-президент Сардинского государства граф Камилло Кавур выступил с заявлением о вреде австрийского господства в Италии перед представителями европейских государств, казалось практически безрезультатным, но факт того, что Пьемонт открыто выступил в защиту итальянских национальных интересов, произвел большое впечатление на общественное мнение в Италии. В итальянском вопросе решалась не только участь национально-освободительного движения. С ним тесно переплетались судьбы европейских государств.

В политике Сардинии чувствовалась претензия на важную и особую роль в самой Италии. Из всех итальянских правительств лишь Пьемонт решительно выступал против сохранения status quo на Апеннинском полуострове. Сардинское королевство все чаще рассматривалось как основная опора итальянского национального движения. Кавур считал первостепенной важностью изгнание австрийцев из Ломбардии и Венеции и включение их, а также Пармы и Модены в состав Сардинского королевства. В донесениях из Турина граф Э. Г. Штакельберг подчеркивал, что отличительной чертой политики Сардинии было желание возглавить политическую борьбу против Австрии и национальное движение за объединение². Не имея достаточных сил для борьбы против Австрии в одиночку, Италия, по мнению Кавура, должна была опереться на мощного союзника. Такими потенциальными союзниками он считал Францию и Англию.

Эти устремления находили благодатную почву в антиавстрийских планах Наполеона III. Завоевание роли суперарбитра Европы давало Франции возможность упрочить свое положение в системе международных отношений. Этого требовал и выход из экономического кризиса, в котором оказалась Франция после Восточной войны. Учитывая эти факторы, Наполеон III принял решение провести агрессивный внешнеполитический курс Франции в Италии и, отобрав у Австрии Ломбардо-Венецианскую область, передать

---

² Чепелкин М. А. Российская дипломатия и итальянский вопрос. 1856–1861. М., 1995. С. 20.

ее Пьемонту как краеугольный камень в монументе объединения Италии³ и предмет непрекращающихся споров между Пьемонтом и Австрией на будущее. Франция стремилась утвердить свою гегемонию в Италии. На серьезность агрессивных планов императора постоянно обращал внимание российский посол в Париже П. Д. Киселев. В его донесении на имя министра Горчакова 8 апреля 1859 г. говорилось: «все мысли его величества (Наполеона III — В. Д.) направлены на войну, <...> в результате ее он желает увеличить свою мощь для того, чтобы осуществить давно лелеемые проекты. Подходящий случай, который он хочет использовать, это очевидно, итальянская война, цели которой до сих пор далеко еще ясно не поставлены, вследствие чего она еще мало понятна»⁴.

Наполеон III приступил к активным действиям после совершенного на него в 1858 г. итальянским патриотом Орсини покушения в Париже. После казни Орсини Наполеон III заявил о своей роли «покровителя» итальянского национального движения, чем он мог нейтрализовать итальянских революционеров и одновременно утвердить французскую гегемонию в Италии.

В июле 1858 г. по инициативе Наполеона III на французском курорте Пломбьер прошла тайная встреча с К. Кавуром. На ней были обсуждены предстоящие совместные франко-сардинские действия. Наполеон III обещал оказать помощь пьемонтским войскам французской армией численностью в 200 000 человек за уступку в пользу Франции Ниццы и Верхней Савойи, большинство населения которых говорило по-французски.

Прекрасно зная интерес французского императора к слабому полу, Кавуру пришлось прибегнуть к услугам своей красивой кузины, графини Кастильони, для того, чтобы еще более укрепить в Наполеоне воинственный дух. С этого времени началась тонкая политическая игра, целью которой была провокация императора Франца-Иосифа и муссирование слухов о возможном нападении на австрийские войска в Верхней Италии.

³ Schmidt Reiner F. Bismarck. S. 93.

⁴ Письмо посла в Париже Киселева министру иностранных дел Горчакову 8 апреля (27 марта) 1859 г. // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 223.

Сигналом к началу открытой фазы противостояния в итальянском вопросе считается обращение французского императора к австрийскому послу в Париже барону Иосифу Александру фон Хюбнеру на балу по случаю Нового 1859 года: «Я сожалею, что наши отношения не так хороши, как бы я хотел, но прошу Вас, тем не менее, передать в Вену, что мои личные чувства к императору остались прежними»⁵. Эти слова Наполеон III произносил уверенно во многом благодаря заверениям российского посла в Париже графа Павла Киселева. Днем ранее между французским министром иностранных дел Валевским и Киселевым состоялась беседа, на которой Валевский поинтересовался, какое содействие окажет Россия Франции, если вспыхнет война с Австрией из-за итальянского вопроса? Российский дипломат отвечал: «Главные основания обоюдных действий при подобной случайности были определены в Штутгарте^{xiii}, и обещанное содействие будет свято выполнено моим августейшим государем»⁶.

Скоро Европа заговорила о предстоящей войне, и на фондовых биржах австрийские ценные бумаги поползли вниз. Дабы еще больше разозлить Вену, прусский посланник во франкфуртском Союзном сейме Отто фон Бисмарк демонстративно поддерживал дружественные отношения с посланником Пьемонта во Франкфурте, демонстративно часто появлялся в обществе с представителями Франции и России.

В международных отношениях теперь, как и во время Крымской войны, многое стало зависеть от позиции Пруссии. Для руководителей внешнеполитических ведомств Европы было загадкой, насколько решительным станет внешнеполитический курс прусского правительства «Новой эры». Вел. кн. Константин Николаевич передавал в конце 1858 г. из Европы в своих письмах Александру II, что ни Сардинский король, ни Кавур, ни Наполеон III не были уверены в образе действий Берлина. Да и в самой Германии все были

⁵ *Hübner Josef Alexander von. Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich. 1851–1859. Berlin, 1904. Bd. II. S. 150–151.*

⁶ *Татищев С. С. Император Александр II. С. 198–199.*

взволнованы: «главный предмет разговоров и ожиданий во всей Нимеччине теперь составляет перемена Министерства в Пруссии. Первое впечатление вообще было удивление, второе беспокойство и неизвестность насчет будущего»⁷.

Сент-джемский кабинет преследовал цель австро-прусского примирения, заключения между ними союза, к которому и сам планировал присоединиться. Такие планы могли осуществиться, если принять во внимание внешнеполитические взгляды нового окружения принца-регента Вильгельма. Задачей такого альянса могло быть противодействие намечавшемуся русско-французскому согласию. Но и Наполеон III не отставал в этом вопросе. В разговоре с вел. кн. Константином Николаевичем 22 декабря 1858 г. он высказал свой план утверждения новой системы безопасности в Европе, согласно которому мир на континенте зависел от тесного сотрудничества «сильной России, <...> сильной Франции по краям материка, <...> и полусильной Пруссии с слабой Нимеччиной посредине, которую мы и вдвоем с Францией всегда сможем заставить быть с нами заодно»⁸.

Часть этого плана с российскими поправками была успешно выполнена в тайном договоре 3 марта 1859 г.⁹ «Мы вступили в решительный союз с Францией, подтвержденный письменным актом»¹⁰, — писал Александр II своему брату Константину. Согласно этим договоренностям, Россия придерживалась позиции нейтралитета в предстоящей войне и выставляла наблюдательный корпус в Галиции, дабы парализовать австрийскую армию на ее северо-восточном фланге и сковать, таким образом, действия Австрии в Италии. В обмен она рассчитывала получить поддержку Франции в деле отмены ограничительных статей Парижского

---

⁷ Вел. кн. Константин Николаевич — Александру II. 15/ 27. XI. 1858 // 1857–1861. Переписка. С. 71.

⁸ Вел. кн. Константин Николаевич — Александру II. 10/ 22. XII. 1858 // 1857–1861. Переписка. С. 82.

⁹ К истории франко-русского соглашения 1859 г. Секретный договор 3 марта 1859 г. // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 214–216.

¹⁰ Александр II — Вел. кн. Константину Николаевичу 21/ II — 3/III. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 90.

мира: о нейтрализации Черного моря и уступке Южной Бессарабии.

Несмотря на секретность договора, он был опубликован в английской «The Times» как ответ на попытки России заменить Англию в роли посредника в решении итальянского вопроса. Газетный шум перекинулся и в Германию, в общественном мнении которой обсуждались страшные картины нападения французов на Рейн, а русских — на Вислу. «Станем бодрствовать и вступим в соглашение»¹¹ — предлагал английской королеве Виктории прусский принц-регент Вильгельм.

Пока Бисмарк на перекладных и поездом добирался до Петербурга, австрийские, сардинские и французские войска эшелонами отправлялись к возможным театрам боевых действий. Европейские государства готовилась к войне, которая могла принять характер континентальной. И в этом, как уже было сказано, многое зависело от позиции Пруссии: «если Германия с Пруссией во главе поймут свое настоящее положение и не будут вмешиваться в дело, которое вовсе до них не относится, и если Англия не перепутает всего своей всегдашней двойственностью, я убежден, что тогда все пойдет хорошо и что мы останемся в покое»¹², — писал российскому императору его брат Константин.

Со смыслом фразы «дело, которое вовсе до них не относится» как раз и была связана трудность в отношении германских государств. На этом с новой силой завязалась борьба между Австрией и Пруссией, а мелкие и средние государства, как и прежде, гадали, кто же одержит верх и к кому впоследствии можно будет присоединиться. Как и в годы Крымской войны, политика австрийского министра иностранных дел К. Ф. фон Буоля заключалась в том, чтобы придать предстоящей войне общегерманское значение. Он рассчитывал, что в результате национального подъема против Франции Австрия получит заветную поддержку Германского Со-

¹¹ Татищев С. С. Император Александр II. С. 200.

¹² Вел. кн. Константин Николаевич — Александру II. 11 / 23. III. 1859 // 1857–1861. Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. С. 97.

юза, сможет открыть второй фронт на Рейне, обеспечив себе при этом ведущую роль в Германии и немецком национальном движении. Общественное мнение было взволновано лозунгами консерваторов типа «По будет защищаться на Рейне». Даже 90-летний Эрнст Мориц Арндт, автор листовок и памфлетов в годы Освободительной войны против Наполеона, вновь взялся за перо. В его воззвании «К немцам!» были следующие слова: «коли зло случилось, или будет выпущено на свободу, да не посмотрит один немец на другого, а есть ли в его руке шпага, речь же о другом: Пруссия и Австрия! Вся Германия! Да будет так, как было в 1813 и 1814 годы!»¹³. И даже такой закоренелый поборник прусского партикуляризма, каким был историк и национал-либеральный политик Генрих фон Трейчке, взывал о почти неразрешимом разладе: «должны ли мы склонить итальянский народ под иго старого врага германского единства, переданного нам по наследству, под этот вырождающийся, лживый, поповский дом Габсбургов? Или мы должны поддержать этого Наполеона, который представляет деспотизм другого, но не менее мерзкого, рода?»¹⁴

Расчет Буоля на вооруженную поддержку германских государств был таким же справедливым, как и спорным. Его поиски Союзной помощи во Франкфурте обуславливались статьями Заключительного акта Венского конгресса 1815 г., согласно которым все германские государства были обязаны оказать военное сопротивление на случай нападения на территорию Германского Союза. Но тут-то и заключалась вся загвоздка. Ломбардо-Венецианская провинция не входила в состав Германского Союза. 46 статья Заключительного акта определенно указывала на то, что любая война германских государств за пределами Германского Союза должна рассматриваться как война, чуждая Союзу. Однако на пользу политики Буоля шла 47 статья, смысл которой заключался в том, что при нападении противника на территорию, не входящую в состав Германского Союза, государства-члены Союза

¹³ Meyer Arnold Oskar. Bismarck. Der Mensch und Staatsmann. Stuttgart, 1949. S. 131.

¹⁴ Ibid.

могли определить, угрожает ли эта агрессия безопасности Германии. Согласно австрийскому прочтению этой статьи, Германия должна была быть вовлечена в итальянскую войну, от которой мог пострадать принадлежавший Германскому Союзу Трентино. Совсем уж угрожающей могла считаться мина, подложенная Францией на Рейне. В целом все зависело от того, насколько всеобъемлюще рассматривались германские и насколько узко — прусские интересы.

В самой Пруссии ситуация несколько отличалась от той, что была накануне и в годы Восточной войны. Принц-регент выбрал политику «моральных завоеваний» в Германии. Смысл ее заключался в том, чтобы Пруссия в Германии «добилась такого политического уважения и соотношения сил, которые она не могла бы достигнуть, опираясь на материальные силы»¹⁵. «Моральные завоевания», о которых говорил Вильгельм, означало завоевание прусским правительством общественного мнения сначала в самой Пруссии, а затем и во всей Германии. Принц-регент прибег к тому средству, за которое Бисмарк боролся с австрийцами в самом начале своей дипломатической деятельности во Франкфурте^{xiv}: свободной печати, давшей возможность открытой критики австрийской политики в Германском Союзе.

Обращение прусского правительства к общественному мнению консерваторы считали оппортунистической апелляцией к народному суверенитету, бонапартизму, а либералы — демагогической взяткой народу, игрой на его подлинных национальных интересах. Споры между ними велись и в области определения внешнеполитического курса Пруссии в предстоящих событиях. Даже при дворе принца-регента не было единогласно мнения. Отдельные представители консервативной партии выступали за сближение с Францией, чтобы парализовать тем самым Австрию. Большинство же кабинета, да и сам Вильгельм не хотели превратить Пруссию в инструмент французской политики, но и на предоставление помощи без ответных уступок со стороны Австрии

---

¹⁵ Lothar Gall. Bismarck. S. 193.

они тоже не соглашались. Официальный Берлин был не согласен с австрийским прочтением 47-й статьи и в случае дальнейшей спекуляции со стороны Вены угрожал решительными действиями вплоть до выхода из Германского Союза. На основании 46-й статьи Пруссия выступала за политику свободных рук и выдвигала Австрии следующие требования: реформа союзного государства в пользу прусских интересов и изменение военного законодательства Германского Союза, целью которого станет переход к Пруссии верховного командования над союзным контингентом войск. Курс нового министра иностранных дел Шлейница вписывался в формулу «никакого нейтралитета по отношению к Франции и никакой помощи Австрии». Расчет, в общем и целом, сводился к следующему: поражение австрийских войск от сил объединенной коалиции Франции и Сардинии и утверждение Франции в Северной Италии. В этих условиях Пруссия могла маршем перейти Рейн и продиктовать условия мира, а в амплу спасителя Австрии потребовать возвращения ей утраченных земель в Италии. В таком случае Пруссия закрепляла бы за собой ареол борца за германские интересы и получала заветное превосходство над Австрией в Германском Союзе.

*Миротворческая позиция России в подготовке
европейского конгресса*

Бисмарк прибыл в Петербург в самый разгар дипломатической переписки между внешнеполитическими ведомствами европейских держав, целью которой было добиться мирного урегулирования конфликта. Он писал, что «над Европой проносятся грозовые тучи, разряжающие свое электричество в перекрестном огне телеграфов»¹⁶. Посещение 29 марта министра Горчакова и беседа с английским посланником сэром Дж. Крамптоном убедили Бисмарка в том, что за время его переезда в Петербург в международных отношениях не произошло каких-либо кардинальных изменений.

---

¹⁶ Bismarck an Heinrich und Luitgard von Puttkamer. 8. IV. 1859 // FBB. S. 413.

Вся европейская дипломатия этого времени была занята подготовкой предстоящего международного конгресса. Вовлеченный в стремительный водоворот событий, Бисмарк жаловался на то, что «конгресс совершенно меня убивает»¹⁷ и даже не остается времени для писем родным. Переговоры об организации этой встречи в верхах начались еще в январе месяце. На слухи о возможной войне в Европе первой отреагировал сент-джемский кабинет и, не желая разрыва Крымской коалиции, в Вену был отправлен лорд Коулей для урегулирования конфликта. Англия, таким образом, брала в свои руки процесс мирного урегулирования.

Английское влияние на французскую политику беспокоило Петербург. Он вскоре предложил Тюильри свои услуги в деле организации и проведения европейского конгресса для примирения противоборствующих сторон. Когда в марте 1859 г. в Париж прибыл граф Коулей и привез с собой проект примирительных условий, министр иностранных дел Франции граф А. Валевский передал Киселеву, что их содержание неясно и недостаточно¹⁸. В ответ на это российский посол официально сделал предложение о конгрессе. В письме великому князю Константину император Александр II писал: «в политике одно только новое, то, что все главные державы согласились на мое предложение *конгресса* для разъяснения итальянских дел. Дай Бог, чтобы этим мы могли сохранить мир, но я не могу скрыть от тебя, что надежды у меня мало, чтобы удалось достигнуть этого результата»¹⁹.

«Путь, избранный Петербургским кабинетом, — пишет Чепелкин, — основывался на максимальном использовании возможностей дипломатии, не доводя дело до угроз и военных демонстраций. Русские дипломаты умело использовали идею посредничества между Францией и Австрией»²⁰. В письме Горчакова Киселеву 22 марта 1859 г. говорилось, что цель конгресса состоит в дальнейшем росте политического влияния Франции в Европе или локализации войны,

¹⁷ Bismarck an Johanna. 1. I. 1859 // FVB. S. 409.

¹⁸ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 158.

¹⁹ Александр II — Вел. кн. Константину Николаевичу 17/29. III. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 99.

²⁰ Чепелкин М. А. Российская дипломатия. С. 37.

благодаря чему Австрия лишится союзников в Германии. Чичерин доказывал, что затянувшиеся по поводу предстоящей встречи в верхах переговоры были на руку французскому императору, который получал возможность подготовиться к войне²¹.

Российское предложение о проведении конгресса нашло свой отклик даже у англичан, ущемленных тем, что Петербург обошел их в процессе мирного урегулирования. Они возлагали большие надежды на усилия петербургской дипломатии. Дж. Крамптон «выразил свое убеждение в серьезности и искренности российского содействия сохранению мира»²². Однако эффективность этого предприятия зависела от враждующих сторон. Особенно наступательно и враждебно действовала Австрия. Горчаков рассказывал Бисмарку, что австрийская пресса «уже смеется над конгрессом, говоря, что он, как нищий, стучится во все двери, чтобы найти себе кров»²³. Внешне не отказываясь от служения делу мира, австрийская сторона ставила одним из требований созыва конгресса сокращение сардинского войска, сосредоточенного на границе в Италии. Сама же она отказывалась идти на ответные шаги. Руководители внешнеполитических ведомств, и в частности Горчаков, недоумевали от того, что Австрия уделяет такое большое значение итальянской добровольческой иррегулярной армии. По словам российского министра, «лишенные полезной цели предварительные условия Австрии не ставят перед собой никаких других целей, кроме как унижить противника и создать предлог, чтобы отказаться от переговоров. Венский кабинет хочет спровоцировать войну, не возлагая на себя очевидную ответственность. Вот в чем весь смысл этих уловок»²⁴.

На встрече с прусским, английским посланниками и французским послом графом Н. А. Монтебелло, состоявшейся 6 апреля, Горчаков высказывал свое негодование также и по поводу австрийских споров с определением места проведения конгресса.

---

²¹ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 158.

²² Bismarck an Minister von Schleinitz. 29. III. 1859 // DpB. Bd. I. S. 1.

²³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 7. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 192.

²⁴ Ibid.

Он передал представителям иностранных государств отношение императора Александра II ко всем спорным вопросам. По его словам, царь был не только «утомлен», но ему «было противно» от тех несущественных возражений, которые возникают относительно предстоящих переговоров. «Россия, — продолжал он, — с самого начала осложнений надеялась оказать противоборствующим сторонам самоотверженную службу. Но если великодушные предприятия, от которых зависит спокойствие Европы, будут разбиты спорами по несущественным вопросам, которые не служат никакой иной цели, как предоставить Австрии предлог для отсутствия на конгрессе, император вернется к чисто наблюдательной позиции»²⁵.

Отношение к Австрии в Петербурге было и без того прескверное. В одном из своих первых писем жене²⁶ Бисмарк приводил нелицеприятные сравнения: «о том, как низко упали здесь австрийцы, не имеют ни малейшего представления; ни одна паршивая собака не возьмет из их рук и куска мяса». По его впечатлениям, в российском обществе ожидали лишь момент, чтобы «вонзить австрийцам в спину штык». Находясь в обстановке «безграничной ненависти, превышающей все мои ожидания», Бисмарк и сам стал «верить в войну». По его словам, «вся русская политика не оставляет места никакой другой мысли кроме той, каким образом можно уничтожить Австрию». Он дал яркую характеристику отношению с Александра II к политике Вены: «даже спокойный и мягкий император приходит в ярость и гнев, когда говорит об этом».

В Петербурге были недовольны также тем, что апелляция Буоля к национальным чувствам немцев, его попытка заручиться поддержкой Германского союза находили отклик в Германии. Горчаков на встрече с Бисмарком 6 апреля выразил свое переживание по поводу того, что Австрии «удастся заполучить Германию при первых же выстрелах пушек посредством давления так называемого общественного мнения и средств, переданный ей по союзническим

²⁵ Bismarck an Minister von Schleinitz. 7. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 193–194.

²⁶ Bismarck an Johanna. 6. IV. 1859 // FBB. S. 412.

условиям»²⁷. Все это вело к расширению зоны конфликта на европейском континенте. Бисмарк негодовал от того, что Австрия в расчете на помощь Германии пойдет скорее на войну, чем согласится участвовать в конгрессе. Россия, напротив, нуждалась в сохранении мира в Европе, так как вовлечение в вооруженные конфликты грозило сорвать задуманные императором преобразования. «Дай Бог, — писал великий князь Константин, своему брату Александру II, — чтобы война, в которой я почти что не сомневаюсь, прошла, не коснувшись ее (России — В. Д.), дабы не остановить ее теперешнего развития сословного и промышленного»²⁸. Сам Бисмарк обращал внимание Берлина на те же проблемы. В памятной записке на имя принца-регента от 27 апреля 1859 г. он писал: «Не обращая внимания на мирные устремления Е. Величества императора, российское правительство имеет исключительно все основания желать мира. Оно имеет потребность в спокойствии в благосостоянии в капиталистическом мире, чтобы капиталы получили заем, который только сейчас был эмитирован. Исходя из этой точки зрения, беспорядки, которые могли возникнуть в Западной Европе и затруднить получение иностранных капиталов, были бы так же губительны, как непосредственное участие (России — В. Д.) в войне за пределами своих границ»²⁹.

Учитывая споры и препирательства Вены по мелким вопросам относительно условий открытия конгресса, Бисмарк сомневался в вероятности мирного урегулировании войны. Ситуация менялась с такой быстротой, что в дипломатических ведомствах европейских государств не успевали отвечать на одни предложения, как появлялись уже другие. Так, например, в начале 10-х чисел апреля Лондон выступил с проектом общего разоружения Франции, Сардинии и Австрии как первого шага на пути созыва конгресса. Обрадованный таким планом, Горчаков с усердием принялся за его

---

²⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 7. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 195.

²⁸ Вел. кн. Константин Николаевич — Александру II. 11 / 23. III. 1859 // 1857—1861. Переписка. С. 97.

²⁹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 199.

воплощение, заявив Бисмарку, что «положение вещей кардинально изменилось»³⁰.

Однако уже на встрече Горчакова, Бисмарка, Монтебелло и Крамптона, состоявшейся 18 апреля 1859 г., были озвучены новые планы и предложения сторон. Донесение Бисмарка в Берлин, детально передавшее беседу дипломатов³¹, открывалось описанием того хаоса, который творился в дипломатической переписке между внешнеполитическими ведомствами Европы. Он жаловался на то, что затягивание ответов на различные предложения, согласие сторон на частичные уступки по отдельным пунктам и многое другое делало трудным четкое понимание сущности переговорного процесса, «дискуссии всех со всеми».

Беседа была открыта графом Монтебелло. Он изложил только что переданные ему из Парижа условия открытия мирного конгресса. Франция соглашалась на разоружение Пьемонта, но лишь с тем условием, что оно произойдет после начала конгресса. Кроме того, Сардиния вместе с остальными итальянскими государствами должна была участвовать в мирных переговорах на равных с другими державами условиях и обладать одинаковым правом голоса. Ссылаясь на то, что Россия и сама поддерживала приглашение представителей итальянских государств на конгресс, Горчаков выразил свое согласие с французскими предложениями.

Однако такая позиция была раскритикована в депеше министра иностранных дел Англии лорда Малмсбери. В ней указывалось, что члены английского кабинета министров были удивлены русско-французским единодушием в отказе от конгресса в формате встречи представителей пяти великих держав и порицали непоследовательность российской внешней политики в этом вопросе. После этого последовали оправдания со стороны Горчакова и Монтебелло.

В целом, подобные беседы проходили во многих европейских столицах и отражали общую тенденцию развития кризиса: убеждение противоборствующих сторон в военном сценарии дальнейших событий, как неизбежном исходе противостояния. Острота момен-

³⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 11. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 12.

³¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 17–26.

та заключалась в том, кто начнет военные действия. Ни одна из сторон не хотела нападать первой, поскольку в таком случае, как считал Бисмарк, «голос всей Европы был бы отдан в пользу стороны противоположной»³².

Затянувшийся переговорный процесс по подготовке конгресса не находил одобрения в Петербурге. Горчаков отмечал, что в окружении императора «достаточно весьма веских голосов, порицающих мирную политику, которые находят, что интересам России единственно соответствовало бы ведение всеми остальными великими державами между собой войны до изнеможения, в то время как она берегла бы себя, чтобы согласиться на решающее энергичное вмешательство на условиях, служащих ее собственным интересам»³³. Горчаков со своей стороны грозился придать огласке действия Австрии, направленные на срыв открытия конгресса, чтобы снять с России ответственность за то, что она не оказала никаких усилий для сохранения мира и безопасности в Европе. Так и произошло тремя днями позже. Он отправил российскому посланнику в Вене В. Балабину телеграмму и сообщил о ней другим правительствам. В ней говорилось о том, что дипломатическая обстановка благоприятствовала открытию конгресса, поскольку все требования Австрии были выполнены и приглашение итальянских государств не шло в разрез с международными нормами того времени. В случае если мир будет нарушен, заканчивалась телеграмма, «вся ответственность падает на венский кабинет, и он должен будет отдать строгий отчет Европе, покой и интересы которой он подрывает»³⁴.

Оставшись наедине с Бисмарком, Горчаков затронул еще один вопрос, волновавший его. Российский министр выразил свою обеспокоенность неопределенным поведением германских государств и, прежде всего, Пруссии. Ее нейтралитет являлся вторым и последним сдерживающим фактором, защищавшим Европу

---

³² Bismarck an Minister von Schleinitz. 11. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 10.

³³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 21.

³⁴ Телеграмма Горчакова Балабину. 21. IV. 1859 // *Нольде Б. Э.* Петербургская миссия Бисмарка. С. 77.

от общеконтинентальной войны после того как первый, смыслом которого являлось проведение мирного конгресса, мог быть нарушен политикой Вены.

Горчакова волновали приходившие из Вены сообщения, будто Австрия получила в свое распоряжение три армейских корпуса. По одним слухам, это были германские, по другим — прусские — части. В целом же он был обеспокоен ростом воинственных настроений против Франции в Берлине и чаяниями Австрии на поддержку со стороны Пруссии. Горчаков пытался доказать Бисмарку, что интересы Пруссии не имеют ничего общего с предстоящей войной. По его мнению, ни одна из европейских стран не была так заинтересована в сохранении мира, как Пруссия, поскольку в предстоящей войне она не могла рассчитывать на какие-нибудь завоевания или на благоприятный исход в отражении иностранного нападения. К этому он добавил, что «с самого первого мгновения, когда Пруссия вступит в войну, из австрийской война превратится в прусскую, в то время как Австрия получит мирный договор с Францией за счет Пруссии»³⁵.

По мнению Горчакова, ведению такой рискованной игры со стороны Буоля способствовали 2 предпосылки. Одну из них он называл возможной, другую — ошибочной. Первая заключалась в том, что Австрия рассчитывала на поддержку германских государств во главе с Пруссией, вторая — в том, что Россия останется нейтральной в разгоревшейся войне. Однако Горчаков поспешил заверить Бисмарка в ошибочности второго положения: из этого донесения в Берлине должны были узнать о твердом намерении российского императора выдвинуть к границе с Австрией войска, чтобы доказать свою готовность к активным действиям. Доказательства воинственности царящих в Петербурге настроений были дополнены категоричной фразой Бисмарка: «если российскому кабинету не удастся получить от Австрии удовлетворения на поле конгресса, тогда она будет искать его на поле боевых действий. Это не личные потребности только лишь князя Горчакова; чувства Его Император-

---

³⁵ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 22.

ского Величества в этом направлении глубже и более постоянны чувств его министра»³⁶.

Параллельно с этим прусский посланник говорил о своей беспомощности повлиять на военные расположения Горчакова и Александра II. Принципиальный противник Австрии, Бисмарк к тому же не желал выступать защитником австрийских интересов при дворе российского императора. Исходя из царящих в российском обществе настроений, он пришел к выводу о невыполнимости такой задачи. «Личное доброжелательство, — писал он, — а так же законодательные и финансовые потребности во внутренней политике заставляют императора искренне желать мира, если же дело дойдет до войны, потребности страны и ее народа отвоевать прежние позиции на нижнем Дунае, и прежде всего, право на флот в Черном море, а так же реакционная экспансия, выходящая за рамки этих целей, будут гораздо сильнее, чтобы дать себя смутить каким-то не русским влиянием»³⁷.

Помимо этого, Бисмарк приводил еще один весомый аргумент для доказательства неблагоприятных условий, в которых Австрия начинала войну. Он говорил о возможности восстания славянских народов и народных выступлений в Венгрии. Таким образом, перед Австрией, еще не оправившейся от экономических трудностей после Крымской войны, вставала опасность войны на три фронта: в Италии, Венгрии и на Балканах. Этими доказательствами Бисмарк пытался убедить Берлин в том, что в случае войны с Францией Пруссия будет обречена вести ее самостоятельно, поскольку австрийской помощи в этом случае не последует.

В пространной памятной записке на имя принца-регента Вильгельма от 27 апреля 1859 г. Бисмарк обобщил информацию, отправляемую министру Шлейницу за последние дни. Правда, в ней Бисмарк делал больший акцент на антиавстрийские настроения императора, чтобы попытаться вызвать подобные чувства у принца-регента Вильгельма. Прусский посланник отмечал, что министерские депеши российскому посланнику в Австрии В. П. Балабину

³⁶ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 25.

³⁷ Ibid.

перед отправкой в Вену внимательно прочитывались Александром II, и он придавал им более угрожающее прочтение. Кроме того, намеки вдовствующей императрицы Александры Федоровны, сделанные ею в частых беседах с Бисмарком, относительно намерений и высказываний императора по поводу Австрии подтверждали сложившиеся у него впечатления. В письме жене 23 апреля он написал такие слова: «по части Австрии здесь, насколько это возможно, стало все гораздо хуже, чем раньше, после того как поняли, что она любой ценой хочет войны; главным образом, серьезно недоволен император, и создается такое впечатление, как будто военные распоряжения уже отданы»³⁸.

Акцент на антиавстрийские настроения в Петербурге Бисмарк использовал для того, чтобы ослабить влияние миссии австрийского эрцгерцога Альбрехта на рост антифранцузских настроений в Берлине. 12 апреля он прибыл в прусскую столицу по поручению Франца-Иосифа с задачей повлиять на Вильгельма, побудить его выйти из выжидательного положения и перейти к активной поддержке Австрии. Эрцгерцог не обладал тонкостью дипломата, чтобы склонить колеблющуюся чашу благожелательной поддержки Пруссии на свою сторону. Несмотря на то, что его миссия окончилась ничем, и прусское правительство ограничилось лишь общими заверениями в верности союзным обязательствам в защите Германии от нападения извне, появление уполномоченного в таких важных делах эрцгерцога в Берлине беспокоило европейские дворы и, в частности, Петербург.

Бисмарк сам был обеспокоен возможным развитием событий. Кроме того, он оставался в неведении в отношении занятой принцем-регентом Вильгельмом и министром Шлейницем позиции. Он сердился от своего рода беспомощности, от незнания того, как отвечать на вопросы Горчакова о роли Пруссии в предстоящих событиях. В письме жене 19 апреля он более свободно описал свои чувства: «наша политика расстраивает меня; на своих же собственных водах мы остаемся плавником, который бесцельно гоним чужими

---

³⁸ Bismarck an Johanna. 23. IV. 1859 // FBB. S. 421.

ветрами, и какими ветрами! Дурными и зловонными! Как же редки люди с собственной волей в такой почтенной нации как наша»³⁹.

В таких условиях Бисмарк прибегнул к хитрой тактике изложения материала. Он сетовал жене на то, что в Берлине его письма ожидает холодный прием со стороны либерально настроенного Шлейница, что их будут оценивать в первую очередь, как донесения консервативного политика, обиженного на судьбу за свой перевод из Франкфурта в Петербург. Руководствуясь этими мыслями, Бисмарк намеренно излагал высказывания политиков и дипломатов, соответствующие его точке зрения на тот или иной вопрос, с максимальной подробностью. Брошенная в дипломатических кулуарах Петербурга вскользь фраза могла быть детально описана Бисмарком в донесении и вложена в уста цитируемого респондента. Таким образом, он незаметно придавал своим донесениям нужный ему и внешне более весомый для Берлина оттенок и старался достичь того, чтобы их читатель пришел к нужным для него выводам.

Подробно описывая опасения Петербурга по поводу нерешительности Пруссии, Бисмарк приводил в своих донесениях принцу-регенту веские доводы в пользу необходимости проведения внешней политики, служащей интересами лишь Пруссии. Петербургские письма показывают, что российский министр, а может быть, и Бисмарк устами российского министра с раздражением говорил, что политика Пруссии стоит в услужении Австрии или срединным государствам Германии и что Берлин по первому требованию считает себя обязанным защищать интересы, чуждые своим собственным. Бисмарк рассчитывал, что на Вильгельма повлияют слова Горчакова о перспективах решения уже германского вопроса. Министр полагал, что если Пруссия пойдет на уступки общественному мнению и поддержит Австрию, тогда «нужно будет искать Пруссию во Франкфурте или Вене»⁴⁰⁴¹. «Если же вы решительно займете

³⁹ Bismarck an Johanna. 19. IV. 1859 // FBB. S. 419.

⁴⁰ Имеется в виду, что Пруссия уступит свои позиции в германском противостоянии либо в пользу заседающего во Франкфурте Союзного Сейма, либо в пользу Австрии.

⁴¹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 204.

позицию, — продолжал министр, — доказывающую, что вы решились руководствоваться лишь чисто прусскими интересами, тогда вы принудите малые государства к желанной вам политике, и тогда уже Германию будут искать в Берлине»⁴².

Из памятной записки Бисмарка было видно, что австрийская политика безвозвратно перешла на рельсы войны. Внешним проявлением этого поворота явилось отправление в Петербург австрийского чрезвычайного уполномоченного графа А. Карольи, о котором говорили, что «он скорее взойдет на виселицу, нежели отправится на конгресс»⁴³. Чепелкин отметил, что его миссия в Петербурге окончилась провалом. По определению Горчакова, «Карольи привез в Петербург „одни фразы, призывы к консервативным принципам и старым симпатиям“»⁴⁴.

Когда в Петербурге окончательно убедились в том, что Австрию невозможно свернуть с выбранного пути, Горчаков приступил к защите второго пояса безопасности в Европе. О взрывоопасности спекуляции ролью германского вопроса в настоящих событиях думал и прусский дипломат. В письме принцу-регенту Бисмарк писал, что задал российскому министру в шутливом тоне вопрос: может ли он убедить его в том, что между Францией и Россией нет тайного соглашения? «Вы хотите освободиться от гнетущего ощущения русско-французского союза, нарушающего сон отцов семейств в Союзном Сейме? — Отвечал министр. — Ну что же! Пусть они спят спокойно!»⁴⁵.

Некоторое время спустя Бисмарк уже серьезно повторил свой вопрос, существует ли какая-то договоренность, согласно которой Россия будет вынуждена вступить в разгоревшуюся между Францией и Австрией войну? Категоричное «нет» Горчакова успокоило Бисмарка и должно было успокоить Берлин. Должно было, но не успокоило. В письме от 27 апреля, адресованном министру Горча-

⁴² Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // ДрВ. Bd. I. S. 204.

⁴³ Ibid. S. 207.

⁴⁴ Чепелкин М. А. Российская дипломатия. С. 44.

⁴⁵ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // ДрВ. Bd. I. S. 209.

кову, российский посланник в Берлине Будберг спрашивал, какой ему дать ответ Шлейницу на его конкретное высказывание о том, что между Россией и Францией существуют договоренности. «Категорически заявите Шлейницу, что между нами и Францией нет наступательного и оборонительного союза... Вы можете подтвердить, что Россия не только не связана никаким наступательным и оборонительным союзом, но располагает и сейчас полной свободой действий»⁴⁶.

Прусский посланник передал Вильгельму информацию о возможной тактике поведения России в войне. Согласно его сообщению, Россия должна была придерживаться оборонительной политики на границе с Пруссией, даже если бы прусские войска оказались втянуты в боевые действия. В отношении Австрии, Россия бы попыталась использовать симпатии славянского и греческого населения, находившегося под господством австрийских и турецких властей, «несмотря на нерасположение императора к подобного рода мерам»⁴⁷. Вера в победоносное шествие русской армии против австрийцев соответствовала германским целям прусского дипломата.

В том, что российские планы относительно войны серьезны, а Австрия потерпит поражение, Бисмарк пытался убеждать не только Берлин. В Петербурге ему представилась прекрасная возможность оказать влияние и на политику германских княжеств. Многочисленные германские поверенные в делах, посланники и дипломаты, аккредитованные срединными государствами, не участвовали в совещаниях на высшем уровне и обладали лишь той информацией, которую сочтут нужным сообщить им посланники великих держав. Учитывая этот факт, Бисмарк активно пропагандировал среди германских дипломатов мысль о том, что «Россия достаточно сильна, чтобы нейтрализовать вооруженные силы Австрии», а австрийская война против Франции в одночасье может стать прусской. Он

---

⁴⁶ Горчаков — Будбергу. 1. V. 1859 // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С 229.

⁴⁷ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 211.

рассчитывал на то, что немецкие дипломаты будут передавать эту информацию в столицы своих государств, что окажет там выгодное Бисмарку влияние. Таким образом, он стремился ослабить давление германского общественного мнения на Пруссию, принуждавшего ее оказать активную военную помощь Австрии.

Однако ход европейский событий в скором времени потребовал от дипломатов решения новых задач.

Русско-пруссские отношения во время войны в оценке Бисмарка

27 апреля, когда Бисмарк писал донесение на имя принца-регента Вильгельма, а над все еще мирной Европой продолжали собираться наэлектризованные до предела внешнеполитические грозные облака, австрийские войска перешли итальянскую границу и тем самым сняли напряжение от ожидания надвигающейся бури. План мирного конгресса и российского посредничества в урегулировании конфликта провалился, и великому князю Константину пришлось лишь успокаивать Александра II: «У Тебя, любезнейший Саша, должна быть совесть чиста, потому что Ты со своей стороны сделал все возможное для сохранения мира»⁴⁸. Когда решающее слово стало за военными, перед дипломатами возникла задача локализовать войну итальянским театром боевых действий и не дать грозной туче распространиться по всей Европе.

С конца апреля 1859 г. донесения Бисмарка из Петербурга относительно Итальянской войны содержали в себе две основные направленности: вступление Пруссии в войну не соответствует ее государственным интересам, в противном случае это может привести к российскому военному выступлению, что будет означать общеевропейскую войну.

Из разговоров с Горчаковым Бисмарк мог успокоить Берлин в том, что главной задачей отправки к границам Австрии российского наблюдательного корпуса станет только демонстрация силы,

---

⁴⁸ Вел. кн. Константин Николаевич — Александру II. 22. IV / 4. V. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 104.

чтобы привязать австрийские войска к русско-австрийской границе и оказать, таким образом, Франции и Пьемонту помощь на итальянском театре военных действий. Это подтверждают слова Александра II в письме великому князю Константину: «с нашей стороны вся Южная армия 14 и 15 див<изии> и 5 кор<пус> приводятся в военное положения, не с тем, чтобы принимать участие в военных действиях, но как демонстрация против Австрии. Буду до крайности стараться сохранять нейтралитет»⁴⁹.

В сложившихся условиях практические ходы по локализации кризиса первым предпринял Париж. С позволения Наполеона III герцог Монтебелло просил Бисмарка передать в Берлин французское предложение гарантии неприкосновенности территории Германского Союза, поддержанное Россией и, при благоприятном исходе, Англией, в обмен на заверения Пруссии оставаться нейтральной во время Итальянской войны. Об этой новости Бисмарк срочно телеграфировал 29 апреля в Берлин, а позже составил подробные отчеты на имя министра Шлейница⁵⁰.

Прусский дипломат с воодушевлением воспринял французскую инициативу и внимательно следил за дальнейшими известиями. О скорости передачи информации в эти дни свидетельствовал хотя бы тот факт, что Бисмарк нашел возможность на некоторое время покинуть бал, данный 30 апреля в честь дня рождения Александра II, чтобы передать в Берлин телеграмму важного содержания. Целесообразно привести ее текст полностью: «Император Александр только что на балу сказал мне лично, что по отношению к нам он желает взять на себя в письменной форме гарантию французского обязательства не нарушать общую союзную границу, если мы пообещаем не нападать на Францию. Его желание ограничить войну в Италии, и его предложение связать себя подобным образом обязательством — лучшее доказательство того, что он не имеет никаких внушающих опасение договоренностей с Францией,

---

⁴⁹ Александр II — вел. кн. Константину Николаевичу. 22. IV / 4. V. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 110.

⁵⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 29. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 47–51; Bismarck an Minister von Schleinitz. 3–4. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 54–65.

к тому же лучший способ предотвратить их»⁵¹. В подобном духе писал российскому посланнику в Берлине министр Горчаков 3 мая: «постарайтесь елико возможно подчеркнуть намерение императора сохранить в неприкосновенности близость наших теперешних отношений с Пруссией»⁵².

Императора волновала позиция германских государств в решении итальянского вопроса. Он искренне радовался тому, что Пруссия действовала в направлении локализации конфликта, и переживал от того, что «прочие германские державы с ума сошли и только и бредят идти самим атаковать Францию. Не знаю, удастся ли нам их урезонить, иначе война делается всеобщей»⁵³. Эта же проблема волновала и Горчакова. В письме российскому послу во Франции Киселеву 3 мая 1859 г. министр иностранных дел настаивал на том, что «сейчас весьма важно помешать Германии активно присоединиться к Австрии. Единственное средство достичь этого, это удержать Пруссию в духе позиции, которую <...> она заняла. Для этой цели надо употребить любые усилия. Намерение и интерес Австрии в том, чтобы война стала всеобщей»⁵⁴.

Вот об этом же думал и Бисмарк. К его большому огорчению, он не обладал всей информацией о царящих в Берлине настроениях. С сарказмом он писал жене, что «здесь все ко мне настроены очень хорошо, но в Берлине интригует Австрия, и все наши дорогие союзные товарищи здесь отвернулись от меня»⁵⁵. Это было закономерным, поскольку антиавстрийское поведение Бисмарка хорошо было известно в германских дипломатических кругах. Его призывы к проведению Берлином политики, соответствующей интересам Пруссии, шли вразрез с воззваниями германского общественного мнения встать на защиту Австрии. В письме сестре 1 мая 1859 г.

⁵¹ Telegramm. 30. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 52.

⁵² Горчаков — Будбергу. 3 V. 1859 // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 230.

⁵³ Александр II — вел. кн. Константину Николаевичу. 22. IV / 4. V. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 110.

⁵⁴ Горчаков — Киселеву. 3. V. 1859 // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 231.

⁵⁵ Bismarck an Johanna. 30. IV. 1859 // FBB. S. 422.

он предостерегал Пруссию от того, что «мы в угоду блеянию стада баранов пойдем на войну, в которой мы в самом благоприятном случае сознательно спасемся от того, чтобы вытаскивать с угрозой для своей жизни чужие каштаны из огня <...> Возможно, хладнокровие возьмет верх. Дай Бог»⁵⁶. Участие Пруссии в войне, по мнению Бисмарка, в любом случае имело бы плачевный исход. Однако тяжелее всего пришлось бы переживать победу Австрии, которая выдвинула бы ее «на такие позиции, которые она никогда не имела в Италии, а в Германии — со времен Реституционного Эдикта 1630 г. времен Тридцатилетней войны^{xv}, тогда нам бы потребовался новый Густав Адольф или Фридрих II, чтобы вновь нас освободить^{xvi}»⁵⁷.

Бисмарк понимал, что Австрия слишком слаба, чтобы в одиночку добиться успеха в борьбе с Францией и Пьемонтом, учитывая находящуюся на границе российскую наблюдательную армию. Победить в войне она могла лишь в случае активной помощи со стороны Пруссии и остальных германских государств. Но случись только это, в начинавшиеся боевые действия вступала Россия и война становилась общеконтинентальной. Таким образом, не русско-французский договор и распространившиеся в Европе слухи о его агрессивном характере должны были, по мнению Бисмарка, беспокоить Берлин, а вступление Пруссии в войну, не соответствующую ее собственным интересам. Вновь, как и в годы Крымской войны на Пруссию лежала большая ответственность.

Российский император в начале мая был также обеспокоен двойственной позицией Англии, которая влияла на распространение воинственных настроений в Германии и, в частности, в Пруссии. Бисмарк отмечал в отчетах 3 и 4 мая Шлейничу⁵⁸, что, по мнению императора, Англия с одной стороны заявляла о своей заинтересованности в локализации войны, с другой же — стремилась к эскалации конфликта, что позволило бы ослабить ее вечного противника на континенте — Францию. Несмотря на уверения Крамптона в том, что Англия не будет ради сиюминутных

⁵⁶ Bismarck an Malwine. 19. IV. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil 1. S. 516.

⁵⁷ Bismarck an Bernhardt. 26. IV. 1859 // Bb. S. 256.

⁵⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 3–4. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 54–65.

потребностей и вследствие партийных прений в парламенте отвергать Европу в новую войну, Александр II и Горчаков относились с подозрением к поведению сент-джемского кабинета. Справедливость сделанных Бисмарком замечаний подтверждали слова самого царя из его письма брату Константину: «роль Англии весьма двусмысленна и для нас важна»⁵⁹. Английская дипломатия в эти дни, по мнению Нольде, была обеспокоена существованием тайного русско-французского договора. Ее послы в Петербурге и Париже должны были выяснить этот вопрос. Однако первоначальные уверения, сделанные Горчаковым и Валуевским английским посланникам, носили неопределенный характер, что убедило Лондон в существовании договоренностей, выполнение которых будет зависеть от складывающейся европейской обстановки.

Во время ряда встреч по случаю дня рождения императора Александра II Горчаков признался Бисмарку и Крамптону, что письменные договоренности между Россией и Францией существуют, и их вступление в силу будет зависеть от дальнейшего развития событий. Французский посол Монтебелло в разговоре с Бисмарком назвал все своими именами: «между ограниченной территорией Италии войной Франции и Австрии и войной, которая охватит всю Европу и вряд ли сохранит в силе договоры 1815 г., — большая разница. В руках **Пруссии** избавить мир от большого несчастья»⁶⁰.

Чувство непредсказуемости относительно прусской политики в этом вопросе продолжало волновать внешнеполитические кабинеты европейских государств. Оставалось только внимательно следить за тем, как будут дальше развиваться события. Бисмарк отмечал, что, несмотря на ежедневные встречи дипломатов с Горчаковым, в общем ходе переговоров наступил штиль, и все ожидали итальянских новостей о ходе боевых действий и вестей из Берлина и Лондона относительно мер по локализации конфликта.

В этом дипломатическом штиле Бисмарк внимательно подметил еще одну проблему, беспокоившую Александра II и Горчакова. Это

⁵⁹ Александр II — вел. кн. Константину Николаевичу. 22. IV / 4. V. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 110.

⁶⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 29. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 49–50.

был восточный вопрос. Прусский посланник отмечал, что, несмотря на поддержку славянских народов, Петербург не был заинтересован в эскалации восточного вопроса в современных условиях и обращался к Порте с пожеланием мирного решения возникающих на Балканах вопросов. Из донесений Бисмарка следовало, что Петербург «не предусматривает бесцеремонным образом ради собственных интересов использовать выгоду, которую ему могло бы предоставить национальное движение в Дунайских княжествах»⁶¹. Это же подтверждают и слова самого императора, которые объясняют и причину такого поведения Петербурга: «Дай Бог, чтобы на Востоке также не заварилась каша, в ней роль наша будет гораздо труднее и может повлечь за собой вновь войну с Англиею»⁶².

Политика Горчакова с началом войны в Италии помимо решения вопроса о локализации вооруженного конфликта, по мнению Чичерина, преследовала цель «умерять французскую политику на Востоке, не давать хода направленным туда замыслам Наполеона, заботиться об утешении там брожения, успокаивать через это Англию»⁶³.

Опасения Петербурга не были надуманными. В состоявшейся 19 мая беседе с Бисмарком, Горчаков рисовал неутешительные прогнозы относительно общеевропейской войны. По его словам, великие державы были бы вынуждены использовать все возможные средства для достижения победы, в том числе и разгорающийся национальный вопрос. При неблагоприятном для Парижа исходе войны Франция могла стать крупным очагом национального движения, которое могло распространить свое влияние на все угнетаемые народы Европы. Возмущения и народные выступления в славянских землях Австрии и Турции Россия не могла еще поддерживать, памятуя о том, чем закончилась Крымская война. Развитие национального движения в Польше затрагивало уже собственные государственные интересы Российской империи. Горчаков был

---

⁶¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 19. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 68.

⁶² Александр II — вел. кн. Константину Николаевичу. 17/ 29. V. 1859 // 1857–1861. Переписка. С. 112.

⁶³ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 161.

уверен, что современное руководство Франции будет противиться такой перспективе, и сравнивал императора Наполеона с «самым прочным замком ящика Пандоры, который затопит Европу своим содержанием, как только этот замок снимут»⁶⁴.

О том, что в Петербурге внимательно следили за политикой Франции, Бисмарк писал также принцу-регенту в памятной записке 14 мая 1859 г. По его словам, открыть французский ящик Пандоры, заполненный революцией, могла лишь Австрия своими агрессивными действиями.

А в австрийской политике ничего и не предвещало перемен. Даже отставка графа Буоля. Новый министр иностранных дел граф И. Б. Рехберг-Ротенлёвен, которого Бисмарк знал лично еще со времен франкфуртской дипломатической работы, по мнению Петербурга, продолжал вести австрийскую политику проложенным еще Буолем курсом. Эту мысль высказал также российский посланник в Берлине барон Будберг в беседе с министром Шлейницем, причем российский император на полях донесения Будберга пометил: «хороший ответ»⁶⁵. Бисмарк писал о почти угрожающей позиции России по отношению к Австрии в середине мая. Во время прощальной встречи с графом Карольи, ставшей главной темой для обсуждения в петербургских салонах еще на несколько дней, Александр II вел себя сдержанно и холодно. Он был раздражен поведением австрийской прессы и дипломатии, смягчивших резкий тон его писем Францу-Иосифу. В ходе беседы император уверил, что «российская армия пойдет на Вену, если Австрия не откажется от системы подстрекательства Германии»⁶⁶. Российский самодержец опроверг австрийские слухи о том, что Вене не следует бояться угроз со стороны Петербурга. Однако он еще раз уверил Карольи, что Россия будет выполнять функции мирового посредника, пока война не покинет границы Италии. Бисмарк многократно писал в Берлин о реши-

---

⁶⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 19. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 72.

⁶⁵ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. V. 1859 // DpB. Bd. I. S. 214.

⁶⁶ Ibid. S. 213.

тельности в поведении российского императора в отношении Австрии. Ему вообще было «очень жаль бедного Карольи; он бродит здесь как прокаженный»⁶⁷.

Итальянский вопрос вносил раскол и в лагерь союзников. В памятной записке 14 мая Бисмарк информировал Берлин о наметившемся похолодании в русско-французских отношениях. Как отмечает в своей монографии М. А. Чепелкин, «А. М. Горчаков преднамеренно не скрывал от прусских дипломатов расхождений между Россией и Францией по ряду вопросов, чтобы в Берлине могли убедиться в искренности обещаний российского министра иностранных дел «сдерживать» Наполеона III»⁶⁸. Бисмарк был прав, когда предполагал, что осложнения в русско-французских отношениях были вызваны апелляцией Наполеона III к национальному вопросу. Еще в начале мая Горчаков советовал Киселеву «внушить императору Наполеону желательность того, чтобы его кабинет министров и французская пресса не злоупотребляли термином «национальность», который, по-видимому, стал лозунгом дня. Это неясное и неопределенное выражение всюду вызвало беспокойство. Оно <...> дает в руки противникам французского правительства достаточный повод для обвинения его в сообществе с революционными течениями»⁶⁹.

Россия, считал Бисмарк, выступала с мирными предложениями и поддерживала Францию в деле локализации конфликта, но отказывалась принимать высказываемые в Париже идеи об организации венгерских и, главное, польских добровольческих полков для использования их против Австрии в Итальянской войне. В письме Киселеву 23 июня Горчаков говорил: «мы должны быть уверены, что никогда и ни в каком случае не зайдет речи о польском легионе и ни о чем, что может быть направлено на пробуждение этой национальности»⁷⁰. Совместно с Англией Россия продолжала противодействовать французским планам по разжиганию

---

⁶⁷ Bismarck an Malwine. 1. V. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S 515.

⁶⁸ Чепелкин М. А. Российская дипломатия. С. 56.

⁶⁹ Горчаков — Киселеву. 3. 1859 // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 231.

⁷⁰ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 112.

недовольства в славянских провинциях Австрии и Османской империи.

С конца мая Европа оказалась в ожидании нового поворота событий в Итальянской войне. 30 мая чрезвычайный посол принца-регента Вильгельма генерал фон Виллизен привез из Вены более-менее определенный текст прусского соглашения с Австрией, которое подлежало ратификации прусским правительством. Отклонив требования Австрии о сохранении владений в Италии, разоружении Сардинии и поражении Франции с восстановлением Бурбонов, Виллизен согласился на условия, по которым Пруссия получала от Австрии командование вооруженными силами Союза и гарантировала неприкосновенность австрийской территории в Италии. Возможность самой определить время вступления в войну облегчала Пруссии подписанные в Вене договоренности. И все же Европа беспокоилась подобным поворотом событий.

В Петербурге лорд Крамптон был уполномочен задать Горчакову ряд вопросов, ответы на которые должны были пролить свет на возможное поведение России в новых условиях. Российский министр подтвердил свою приверженность трактату 1815 г. однако выразил сомнение в возможности сохранения австрийского влияния в Италии, предусмотренного Заключительным актом Венского конгресса, после агрессивных действий Вены и срыва переговорного процесса. Он уклонился от ответа на вопрос, какую позицию займет Россия в случае открытия военного фронта на Рейне между Францией и Пруссией, и подчеркнул, что ход событий будет диктовать принятие определенных решений. Горчаков также сослался на высказывания Александра II о том, что он будет действовать в этих обстоятельствах, принимая во внимание интересы Российского государства.

Тем временем международная обстановка становилась более напряженной. Соглашения, привезенные Вилизеном из Вены, формально выводили Пруссию из наблюдательного положения. Кроме того, 14 июня принц-регент объявил о начале мобилизации прусской армии. И хотя она была частичной и проводилась нерешительными темпами, перспектива военных событий на Рейне

становилась более угрожающей, чем в начале Итальянской войны. В письме жене 4 июня Бисмарк писал, что «все это вооружение недобдуманно и стоит немалые деньги; возможно, мы, в конце концов, опомнимся, прежде чем из соображений любезности по отношению к малым князьям и Австрии окунем всю Европу в пожарище». Бисмарк оставался верен себе в прогнозах относительно будущего Пруссии, случись ей вступить в войну. «Мы не можем сознаться себе, — продолжал он в письме жене, — ни в том, что Австрия будет уничтожена, ни в том, что она в случае блестящей победы укрепитя в своей заносчивости и сделает из нас табуретку для своего могущества»⁷¹.

Однако события на театре военных действий не позволяли думать о победе Австрии. 4 июня произошло сражение при Мадженте^{xvii}, в котором австрийцы потерпели поражение и были вынуждены оставить Милан. Через 4 дня в город торжественно въехали император Наполеон III и король Виктор-Эммануил. В России австрийское поражение было воспринято с радостным чувством. Находившийся в это время в Москве Бисмарк мог прекрасно в этом убедиться. Посетив вместе с князем генералом В. А. Долгоруковым Синодальную патриаршую библиотеку, Бисмарк заметил на груди одного из служителей прусский железный крест за битву при Кульме^{xviii}. На хитрый вопрос Бисмарка, с кем бы теперь он стал воевать: с Австрией или Италией, — старый солдат, «вытянувшись в струнку, с энтузиазмом заявил „Всегда против Австрии“, объяснив это тем, что «честный враг лучше неверного друга»⁷². В том, что антипатия к Австрии носила всеобщий характер, Бисмарк убедился еще сильнее, когда «генерал и унтер-офицер заключили друг друга в объятия и горячо облобызались»⁷³.

Все же Бисмарк не мог успокоиться на этом. Поражение Австрии не гарантировало сохранение Пруссией нейтральной позиции. В свете последних событий из Берлина 14 июня от Шлейница пришло донесение, в котором перед Бисмарком ставилась довольно

⁷¹ Bismarck an Johanna. 4. VI. 1859 // FBB. S. 435.

⁷² Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 322.

⁷³ Там же. С. 322.

непростая задача: прусский представитель должен был смягчить негодования Петербурга военными приготовлениями Пруссии. На следующий день, 15 июня, Бисмарк отправился в Царское Село на встречу с Горчаковым, после которой его сразу же принял император Александр II. Российский самодержец поддержал предпринятые Берлином военные меры, способствовавшие повышению статуса Пруссии в Германии и оказывавшие существенное влияние на решения Союзного Сейма. Кроме того, он выразил свое удовлетворение тем, что принц-регент мудро сочетал исполнение союзных обязательств с возможностью восстановления мира. Однако император просил Бисмарка еще раз предупредить Берлин в том, что начало войны с Францией вызовет опасную для всей Европы революционную волну национального движения, и в связи с этим необходимо совершенно исключить возможность франко-прусской войны. Александр II еще раз подчеркнул, что «все мое желание и стремление нацелены на мир»⁷⁴.

Эти же темы император поднимал во время прогулки с Бисмарком после обеда, на котором присутствовали также А. М. Горчаков и А. И. Барятинский. Он подчеркнул свою основную мысль поддерживать и развивать самое тесное взаимодействие между Россией и Пруссией в деле сохранения мира на континенте.

Б. Э. Нольде отмечает, что эта памятная записка Бисмарка «окончательно укрепила мирную интерпретацию вооружений»⁷⁵ Пруссии и превратила ее «вооруженное посредничество» в посредничество мирное. За одну неделю военный накал в Пруссии спал, и официальный Берлин выступил перед Петербургом и Лондоном с предложениями о своем посредничестве в процессе мирного урегулирования военного конфликта. Как справедливо отметил Чепелкин, тактика Горчакова принесла свои плоды. Отвергая методы борьбы за прусский нейтралитет, которые Наполеон III стремился навязать Петербургу, российскому министру удалось добиться того, что Берлин не приступил к «вооруженному посредничеству» Ав-

⁷⁴ Immediatbericht Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17. VI. 1859 // DpB. Bd. I. S. 225.

⁷⁵ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 111.

стрии без предварительной консультации с другими нейтральными державами⁷⁶. Эти мысли Горчаков изложил в письме на имя русского посла Киселева 1 июля 1859 г. Министр обращал внимание дипломата на то, что «Пруссия <...> продвинулась еще вперед по наклонной плоскости, на которую ее толкнула боязнь показаться недостаточно немецкой». Он подчеркивал, что «тенденция к сближению с Австрией находит только слабый отпор в сопротивлении барона Шлейница, и если эта тенденция сейчас временно приостановлена, то только потому, что принц-регент еще питает надежду сохранить дружбу с Россией. А эта надежда была бы разрушена, если бы мы встали в явно враждебную Германии позицию, и тогда не было бы сомнения в том, какой путь избрала бы Германия»⁷⁷.

После продолжительной болезни и строгого постельного режима лечения Бисмарк 1 июля явился к Горчакову с мирными предложениями Берлина, полученными им в депешах Шлейница от 24 и 26 июня. Российский министр увидел в этих предложениях прекрасную возможность отвлечь внимание прусской политики от военных планов в область дипломатических дискуссий по предстоящему конгрессу. Желание Горчакова затянуть переговоры было еще обусловлено отсутствием Наполеона III в Париже. Ни Валуевский, ни Монтебелло не могли сообщить о его предстоящих планах, и российский министр ожидал возвращения французского императора из Италии.

Тем временем на Апеннинском полуострове происходили важные события, исход которых обеспокоил дипломатические ведомства всей Европы. 24 июня австрийские войска потерпели поражение в битве при Сольферино^{xix}. На следующий день прусский посланник граф Узедом официально заявил в Союзном Сейме во Франкфурте о дальнейшей мобилизации прусской армии. Обеспокоенный этими событиями Бисмарк писал своему другу тайному советнику Венцелю во Франкфурт: «мы вооружились слишком рано и слишком решительно, и тяжесть бремени, которое мы на себя взвалили,

⁷⁶ Чепелкин М. А. Российская дипломатия. С. 57.

⁷⁷ Горчаков — Киселеву. 1. VI. 1859 // Красный архив. М., 1938. Т. 3 (88). С. 238.

бросит нас на наклонную плоскость. Под конец пустятся в драку, чтобы занять чем-то ландвер, поскольку постесняются просто распустить его по домам»⁷⁸.

Как и ранее, Бисмарк боялся того, что франко-австрийская война в Италии перерастет в франко-прусскую на Рейне. Это читается в его письме Вентцелю и в послании жене 2 июля 1859 г. Опасение заключалось в том, что в таком случае Австрия, получив «глоток свежего воздуха», станет действовать сообразно своим собственным интересам, которые заключаются в максимальном ослаблении влияния Берлина в Германском Союзе. Не поможет ему и помощь германских князей. Как только дела у Пруссии пойдут плохо, предупреждал Бисмарк Вентцеля, «германские государства отпадут от нас, как переспелые сливы на ветру, и любой (князь), в резиденции которого будут расквартированы французы, будет изменнически спасаться на плоту нового Рейнского Союза^{xx}»⁷⁹. Подобные мысли приводили Бисмарка к пессимистичным выводам. «Наша политика попадает все больше и больше в австрийский кильватер, — сетовал он в письме жене, — в будущее я смотрю очень мрачно»⁸⁰.

Несмотря на это Бисмарк всячески поддерживал в Петербурге прусское предложение о посредничестве, зная из письма товарища министра иностранных дел Пруссии фон Грунера 1 июля, что Берлин пойдет на войну, если оно будет отклонено Россией. Положительный же ответ Горчакова во многом зависел от позиции Франции, отказывавшейся теперь от одностороннего посредничества Пруссии после объявленной ею мобилизации в Германском Союзе. В Париж тогда было отправлено российское предложение о совместной миротворческой деятельности Пруссии, России и Англии. Ответ на запрос, сделанный через Киселева и Монтебелло, шел несколько дней, что заставило волноваться Бисмарка, который совсем не подозревал, что в Петербурге не знали о желаниях Наполеона III. 6 июля телеграммой, а 8 июля — в депеше Бисмарк

⁷⁸ Bismarck an Geheimen Legationsrat Wentzel in Frankfurt. 1. VII. 1859 // Bb. S. 270.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Bismarck an Johanna. 2. VII. 1859 // FBB. S. 443.

сообщал в Берлин о положительном ответе Франции на прусско-русское предложение.

В сообщении Шлейницу Бисмарк писал о механизме подготовки предстоящей мирной конференции. Первоначально три нейтральные державы должны были подготовить общий базис мирных переговоров и договориться о степени совместного посредничества в деле урегулирования конфликта. Затем следовало рассмотреть те условия и предложения, на которых воюющие страны были готовы участвовать в конгрессе. После понимания общей картины требований воюющих сторон, обсуждения спорных вопросов и достижения консенсуса, нейтральные государства официально могли ходатайствовать перед воюющими странами о прекращении вооруженных действий и необходимости открытия общеевропейского мирного конгресса.

Ход европейских дел плавно переходил в русло обычной практики кабинетной дискуссии. Дипломатам предстояло урегулировать произошедшие в ходе войны политические изменения на карте Европы. Внешнеполитические ведомства обсуждали прусские мирные предложения и будущий конгресс, как вдруг Европу ошеломили пришедшие из Италии новости. Присутствовавший в Стрельне на праздновании дня рождения великого князя Константина, Бисмарк отмечал что все были поглощены обсуждением «пришедшего сообщения о заключенном между Францией и Австрией перемирии»⁸¹: давая согласие на подготовку мирного конгресса, Наполеон III 8 июня 1859 г. через генерала Флери заключил в Виллафранке перемирие с Францем-Иосифом. Уже 11 июня текст прелиминарного мира был подписан сначала австрийским императором, а затем поздно ночью Наполеоном и Виктором-Эммануилом. Обсуждавшаяся перспектива созыва мирного конгресса теряла свою силу, уступая место неожиданному решению этих государственных деятелей.

В Европе по-разному отнеслись к этой новости. Проавстрийская политика Англии накануне войны сменилась поддержкой

---

⁸¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 8. VII. 1859 // DpB. Bd. I. S. 111.

итальянского движения после Виллафранкского перемирия. В более пикантном положении находилась Пруссия с мобилизованными войсками, которые теперь нужно было распускать по домам, и невыполненным германским долгом. Тайнственностью и скоростью произошедших событий была обескуражена Россия, заявлявшая о своей поддержке Франции в течение всего периода войны и надеявшаяся на то, что император Наполеон III поставит ее в известность о своих планах.

Рад был случившемуся событию Бисмарк: «тенденция к миру, — писал он жене 9 июля, — дай Бог, чтобы все удалось!»⁸². Прелиминарные договоренности удержали Пруссию от опасности вступления в войну, перспектива которой пугала прусского посланника. Берлин юридически исполнил свои союзные обязательства перед Германией, мобилизовав войска, но избежал войны. Теперь он со всей ответственностью мог винить Австрию в игнорировании общегерманских интересов и следовании своим собственным, государственным. Доминирующий в Восточной и Юго-Восточной Европе австрийский колосс, созданный в воображении Буоля, был разбит ветром европейской дипломатии. Германский вопрос поставил его на одно колено во время Крымской войны и лишил прочной опоры, ударив по второму, во время Итальянской войны. Политическая программа, нацеленная на обретение гегемонии в Германском Союзе, терпела крах, и Австрия постепенно уступала свое место Пруссии, уверенно отбирающей у нее рычаги управления федерацией германских государств. Бисмарк видел в этом прекрасную перспективу для разрешения германской проблемы в будущем.

Этому также способствовало изменение настроений в Петербурге. Уезжая в Германию в отпуск, Бисмарк отправил в Берлин последнюю за 1859 г. телеграмму, которая как будто успокаивала его самого и блестяще подводила итог его пребывания в Петербурге: «Император Александр желает установить с нами связи теснее, чем когда-либо, и испытывает по отношению к прозрачности мирных намерений некоторое недоверие. Все было разыграно без ве-

---

⁸² Bismarck an Johanna. 9. VII. 1859 // FBB. S. 447.

дома России»⁸³. Личные чувства императора были задеты. Бисмарк чувствовал, что Александр II может отдать приоритет германским настроениям, которыми ему приходилось жертвовать в ходе Итальянской войны в угоду союзу с Францией. Он понимал, что пост в Петербурге приобретает все большее значение и ждал своего скорейшего возвращения из Германии с семьей. Этого, однако, не произошло, поскольку по окончании отпуска Бисмарк занемог, и ему пришлось провести в Германии на грани жизни и смерти всю вторую половину 1859 г. и начало 1860 г.

*Франция или Пруссия?
Бисмарк о международном курсе России
после Итальянской войны.*

*Германские планы Бисмарка и похолодания
в русско-французских отношениях*

Итальянский вопрос еще больше обострил понимание Бисмарком необходимости решения германской проблемы. Восьмилетнее пребывание в Союзном Сейме сыграло для него важную роль в понимании сущности австро-прусского противостояния. И хоть в донесениях того времени еще не было призыва к объединению Германии под прусским флагом, Бисмарк стал непреклонным борцом с империей Габсбургов за рост политического влияния Пруссии в Германском Союзе. Он прекрасно понимал, что рано или поздно интересы двух германских государств столкнутся друг с другом.

Австрия с ее наднациональным принципом государственного строительства с большим подозрением относилась к национально-патриотическим стремлениям и поэтому не могла заявить о своей поддержке германского национального движения, иначе ей пришлось бы удовлетворить требования венгров, славян и поляков,

---

⁸³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 16. VII. 1859 // DpB. Bd. I. S. 229.

подписывая тем самым приговор своему государственному существованию. Единственное, что она могла предложить Германии — сохраняя сложившееся государственное устройство Германского Союза, занять в нем лидирующее положение и окончательно превратить Пруссию в придаток своей политики при фактической слабости остальных княжеств. Эту перспективу Бисмарк отчетливо осознал во Франкфурте и еще раз убедился в Петербурге во время Итальянской войны.

Однако если германское национальное движение не могла удовлетворить Австрия, то это могла сделать Пруссия. На фоне противостояния двух главных политических партий в Пруссии пробивались ростки новой политической силы, близкой Бисмарку. 17 июля 1859 г. во Франкфурте-на-Майне было заявлено об образовании нового политического объединения либералов и демократов, впоследствии названного Германским национальным союзом, руководителем которого стал Рудольф фон Беннигсен. Главной задачей была провозглашена борьба за объединение Германии вокруг Пруссии путем созыва всенемецкого парламента, избранного на основе всеобщих выборов, который должен был оформить создание немецкого государства. Президентом Национального союза был избран Р. Бенигсен. Было запланировано создание Прогрессивной партии, что, однако, не состоялось вследствие споров между представителями северо- и южногерманских государств о ведущей роли Пруссии. Союз отклонил с самого начала революционные средства борьбы за объединение Германии и сконцентрировался на использовании всех возможных законных средств на благо строительства национального государства. Представители этого объединения стремились к расширению своих партийных рядов и искали всех тех, кто разделял бы их политическую программу. Они обратились и к Бисмарку, несмотря на то, что он принадлежал к юнкерству, противнику «бюргерски-конституционного идеала»⁸⁴.

В середине марта 1859 г., еще накануне отъезда в Петербург, находящегося в берлинском «Отеле Рояль» приболевшего Бисмарка

---

⁸⁴ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 128.

посетил один из лидеров формировавшегося движения Ганс-Виктор фон Унру⁸⁵. Когда Унру вошел в гостиничный номер, Бисмарк символично отбросил в сторону «Новую Прусскую Газету»^{xxi}, заметив, что в «ней нет и проблеска прусского патриотизма». Внешнеполитическая программа, поддерживаемая этим печатным органом, заключалась в защите интересов Австрии против Франции и Италии, что, по мнению Бисмарка, «явилось бы политическим самоубийством Пруссии в этой войне». Он считал, что стремление к максимальному ослаблению Австрии лежало в сфере прусских государственных интересов. Но если бы империи Габсбургов удалось удержать за собой лидерство в Германии, говорил Бисмарк, «наши короли вновь станут курфюрстами, вассалами Австрии». Прусский дипломат размышлял над политическим выбором, который должны были сделать мелкие государства Германии в пользу Австрии или Пруссии. Согласно его выводам, многие из них перешли бы на сторону Австрии, поскольку союз с Пруссией предусматривал более жесткие формы вхождения в новое государственное образование с потерей независимости мелкими княжествами. Таким образом, Прусское королевство оставалось в одиночестве, от него могли лишь потребовать действенной помощи в случае военной угрозы. Но Бисмарка это уже не так страшило: «у Пруссии есть только один союзник, смогла бы она только его завоевать и обращаться с ним». На ожидаемый вопрос со стороны Унру, кто же этот союзник, Бисмарк ответил: **«Германский народ!»** и продолжил, заметив удивление на лице Унру — «А что же Вы думали? Я все тот же юнкер, как и 10 лет назад, когда мы с Вами познакомились в палате? Но я не должен был бы тогда иметь глаза и голову на плечах, если бы не смог понять реального положения дел». В этих словах отчетливо проявились черты политического портрета Бисмарка: стремление к достижению поставленной цели совершенно разными методами, порой противоречащих друг другу. Ярый борец с национальным движением в Европе, в котором призрачно вставала опасность *польского* восстания, угрожающего государственному существованию

⁸⁵ Gespräch mit dem Ingenieur Viktor von Unruh Mitte März 1859 in Berlin // WiA. Bd. II. S. 255–257.

Пруссии, Бисмарк видел в *германском* национальном движении опору для будущей борьбы против Австрии за влияние в Германии и поэтому поддерживал его.

Он считал национальный вопрос ключом от ворот, скрывающих от Пруссии господство в Германии. Объяснялось это тем, что без Дунайской монархии Германия мыслима, а без Пруссии — нет, поскольку прусские интересы лежали исключительно в политической плоскости германских дел, в то время как Австрия ставила на первый план достижение своих собственных имперских задач. Ярким доказательством служат слова, сказанные австрийским императором Францем-Иосифом Наполеону III во время подписания виллафранкских прелиминариев: «скорее я пожертвую провинцией, чем сдвину с мертвой точки германский вопрос»⁸⁶.

Бисмарк чувствовал, что европейские события приближают решение германского вопроса. Возможно, по этой причине он первоначально был против своего перевода в Петербург. Тем не менее, на новом месте своей службы он с удвоенной силой приступил к защите прусских интересов в Германии и Европе. Возможности прусского посланника были слишком ограничены, чтобы изменить центробежные силы русско-пруских связей после окончания Крымской войны на центростремительные, однако повлиять на этот процесс можно было, и Бисмарк приступил к выполнению этой задачи. Было ли простое улучшение отношений между Берлином и Петербургом основной целью, которую хотел достичь Бисмарк? Или это являлось составной частью его более масштабного плана? Вне сомнения, политическая фигура масштаба Бисмарка должна была иметь перед собой основную цель, выполнению которой способствовали менее значительные успехи и достижения. И такая цель уже сформировалась в его планах.

12 мая 1859 г. в форме частного письма на имя прусского министра Шлейница⁸⁷ Бисмарк изложил свое видение прусской политики. Это послание по глубине продуманности и революционности

⁸⁶ Schmidt Reiner F. Bismarck. S. 100.

⁸⁷ Privatschreiben Bismarcks an Minister von Schleinitz. 12. V. 1859 // WiA. Bd. II. S. 281–286.

выводов можно считать определенной вехой в истории германского объединения и становления политических взглядов Бисмарка.

Письмо начиналось с критики установившейся в Германии политической действительности и ее практического отрицания: «из восьми лет моей ведомственной работы во Франкфурте я пришел к убеждению, что установившиеся союзные устройства представляют для Пруссии в мирное время угнетающие, а в военное — жизненно опасные оковы». Исторические доводы, приведенные Бисмарком, свидетельствовали о том, что Австрия подчинила политическую деятельность Германского Союза выполнению своих собственных государственных интересов, поскольку «трактровка целей и законов Союза модифицировалась согласно требованиям австрийской политики». Во время Восточной войны сила давления Австрии стала настолько огромной, что ей едва ли смогли противостоять объединенные усилия Пруссии и союзного правительства.

Кроме того, Пруссия была лишена помощи германских князей, поскольку их основная цель, по мнению Бисмарка, заключалась в том, чтобы строить союзные отношения под главенством Австрии, отношения, направленные, прежде всего, против Прусского государства. Он отмечал, что Союзный сейм с Австрией во главе за последние 9 лет «стремится к установлению чрезмерной опеки над прусской политикой». Опасность таких поползновений становилась угрожающей во время международных конфликтов, когда Берлину хотели навязать защиту «общих германских интересов». Бисмарк не мог смириться с тем, что «союзные учреждения используются для втягивания в пожарище такой державы как Пруссия, когда от нас требуют жертвовать добром и кровью ради политической мудрости и деятельности правительств, которые существуют благодаря нашей защите».

Ценность данного донесения заключается в том, что помимо констатации изменения политической картины в Германском Союзе, Бисмарк давал практические советы по выходу Пруссии из сложившейся ситуации. И советы эти носили прогрессивный для того времени характер. По его мнению, Пруссии следовало максимально использовать любые выпады против нее и, в конце концов,

заявить о своем несогласии с работой Союзного Сейма, обвинить его в превышении полномочий и произвольном изменении союзных интересов, иначе «в самом лучшем случае мы станем <...> резервом венского кабинета, но, вероятнее всего, нас заключут как коршуны, как только мы склоним перед Франкфуртом голову»⁸⁸. Бисмарк советовал, чтобы прусский представитель во Франкфурте официально выступил с заявлением «о разрыве союзных договоренностей», и Пруссия вышла из Германского союза, что прекращало бы его существование в том виде, в каком он был создан Заключительным актом Венского конгресса. Чем недвусмысленнее была бы обозначена причина правонарушений в работе Сейма, тем, по мнению Бисмарка, было бы лучше.

В этом донесении проявляется характерная для его политической мысли особенность рассматривать ту или иную проблему в широком международном аспекте. Своевременность решительных действий Бисмарк доказывал тем, что современные политические события в Австрии, Франции и России способствуют улучшению положения Пруссии в Германии, а повторится ли такая благоприятная ситуация в будущем — неизвестно. Облегчала поставленную Бисмарком задачу еще и мобилизация прусской армии, которую недавно провел принц-регент. Еще в мае 1859 г. Бисмарк писал своему другу Альвенслебену: «современное положение будет тогда для нас иметь выигрышное значение, если мы позволим себе быстро вмешаться в войну Австрии и Франции, а затем выступим всей нашей армией на юг, упакуем в ранец пограничные столбы и вобьем их на Боденском озере или там, где кончается преобладание протестантского сознания»⁸⁹.

Таким образом, внешнеполитический фактор, равно как и внутригерманские события, свидетельствовавшие о сильном ослаблении позиций Австрии, способствовали активному проведению прусской политики в Германии. Игнорирование судьбоносного

---

⁸⁸ Bismarck an Karl Friedrich von Savigny. 1. XI. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 544.

⁸⁹ Bismarck an Gustav von Alvensleben. 5. V. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 517.

для Пруссии момента, по мнению Бисмарка, привело бы ее вновь в лоно интриг и сплетен франкфуртского сейма.

«Слово «германский» вместо «пруссий», — заканчивал Бисмарк, — я с удовольствием увижу на наших флагах тогда, когда мы более тесно и целесообразно, чем теперь, объединимся с нашими соплеменниками». При прочтении этого письма создается впечатление, что Бисмарк плавно подводил Шлейница к своей основной мысли. Целесообразно привести полностью цитату из его письма: «Я вижу в наших союзных отношениях болезнь Пруссии, которую мы должны будем рано или поздно вылечить *железом и кровью*, если мы в благоприятное время года преднамеренно не предпримем курс лечения. Если бы сегодня Союз был бы упразднен без учреждения чего-то другого на этом месте, то, я полагаю, даже на основании этого негативного достижения у Пруссии вскоре выстроились бы лучшие и более естественные отношения с ее германскими соседями, чем теперь».

Обращение к письму 12 мая 1859 г. важно для понимания того, что Бисмарк в общих идеях наметил тот сценарий, по которому следовало разыграть в будущем драму германского объединения. Руководствуясь этими идеями, прусский посланник мог выстроить свою линию поведения в Петербурге, соответствующую интересам прусского государства в его понимании.

Развитие международных событий также способствовало выполнению поставленной Бисмарком задачи. Профранцузская ориентация политики Петербурга, оформившаяся в тайном договоре 3 марта 1859 г. не позволяла пойти на сближение с Пруссией. Однако после окончания Итальянской войны Россия не получила от Франции ожидаемой поддержки в деле отмены статей Парижского мирного договора 1856 г. относительно нейтрализации Черного моря и отторжения Южной Бессарабии. Налицо была опасность пробуждения национального вопроса, представлявшегося для России в образе польской проблемы и несвоевременности народных восстаний на Балканах. На встрече с Бисмарком в середине июня 1859 г. Александр II особенно подчеркнул, что: «в Европе вряд ли найдется хотя бы один уголок, <...> где пожар револю-

ционных страстей не нашел бы горячей смеси <...> где же тогда будет хотя бы одно правительство, которое останется хозяином своей политики?» С чувством отчаяния император сказал своему собеседнику, что «перспектива и исход этого мирового пожара остаются лишенными всякого предвидения, равно как и роль, которой судьба наделит отдельные державы. Я сам не могу предсказать роль России»⁹⁰.

Французское влияние в Европе становилось все сильнее, и у Тюильри оставалась неплохая альтернатива франко-русскому сотрудничеству, заключающаяся в улучшении отношений с Сент-жемским кабинетом, что также не шло на пользу русско-французским отношениям.

Разочарование политикой Франции компенсировалось новостями, приходящими из Берлина. В Петербурге были воодушевлены ролью мирового посредника, которую принц-регент Вильгельм согласился принять на себя. Опасность общеевропейской войны, которая могла поставить под удар задуманные императором Александром II преобразования в России, отступала. Кроме выбранного Берлином нейтралитета в войне 1859 г. установлению более тесного взаимопонимания между Пруссией и Россией способствовала схожесть внутри- и внешнеполитических задач, перед которыми стояли администрации обоих государств.

К июню 1859 г. произошли определенные подвижки в установлении более тесных связей между ними. Изменение внешнеполитической программы России стало очевидным на варшавском совещании, которое состоялось с 18 по 23 октября 1859 г. между императором Александром II, Горчаковым и российскими дипломатическими представителями при крупнейших дворах Европы: Киселевым в Париже, Брунновым — в Лондоне, Будбергом — в Берлине и Балабиным — в Вене. Высказанное Киселевым предложение о своевременности заключения оборонительного союза с Наполеоном III было негативно оценено российским императором. Он подчеркнул, что «доверие мое к политическим видам Людовика-

---

⁹⁰ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17. VI. 1859 // ДрВ. Bd. I. S. 224–225.

Наполеона сильно поколеблено. Его приемы небезупречны. Нужно внимание, чтобы не вдаться в обман»⁹¹.

Татищев также отмечал, что на варшавском совещании произошла перемена в отношениях России с Францией в пользу выстраивания тесных связей с Пруссией. И пусть еще нельзя было говорить о резком отходе от политической программы Штутгарта, но Франция переставала быть главным союзником России, и ее место уверенно занимала Пруссия.

Варшавское совещание российского императора имело логическое продолжение, закрепившее наметившиеся во внешней политике России изменения. С 23 по 26 октября 1859 г. в польском городе Бреслау (ныне Вроцлав) состоялась встреча императора Александра II с принцем-регентом Вильгельмом. Еще в сентябре месяце Вильгельм вызвал Бисмарка в Баден-Баден и поручил ему через российского дипломата в Берлине Будберга договориться о двусторонней встрече с самодержцем. Получив согласие российской стороны, Бисмарк отправился в Варшаву, чтобы оттуда сопровождать Александра II в Бреславль на встречу с прусским принцем-регентом.

В письмах жене Бисмарк передавал свое восхищение от того благожелательного добродушия, которое ему было оказано в Бреславле: «завтрак с императором, затем долгая аудиенция, также любезно как и в П<етербурге> и очень учтиво»⁹². В редких письмах жене за это время Бисмарк писал о многочисленных обедах, фейерверках и спектаклях, военных смотрах и парадах, которыми были наполнены эти пять дней.

23 октября Александр II прибыл в Бреславль в сопровождении Горчакова, Будберга и Бисмарка. Прусского принца-регента сопровождали министр Шлейниц и Роон, впоследствии военный министр Пруссии.

Основные выводы состоявшихся переговоров заключались в том, что прусская, и российская сторона высказали настороженность национальной политикой Наполеона III, однако была подчеркнута

⁹¹ Татищев С. С. Император Александр II. С. 202.

⁹² Bismarck an Johanna. 19. X. 1859 // FBB. S. 454.

необходимость поддержания благоприятных отношений с Францией для сохранения безопасности в Европе и урегулирования спорных конфликтов.

Бисмарк не питал никаких иллюзий по поводу результатов свидания в Бреславле, поскольку конкретных целей, по его мнению, оно не имело, но служило чисто внешним обрамлением наметившихся изменений во внешней политике обоих государств. В личном письме своему другу Савиньи Бисмарк кратко формулировал свою главную задачу в новых условиях: «моя задача заключается в заботе об отношениях с Россией и, могу отметить, что я имею все основания быть довольным результатами в этой области, не желая приписывать их себе лично»⁹³.

*Бисмарк о новых внешнеполитических веяниях
в российской столице*

С начала 1860 г. в Пруссии разворачивалась внутривнутриполитическая борьба между правительством и парламентом по вопросу о реорганизации прусской армии и об увеличении военного бюджета, что стало причиной конституционного кризиса, продолжавшегося вплоть до прихода в 1862 г. Бисмарка к власти. Проведенная в 1859 г. мобилизация прусского ландвера и события Итальянской войны выявили большие проблемы в прусской военной организации. Необходима была реорганизация армии и улучшение ее боеспособности. Правительственный проект, выдвинутый в 1860, предусматривал удлинение срока военной службы с 2 до 3 лет и расширение воинского набора с 40 тыс. до 63 тыс. человек, для чего требовались значительные средства. Прусский парламент противился усилению позиций короля и консерваторов, опасался, что правительство нуждается в крепкой армии для проведения агрессивной внешней политики, направленной на утверждение гегемонии в Германии, в чем также винил министерство иностранных дел, поэтому проект военной реформы был отклонен.

⁹³ Bismarck an Karl Friedrich von Savigny. 1. XI. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 544.

Противостояние правительства и парламента подогревалось продолжающимися внутригерманскими спорами. Рост политического влияния Франции вследствие Итальянской войны насторожил всю германскую общественность. Германская публицистика австрийского направления доказывала вероятность французской агрессии против Германского Союза в будущем, вот только в самой Германии боялись, что она произойдет теперь уже на западно-германской границе. В конечном итоге, все политические прения, происходившие в Германии, сводились как всегда к вопросу о том, кто займет руководящую роль в Германии: Австрия или Пруссия.

Выздоровливавший Бисмарк с удовольствием смотрел на зачатки самостоятельной политики Пруссии и негодовал от того, что Германия находилась под влиянием франкофобии. В письме Шлейницу от 9 февраля 1860 г. он доказывал, что «такое несоразмерное увеличение мощи Франции, как Рейнская граница, было бы оспорено всеми государствами, вне зависимости от их отношения к Пруссии, просто в интересах равновесия»⁹⁴.

Бисмарк с пониманием относился к позиции малых государств, которые при слабости Австрии боялись потерять свою независимость и поэтому выступали за союз с Францией нежели с Пруссией. Тем не менее, он считал, что такое сильное государство как Пруссия не может идти в русле политики мелких германских княжеств и обязана выстраивать свой собственный курс.

Прибывший в марте 1860 г. в Берлин выздоровевший Бисмарк столкнулся с обсуждением вопроса о смещении Шлейница с поста министра иностранных дел. Прусский министр-президент князь Карл Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген и государственный министр без портфеля Рудольф фон Ауэрсвальд предложили принцу-регенту назначить на этот пост кандидатуру... Отто фон Бисмарка. В своих воспоминаниях он описывал подробности состоявшейся во дворце встречи с принцем-регентом. Вильгельм предложил Бисмарку и Шлейницу изложить свои внешнеполитические программы для того чтобы в их присутствии сделать свой выбор. Суть

⁹⁴ Privatschreiben Bismarcks an Minister von Schleinitz. 9. II. 1860 // WiA. Bd. II. S. 310.

политического курса Бисмарка была не нова. Он высказывался за укрепление позиций Пруссии и жесткую борьбу с Австрией вплоть до военных действий. В своем выступлении он затрагивал тему русско-пруссских связей. Бисмарк видел одну из первостепенных задач внешней политики Пруссии в том, чтобы «сохранить желательную для проведения нашей политики связь с Россией», а сделать это было «легче, действуя против Австрии, нежели заодно с Австрией»⁹⁵. Он, однако, не отказывался от мысли о возможном укреплении отношений между Берлином и Веной. «Благодаря Крымской войне и польским осложнениям, — продолжал свою речь Бисмарк, — мы приобрели там (в Петербурге — В. Д.) такие преимущества, которые при умении ими воспользоваться дадут нам возможность столкнуться с Австрией, не порывая с Россией»⁹⁶.

В мемуарах Бисмарк писал о том, что речь Шлейница о необходимости сохранения традиционного внешнеполитического курса Пруссии была подготовлена заранее, а принц-регент еще до этой встречи решил, что менять министра иностранных дел было пока преждевременно. Несмотря на это принц-регент не хотел так быстро отпускать Бисмарка в Петербург. Чувствуя практическую бесперспективность программы Шлейница, он все больше осознавал свою потребность в Бисмарке, его политических взглядах и методах⁹⁷. Внешне это выразилось в простом оттягивании отъезда Бисмарка в Петербург. В течение нескольких месяцев принц-регент Вильгельм встречался с Бисмарком по тем или иным вопросам, раздумывая над его политической программой.

Можно предположить, что карьерный рост Бисмарка тормозился из-за того, что назначение консерватора на пост министра иностранных дел оценивалось бы германской общественностью как возвращение к консервативным началам. Однако как раз в это время и усиливается разрыв Бисмарка с представителями традиционного прусского консерватизма. Это отчетливо проявилось в майской переписке Бисмарка с Л. Фон Герлахом, в которой

⁹⁵ *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 332.

⁹⁶ Там же..

⁹⁷ *Нольде Б. Э.* Петербургская миссия Бисмарка. С. 176.

внешнеполитическая ориентация Пруссии, как и после окончания Крымской войны, стала краеугольным камнем. Герлах считал невозможным для Пруссии ориентироваться на наполеоновскую Францию и призывал к сохранению традиций Священного Союза. Бисмарк, как и прежде, руководствовался соображениями государственных интересов и считал, что, если в данный момент Пруссии выгодно поддерживать тесные связи с Францией, то это следует делать, не обращая никакого внимания на то, кто ею руководит. «Со своим сюзереном, — писал он, — я стою, с ним и погибну, даже если бы он погиб, с моей точки зрения, безрассудно, но Франция остается для меня Францией, хоть бы ей правил Луи Нап<олеон> или Людовик Святой, а Австрия остается для меня **заграницей**»⁹⁸. Бисмарк, как и прежде, с равнодушием относился к обвинениям в бонапартизме или приверженности союзу с Россией в свой адрес, подчеркивая лишь свое преданное служение интересам Пруссии вне зависимости от того, с кем эти интересы требовали идти под руку.

Да и Франция выступала за улучшение отношений с Пруссией. Во время отъезда из Берлина в Петербург Бисмарк еще не знал о том, что Наполеон III согласился на встречу с прусским принцем-регентом. Об этом ему стало известно уже в российской столице, куда прибыл вместе с семьей 5 июня.

Если первая после длительного отсутствия Бисмарка в Петербурге встреча с Горчаковым носила несколько сдержанный характер, то император Александр II, наоборот, оказал необыкновенно теплый прием прусскому представителю. В ходе аудиенции император отзывался о Пруссии как о «самом интимном союзнике»⁹⁹. В письме другу Венцелю Бисмарк сказал более откровенно: «император рассматривает нас как своего самого тесного, если не единственного, друга»¹⁰⁰.

⁹⁸ Bismarck an Leopold von Gerlach. 2/4. V. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 548.

⁹⁹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 230.

¹⁰⁰ Bismarck an Geheimen Legationsrat Wentzel in Frankfurt. 16. VI. 1860 // Bb. S. 288.

Сотрудничество с Пруссией император решил использовать в деле умирения внешней политики Франции. Бисмарк сообщал в Берлин, что Александр II «никогда откровенно не пойдет на внушения, идущие из Тюильрийского кабинета»¹⁰¹. Национальная политика Франции, по мнению императора, не изменилась. Его обеспокоенность целями и методами проведения французской политики осталась со времен бреславльских переговоров той же. Российский самодержец считал такую политику неприемлемой для сохранения безопасности в Европе, поскольку она была опасной для всех многонациональных государств, входивших в европейский концерт.

Российский самодержец считал возможным ввести политику Франции в русло законности и соблюдения международного права лишь путем построения союза России, Франции и Пруссии: «я говорю Вам открыто, что хотел бы создать союз между Пруссией, Россией и Францией, — говорил Александр II Бисмарку на аудиенции 14 июня, — поскольку я вижу в нем в настоящий момент самое простое и самое действенное средство для сохранения безопасности в Европе. Чтобы поставить императора Наполеона на сторону регламентированной и законной системы, я бы хотел наложить на него узы альянса»¹⁰². Руководствуясь такой установкой, Александр II и Горчаков положительно оценили состоявшееся 16–17 июня в Баден-Бадене свидание Наполеона III с принцем-регентом Вильгельмом¹⁰³, свидетельствовавшее об успехах предлагаемого Петербургом плана. Более скептически о свидании отозвался сам Бисмарк. В письме своему другу Венцелю 16 июня 1860 г.¹⁰⁴ он говорил о том, что в Петербурге относятся к этой встрече как к «залогу к миру». На самом же деле свидание имело несколько аморфный формат. На свидание исключительно между Наполеоном III и принцем-регентом Вильгельмом последним были приглашены короли

¹⁰¹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 232.

¹⁰² Ibid..

¹⁰³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 15. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 120.

¹⁰⁴ Bismarck an Geheimen Legationsrat von Wentzel in Frankfurt. 16. VI. 1860 // Bb. S. 288.

Вюртемберга и Баварии. Ганноверский король, узнав о такой высокой встрече, несмотря на плохое здоровье, тоже решил приехать в Баден-Баден. В таком случае нельзя было забывать и о четвертом короле — Саксонском. И его пригласили. Великий герцог Баденский был на этой встрече в силу принимающей стороны. Однако и некоторые герцоги: Веймарский и Кобург-Готский — тоже вдруг оказались в Бадене. Трудно было определить смысл собрания такой коалиции германских государей. Позже ходила шутка о том, что Наполеон, вернувшись в Париж, будто бы сказал: «Принц-регент вел себя в отношении меня как стыдливая девушка, которая боится речей ухаживателя и избегает оставаться с ним одна слишком долгий срок»¹⁰⁵. Наполеон воспользовался случаем, чтобы каждого из государей персонально уверить в благожелательности намерений Франции и ее мирной политике. Для германских государей могло показаться, что они выступили общим фронтом перед лицом опасности, и угроза левому берегу Рейна миновала. Довольны были все: германские монархи — пребыванием в иллюзии важного положения, которое они якобы занимали; принц-регент — формальными изъяснениями с французским императором в добрососедских отношениях; Наполеон III — удавшейся акцией по усыплению бдительности германских государей и составлению благородного образа Франции в глазах немецкой общественности; Петербург — формальным сближением Пруссии и Франции, необходимым для союза Пруссии, России и Франции. Скептически смотрел на эти «успехи» Бисмарк. Находясь в российской столице за сотни километров от Бадена, он чувствовал эфемерность состоявшейся встречи и ее бесперспективность для будущего. Во все том же письме Венцелю 16 июня он оставил такие строки: «путем такого навязанного согласования произошло корпоративное прислуживание германских князей, которым Луи Наполеон вскоре воспользуется для того чтобы натравить одного на другого и скомпрометировать нас, если мы продолжим прежний курс, направленный против него»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 184.

¹⁰⁶ Bismarck an Geheimen Legationsrat von Wentzel in Frankfurt. 16. VI. 1860 // Bb. S. 289.

Если Бисмарк не доверял двойственной политике Наполеона III, то уверениям императора Александра II в необходимости укрепления русско-прусских связей он уделял большое значение. Уже в первых письмах за 1860 г. из Петербурга он писал о том, что Пруссия, согласно взглядам российского самодержца, должна была занять важное место во внешней политике России и задуманном царем альянсе Берлина, Петербурга и Парижа. И, действительно, последовательность международных предложений, с которыми выступала Россия с конца 50-х по начало 60-х гг. XIX в., позволяет сделать подобные выводы. Русско-французское сотрудничество, вылившееся в подписании тайного договора 3 марта 1859 г., было ослаблено поведением Наполеона III во время Итальянской войны. Бисмарк однажды в разговоре с Горчаковым¹⁰⁷ сравнил политические маневры императора французов с монархом, который меняет свои резиденции: весеннюю — от тесного союза с Россией (имелся в виду тайный договор 1859 г.) — на летнюю: к сближению с Сардинией. Национальная политика Франции повлияла на переориентацию России в сторону Пруссии, что подтвердилось во время свидания монархов в Бреславле. Информация Бисмарка о росте германских настроений в душе российского императора свидетельствовала о том, что в новых условиях Россия все сильнее рассчитывала на Пруссию, и теперь в союзе с ней Александр II решил привести уже Францию к политике законности. Император несколько раз подчеркивал, что он не говорил о победе над Францией, отмечая, что «если бы я был поддержан Пруссией, было бы весьма вероятно, что мы рука об руку могли бы оказывать весьма ощутимое влияние на решения императора французов»¹⁰⁸.

Первая аудиенция Бисмарка у императора была важна еще и тем, что на ней все явственнее проступала позиция Александра II в решении Германского вопроса. Он связывал существование Германии с сохранением государственной независимости Пруссии, а в проблеме австро-прусского противостояния выбирал вторую сторо-

¹⁰⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 21. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 125–126.

¹⁰⁸ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 235.

ну. Когда Бисмарк высказал свое убеждение в том, что «Е. Величество (Александр II — В. Д.) несмотря на все симпатии, связанные с нашим (прусским — В. Д.) королевским домом, исключительно из политических оснований посчитал бы себя обязанным сражаться до последнего выстрела, дабы предотвратить, чтобы Германия после гибели Пруссии, предстала ничем не более расширенного Рейнского Союза»¹⁰⁹, император одобрительно кивнул головой, что было специально выделено в отчетном донесении о состоявшейся аудиенции. Таким образом, налицо была поддержка Пруссии со стороны России, а главное, царя в решении Германского вопроса. Бисмарк мог к своему удовольствию констатировать тот факт, что германские настроения императора с момента последней аудиенции в 1859 г. не ослабли, но, наоборот, стали более значимыми.

Вместе с тем в международных отношениях начинали происходить еле заметные подвижки, впоследствии сформировавшие сложный механизм, который действовал вплоть до 90-х гг. XIX в. Несмотря на политические промахи 50-х — начала 60-х гг. XIX в. из клуба великих держав нельзя было исключать Австрию. Две проигранные войны заставили Венский кабинет пересмотреть курс своей внешней политики и, опираясь на новые реалии, выбрать союзников. Агрессивное выступление Франции в Италии и национальная политика Наполеона III делали невозможным сближение Вены с Парижем. Итальянское движение также поддерживалось Лондоном, который к тому же противился балканской политике Вены. Пруссия все так же оставалась главным противником Австрии в приобретении абсолютного влияния в Германии. Несмотря на острые противоречия в Восточном вопросе, Австрия решила сделать робкие шаги для улучшения отношений с Россией, учитывая к тому же временный отход своего восточного соседа от активной внешней политики в Европе и переориентацию на решение внутренних проблем.

Показательным было назначение в начале 1860 г. австрийским посланником в Петербурге графа Фридриха фон Тун-Гогенштейна,

---

¹⁰⁹ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 234.

который был призван способствовать укреплению австро-русских связей. Россия все же ждала определенных политических предложений со стороны Австрии. Они последовали как раз в том вопросе, который мог считаться спорным между Россией и Австрией. В состоявшейся 27 июня 1860 г.¹¹⁰ беседе с Бисмарком Горчаков признавался, что австрийский поверенный в делах Реверта по поручению графа Рехберга сделал заявление, согласно которому Австрия соглашалась предоставить свою политику в восточных делах в полное распоряжение России ради восстановления с ней прежних связей. После всех эпизодов из истории русско-австрийских отношений в промежутки от Восточной войны до Итальянской трудно было сразу сделать однозначные выводы. Горчаков передал свое недоверие к подобным заявлениям пословицей «обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду», однако отметил, что в последнее время австрийская сторона оказывала России в Константинополе полную поддержку.

На вопрос Бисмарка о восстановлении Священного Союза Горчаков ответил категорически «нет», однако отметил, что перед тем как говорить об укреплении русско-австрийских связей он будет советовать Вене идти сначала на уступки Берлину в союзных спорах и решении германского вопроса. Горчаков умело вышел из этой тонкой ситуации. С одной стороны, будучи сторонником альянса с Францией, он отрицал возможность воссоздания Священного Союза, с другой — зная о германских настроениях Александра II, оставлял открытой возможность тесного международного взаимодействия России, Пруссии и Австрии, облеченного, возможно, в какие-то новые формы сотрудничества.

Австро-русское сближение стало основной темой донесения Бисмарка в Берлин 14 июля 1860 г. В письме подчеркивалось: только что возвратившийся в Петербург граф Тун привез из Вены уверения в том, что австрийская политика находится в полном распоряжении России, в особенности, в восточном вопросе. Россия не могла не реагировать на австрийские попытки изъяснения в сим-

---

¹¹⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 27. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 237 — 241.

птии. Бисмарк сообщал о награждении австрийских офицеров, прибывших на празднование 150-летия существования гвардейского полка почившего австрийского императора, орденами Святого Станислава 1-й степени и Анны 3-й степени.

Показательным было то, как отметили в Петербурге дни рождения французского и австрийского императора. Бисмарк обратил свое внимание на то, что день рождения Наполеона III 20 апреля 1860 г. в российской столице отпраздновали сравнительно скромно, в том время как 18 августа того же года, в день рождения Франца-Иосифа I, «император отдал приказ надеть все австрийские ордена»¹¹¹, поднимались многочисленные тосты за здоровье императора Австрии. Несколько позже, в донесении 7 сентября 1860 г., Бисмарк привел интересный факт, свидетельствующий об истинных настроениях в офицерской среде в отношении к Австрии: «при произнесении Александром II тоста за здоровье императора Австрии многие из присутствующих русских офицеров, не замеченные императором, отказались пить, причем многие демонстративно выплеснули содержимое своих бокалов». Бисмарк писал, что свидетели этого «изображали поведение офицеров в более ярких красках»¹¹².

Несмотря на это, Бисмарк отмечал, что в целом отношение к австрийцам при императорском дворе кардинально изменилось и совершенно исчезло то раздражение, которое чувствовалось еще год назад. Император был доволен новыми заверениями Вены, посоветовав ее в первую очередь, «при любых обстоятельствах объединиться с **нами** (Пруссией — В. Д.) и ради этой цели не бояться никаких уступок в области германской политики»¹¹³. Россия в таком случае согласна была взять на себя функцию убеждать мелкие германские государства идти навстречу объединенной позиции Пруссии и Австрии в спорных вопросах. Таким образом, Россия брала на себя почин в урегулировании германской проблемы и выражала свою заинтересованность в расширении своей германской политики и обретении прочных связей с Пруссией и в перспективе

¹¹¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 22. VIII. 1860 // DpB. Bd. I. S. 152.

¹¹² Bismarck an Minister von Schleinitz. 7. IX. 1860 // DpB. Bd. I. S. 155.

¹¹³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 134.

с Австрией. Такие планы Бисмарк в своих донесениях приписывал больше Александру II, а не Горчакову. Искренности германских симпатий императора Бисмарк противопоставлял уклончивость министра в этом вопросе, ссылаясь на его любовь к Франции. Прусский посланник считал, что стремление российского самодержца к укреплению отношений с Германией связано с его желанием «создать «плотину» от революции в образе консолидированной Германии»¹¹⁴. В отличие от этого стратегического плана министр Горчаков продолжал делать ставку на «пруско-французско-русский альянс»¹¹⁵. В этом донесении Бисмарк пришел к выводу, что подобный союз перестал интересовать царя после его разочарования в политике Наполеона III. Таким образом, именно через Пруссию произошел коренной поворот во внешней политике России в период с 1859 по 1860 гг.

Варшавское свидание 21–25 октября 1860 г.

Пока же серьезность намерений трех восточных великих держав подтверждалась новостями, приходившими из Германии. На конец июля 1860 г. намечалось свидание между принцем-регентом Вильгельмом и австрийским императором Францем-Иосифом для восстановления нарушенных вследствие Итальянской войны прусско-австрийских отношений. Решение о проведении такой встречи было принято еще в Баден-Бадене, когда баварский король выступил с предложением о целесообразности такого свидания после успешной «манифестации германской солидарности»¹¹⁶ перед Наполеоном III. Результаты встречи двух монархов, состоявшейся в Теплице 25–27 июля 1860 г., носили скорее декларативный оттенок. Возникшие разногласия по поводу проведения союзной реформы заставили закрыть дискуссию по этой теме. Зато оба монарха обнаружили полную солидарность в обсуждении единой оборонительной стратегии на случай французской агрессии на Рейне. Не-

¹¹⁴ Bismarck an Schleinitz. 14. VI. 1860 // DpB. Bd. I. S. 136.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 190.

смотря на то, что нападение наполеоновской Франции на Пруссию и Австрию в этот момент было маловероятным, согласие монархов по всем вопросам обсуждаемого проекта означало определенное потепление в австро-пруссских отношениях. Этим известием был обрадован и официальный Петербург. Теперь исчезали препоны для укрепления русско-австрийских связей, выраженные в требовании первоначального улучшения взаимоотношений Австрии и Пруссии. На горизонте замелькал путь к новому тройственному союзу. И им решили воспользоваться. На октябрь 1860 г. было запланировано проведение встречи Александра II с Францем-Иосифом и Вильгельмом в Варшаве.

Горчаков в беседе с Бисмарком положительно отзывался о предстоящем варшавском свидании, от которого он «ожидал важные политические результаты». Главная задача, по мнению князя, заключалась в том, чтобы августейшие особы «договорились о вариантах, с помощью которых можно было бы привлечь Францию к солидарности консервативных интересов кабинетов и отвести от того, чтобы она положила всю свою мощь на опасную чашу весов революции»¹¹⁷.

Для консервативных кабинетов была причина для беспокойства. Революционные идеи Наполеона III в так и незатухающем Итальянском вопросе нарушали состояние безопасности на европейском континенте. Его планы по созданию независимого государства в Северной Италии со включением в него Венеции угрожали государственной целостности Австрии и грозили повторением Итальянской войны 1859 г. с таким же составом воюющих сторон.

Успешное продвижение отрядов Гарибальди с юга и войск Пьемонта с севера Италии к Риму подогревали итальянские планы императора французов. Традиционные защитники европейских тронов — Австрия, Россия и Пруссия — не могли спокойно следить за тем, как лишились своих престолов правители Пармы и Модены, неаполитанский король Франциск II бежал из Неаполя в крепость Гаэта, а войска папского престола капитулировали перед армией

---

¹¹⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 7. IX. 1860 // DPB. Bd. I. S. 155.

Виктора-Эммануила. Свержение законных итальянских правителей грубо нарушало третью статью русско-французского тайного договора 3 марта 1859 г., предусматривающую «соблюдение прав монархов, которые не примут участия в войне»¹¹⁸.

В итальянских событиях у Петербурга были все основания винить именно Наполеона III¹¹⁹, стремившегося развернуть национальное движение в сторону севера Италии и, тем самым, больнее ударить по Австрии. Для германского общественного мнения этого было достаточно, чтобы связать действия Гарибальди, официального Пьемонта и Франции и возобновить в прессе опасность общегерманской войны против Франции и Сардинии. Вот почему еще в Теплице германские государи обсуждали линию обороны Венеция-устье Рейна. России тоже было что опасаться. Антиавстрийская политика Наполеона III через Италию могла ударить по Венгрии, а там недалеко было и до Польши, постоянной опасности для внутреннего спокойствия не только Российской империи, но и Прусского королевства.

Действенный ответ на эти события и являлся тем ожиданием важных политических решений, о которых говорил Горчаков в беседе с Бисмарком относительно варшавского свидания.

Слухи о предстоящей встрече монарших особ в Варшаве вызвали бурный отклик во всей Европе. Франция была обеспокоена. Ревностный сторонник союза с Россией граф Мори передавал Горчакову в письме следующие слова императора Наполеона III: «я крайне опечален этим варшавским свиданием не по существу, а по внешнему его виду. Огласка, политический эффект этой встречи принимаются в Европе за несомненный признак охлаждения с Францией, а это очень жаль и меня огорчает»¹²⁰. Император Французов верно понял антифранцузскую направленность свидания. В этом же смысле были восприняты новости о варшавской встрече и в Англии. В письме одного молодого дипломата из Лондона

¹¹⁸ Секретный договор 3 марта 1859 г. // Красный архив. М. 1938. Т. 3 (88). С. 215.

¹¹⁹ *Нольде Б. Э.* Петербургская миссия Бисмарка. С. 194.

¹²⁰ *Татищев С. С.* Император Александр II. С. 211.

говорилось следующее: «Здесь полагают, что Варшавское свидание — не столько результат итальянского движения, сколько — французского движения. Рейн, Венеция, Польша — вот о чем будет идти речь гораздо более, чем о Гарибальди. Варшава не значит: вмешательство в Италию, — но значит: невмешательство на Рейне, в Венгрии, в Польше. Таково, мне кажется, суждение английской публики. Вот почему в Англии не особенно тревожатся по поводу этого соглашения»¹²¹.

Бурную радость и всеобщее воодушевление известие о предстоящей встрече государей вызвало, конечно, в Германии. Казалось, возрождается проверенная на деле охранительная система Священного Союза, в которой Европе спокойно жилось до 1848 г. Первый министр Гессен-Дармштадта в разговоре с французским посланником так отзывался о свидании: «Не из-за слишком нежной дружбы к Австрии решился Александр II принять варшавское свидание. Он хочет бороться с революцией из опасения, чтобы она не дошла до него, и для этого он наденет, как он недавно говорил, свой старый мундир австрийского полковника, чтобы галуны его снова блеснули в глазах революционеров»¹²².

Однако нельзя было вести такую однобокую политику. Не исключалась вероятность того, что Франция могла перейти к активной поддержке прав нации на самоопределение. Проезжая через Париж, российский дипломат граф Штакельберг писал 25 сентября 1860 г.: «здесь очень щекотливы насчет Варшавского съезда, и печать начинает нападать на нас; если не будут щадить Наполеона, то можно опасаться, не сбросит ли он маску, чтобы громко провозгласить принцип национальностей. Сумеют ли у нас избежать этих подводных камней, и предотвратить самую ужасную из войн? Увы! У меня мало доверия и надежд <...> если мы произведем достаточно впечатления на Наполеона, чтобы намекать ему взволновать Венгрию и Польшу, кто станет мешать ему взяться за вопрос, поднимая Восток?»¹²³

¹²¹ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 192–193.

¹²² Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 196.

¹²³ Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 193.

После окончания Крымской войны Россия на время отошла от активного участия в решении восточного вопроса, сконцентрировав свою внешнюю политику на европейских событиях. Бисмарк понял эту особенность и в своем письме другу Р. фон Ауэрсвальду сделал очень интересное и важное замечание на этот счет: «честолюбивые замыслы в отношении турецких провинций, планы деления»^{xii} совместно с Францией — у императора, безусловно, отсутствуют <...> Его желание в первую очередь — это сохранение мира, и пока Е. В. будет пребывать в этом настроении, его искренней волей будет предотвратить распад Турецкой империи»¹²⁴. В письме О. Циттельману Бисмарк подчеркивал, что в России в настоящее время основное внимание уделялось решению внутривластных задач и проведению реформ. Он верно подметил, что послевоенной России необходимо было восстановить экономику, прежде чем начинать активные действия в международных отношениях: «здесь не чувствуют себя достаточно крепкими, чтобы ринуться в бой, — писал он, — император лично желает всем сердцем мир. Не во многих вещах так уверены, как в этих»¹²⁵.

Итак, предстоящее свидание в Варшаве не должно было создать у Наполеона III впечатление о создании антифранцузской коалиции, чтобы не побудить его к ответным действиям и эскалации восточного вопроса. В середине сентября Александр II пригласил к себе в Зимний дворец французского посла Монтебелло для объяснения причин проведения встречи в Варшаве и заявил: «намерения, которые я имею <...> будут дружественны в отношении с Францией; я не буду искать в Варшаве коалиции, но мира, и я счастлив, что Принц-Регент в том же настроении»¹²⁶.

Такую позицию можно считать во многом и заслугой Горчакова, который хотел приобщить Францию к намеченным в Варшаве событиям. У него даже была мысль пригласить французского министра иностранных дел графа Э. А. Тувенеля на свидание монархов. Возможно, российский министр планировал выстро-

¹²⁴ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 3. VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 559.

¹²⁵ Bismarck an Otto von Zitelmann. 8. VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 561.

¹²⁶ Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 198.

ить на таком фундаменте здание общеевропейского конгресса, на котором были бы решены все спорные международные вопросы. Зная еще из франкфуртских писем Бисмарка о присущем Горчакову тщеславию, было бы опрометчиво сразу же отклонять это предположение. Тем не мене, до такого судьбоносного для Европы события дело пока не дошло. Тувенель указывал Горчакову на то, что его появление в Варшаве в качестве представителя французской стороны могло походить на некую континентальную коалицию против Англии, поэтому от участия Франции пришлось отказаться.

Однако и без французских представителей состав участников встречи был блестящим. 21 октября в Варшаву прибыл Александр II в сопровождении Горчакова, принцев Георга Мекленбургского и Александра Гессенского, прусского посланника Бисмарка. На следующий день в Варшаву приехал принц-регент Вильгельм с великим герцогом Мекленбург-Шверинским, министром-президентом Карлом-Антоном Гогенцоллерном и военным министром Рооном. 23 октября столицу Царства Польского посетил австрийский император Франц-Иосиф, сопровождаемый министром иностранных дел Рехбергом и генерал-адъютантами. Присутствовали на встрече и российские дипломаты Балабин, Будберг и Киселев.

Варшавскому свиданию было суждено лишь облачиться в видимый блеск и кажущуюся значимость происходящего. Интересные подробности о нем сообщает дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Под 17 января 1887 г. он передает воспоминания свидетеля тех событий П. А. Шувалова (в то время военного агента в Париже): «Александр II наследовал к Францу-Иосифу вражду своего отца и ехал на свидание, скрипя сердце <...> театральную залу облили каким-то вонючим веществом, так что спектакль пришлось отменить. На другой день по приезде австрияка (Франца-Иосифа — В. Д.) было собрание трех правителей с тремя их министрами. В этот день у Александра II так разболелись зубы, что он не в состоянии был внимательно слушать прения. Почти одновременно получено известие о смертельной

болезни императрицы Александры Федоровны. Государь захотел немедленно вернуться»¹²⁷.

Александр II, получив известие 25 октября, на следующий день выехал в Петербург. Быстротечность событий заставила представителей трех сторон переговоров собраться вместе 25 октября для обсуждения политических вопросов.

Итог кратких переговоров не удивил Европу своей неожиданностью. Германские государи выразили свою обеспокоенность революционными настроениями Наполеона III. Их намеки принять на себя определенные обязательства в деле сохранения безопасности на континенте были мягко отклонены российским самодержцем, подчеркнувшим свое желание не создавать против Наполеона угрожающую коалицию, но привести его к консервативным принципам европейского порядка.

Варшавское свидание, таким образом, свелось к действенной демонстрации обеспокоенности политикой Наполеона III тремя великими державами. Суть германских предложений была ясна еще до проведения переговоров. Резкого поворота российской внешней политики на глазах у всей Европы не произошло. Император следовал общему с Горчаковым стратегическому плану, согласно которому Петербург делал предупредительный жест в сторону Парижа, однако отстранился от какого-либо определенного антифранцузского договора, опасаясь перехода Наполеона III к политике активной поддержки европейской революции.

Бисмарк считал, что «конечный итог Варшавы, кажется, — резко изменить укрепление франко-русской дружбы»¹²⁸. По его мнению, накануне свидания в Варшаве, представители «старорусской» или «национальной» партии напомнили императору, как Австрия была неблагодарна по отношению к России в годы Крымской войны, и обратили внимание на то, чем могла обернуться для России поддержка Пруссии и тем более Австрии. В этих условиях «импе-

¹²⁷ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. 1883–1892, М., 2005, т. 2 (1887–1892) — Запись от 17 января 1887 г., стр. 11–12.

¹²⁸ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 30. XI. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 564.

ратор предупредил, что он не стал бы приносить симпатию своих русских в жертву интересам германских государств и не хотел бы из-за преувеличенной тревоги о польских волнениях, наклеивать русские»¹²⁹.

На нейтральную позицию России на встрече в Варшаве повлияли также выработанные французским министром Тувенелем «Основы доверительного соглашения между Францией и Россией»¹³⁰. В четырех пунктах, относившихся к решению Итальянского вопроса, предусматривался частичный отход Франции от событий в Италии, закрепление сложившейся ситуации на Апеннинском полуострове и созыв общеевропейского конгресса. В трех следующих пунктах Париж обязался содействовать Петербургу в восточной политике. В программе говорилось о возвращении Бессарабии, однако об отмене ограничительных статей Парижского мира 1856 г. ничего не говорилось. Тем не менее, Горчаков был доволен получением этих предложений накануне варшавских событий и считал их подтверждением существования тесных взаимоотношений между Францией и Россией. Имея за спиной программу Тувенеля, российская сторона более уверенно проводила в Варшаве свой нейтральный внешнеполитический курс. Причину этого Бисмарк видел в том, что «будучи главой национальной России, он (Александр II — В. Д.) гораздо более вооружен, чем посредством восстановления священного Союза»¹³¹.

Расчет министра иностранных дел Франции оправдался: его «Основы...» повлияли на то, что между тремя восточными монархами не было подписано никакого определенного соглашения. Происходившая после свидания дипломатическая переписка между европейскими кабинетами относительно обсуждения программы Тувенеля зашла в тупик¹³². Нота руководителя французского МИД

¹²⁹ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 30. XI. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 564.

¹³⁰ См.: Чичерин Г. В. Исторический очерк. С. 194–195; Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 201–202.

¹³¹ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 30. XI. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 564.

¹³² Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 206–209.

от 3 декабря ставила на ней точку. В этом документе вся программа «Основ...» изображалась не как руководство к действию, но как простое изложение видения международной ситуации официальным Парижем. Французский план по «срыву» политических итогов встречи трех монархов удался.

Бисмарк считал, что после Варшавского свидания антигерманские настроения в Петербурге стали более заметными. Об этом, по его мнению, свидетельствовал даже тот факт, что без особых причин был уволен воспитатель детей Александра II, немец А. Т. Гримм. И вообще, «во внешней политике эта тенденция пока что выражается в форме симпатии по отношению к Франции, которая всегда была чрезмерно представлена, но теперь, кажется, более чем прежде освобождена от воспротивления императора»¹³³. Бисмарк не мог не заметить, что Горчаков стал уделять французскому дипломату несравнимо больше времени, чем другим аккредитованным в Петербурге дипломатам, что «является свидетельством возросшего отчуждения в отношении дворов, которые ими представлены»¹³⁴.

Все же, варшавское свидание показало, что во внешней политике России наметились изменения, претворение которых в жизнь зависело от будущей международной ситуации.

Угрожавшее европейской дипломатии решение итальянского вопроса стало постепенно откладываться. Ситуация выходила из разряда взрывоопасной, угроза новой общеевропейской войны с участием германских государств спала, и великие державы получили возможность заняться своими внутривнутриполитическими проблемами.

Бисмарк и прусский курс Петербурга

Общеевропейское успокоение нашло свое отражение и в петербургских донесениях Отто фон Бисмарка. Он уделял теперь большое внимание описанию задуманных императором преобразований

¹³³ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 30. XI. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 564.

¹³⁴ Ibid.

в России, но не обходил вниманием развитие системы международных отношений и формирование внешней политики царской России после затихания Итальянского вопроса.

Несмотря на Варшавское свидание, прусский посланник с радостью для себя констатировал, что Александр II все больше склонялся в сторону русско-прусского сближения, понимая, что национальный аспект французской политики угрожал внутреннему спокойствию в России, необходимому для задуманных им преобразований, а общность стоявших перед Россией и Пруссией государственных задач сильнее сближала эти государства. В письме 2 января 1861 г. Бисмарк передавал Шлейницу содержание своей беседы с Александром II. Он подчеркнуто выделил, что на высказанное им убеждение в том, что «в случае угрозы личное согласие и обоюдное расположение наших государей (Вильгельма и Александра — В. Д.) должно было бы стать сильнее, чем иные политические соображения, и с уверенностью следовало бы рассчитывать на тесное сотрудничество против враждебных тронам сил» император ответил: «на это Вы можете положиться, и Ваш король знает, что он может рассчитывать на меня, и без новых заверений с моей стороны»¹³⁵.

Австрия в таких расчетах могла стать дополнительным звеном, усиливающим русско-прусское взаимодействие, и выигранным у Франции и Англии союзником. Прусский посланник полагал, что в Петербурге «на случай необходимости, из более крепко консолидированной Германии хотят создать некую стену против Франции, оставив все же за собой право свободного решения в отношении того, будет ли необходимость и когда она настанет для того, чтобы занять свое место за этой стеной»¹³⁶.

В течение всего последующего пребывания Бисмарка в Петербурге российский самодержец в ходе различных аудиенций и неофициальных встреч выражал ему уверения в своем желании

---

¹³⁵ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 2. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 2.

¹³⁶ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 3. VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 560.

поддерживать самые тесные связи с Пруссией. К этому его подталкивали события, разгоравшиеся в западных землях Российской империи. Происходившие народные беспорядки в Царстве Польском явились следствием национального движения в Италии, чего опасался Александр II. Поддержка Францией прав нации на самоопределение набрасывала на нее тень участия в польских событиях и еще дальше отдаляла от нее Россию. Стремление российского императора к укреплению взаимоотношений с Пруссией стало сильнее, «с того момента, как (он — В. Д.) почувствовал в Польше французское «чёртово копыто». Его Вел^ичество лично преисполнен глубоким недоверием в отношении Наполеона»¹³⁷.

Старался на этом поприще и сам Бисмарк, стремившийся к русско-прусскому сближению для решения Германского вопроса. В период с июля по начало ноября 1861 г. он находился в Германии в связи с подготовкой и участием в коронации Вильгельма. Начало июля 1861 г. Бисмарк встретил в Берлине, тогда министр иностранных дел Пруссии А. фон Шлейниц отдал ему приказ отправиться в Баден-Баден к принцу-регенту. Там он находился с 11 по 16 июля, затем принцу-регенту была подана его знаменитая памятная записка о решении Германского вопроса¹³⁸, которую он полностью закончил в октябре 1861 г. в Рейнфельде.

Бисмарк выделял дисбаланс в соотношении обязательств и прав Пруссии и юридическое лидерство Австрии в Германском Союзе, не подкрепленное уже фактическими реалиями. Согласно его выводам, первостепенно требовалось расширение прусского представительства в Союзном Сейме. Государство с 18-ю миллионами жителей, по его мнению, должно было иметь в германском парламенте больше голосов, чем срединные государства с общей численностью населения в 17, 5 миллионов человек вместе взятых, чего на данный момент не было.

¹³⁷ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 3. VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 559–560.

¹³⁸ Eine Denkschrift Bismarcks über die Lösung der deutschen Frage // Bb. S. 315–320.

Бисмарк видел в прогрессивной реформе Союза возможность убедить германские государства в том, что Пруссия не пойдет по пути их медиатизации^{xxiii}, но вместе с тем показать Германии, что она не считает современное положение дел окончательно установленным и стремится встать на путь реформ. В письме другу Белову-Хоэндорфу 18 сентября 1861 г. он указывал, что «наше (прусское — В. Д.) правительство в Пруссии либерально, за рубежом легитимно; мы защищаем чужие коронные права с большей настойчивостью, чем собственные, до слепоты увлекаемся созданными благодаря Наполеону и функционирующими благодаря Меттерниху мелкогосударственными суверенитетами^{xxiv} в ущерб всем опасностям, угрожающим в будущем независимости Пруссии и Германии»¹³⁹.

В итоге, по мнению Бисмарка, в германском общественном мнении относительно Пруссии должен был сложиться образ борца за права Германии в международных отношениях и лидера единой Германии, проводящего свою политику не ради корыстных интересов, а для защиты всего Союза от возможных угроз со стороны внешних врагов. Требовалось провести не только парламентскую реформу, но и военные преобразования как в самой Пруссии, так и в Германии в целом.

Об этом зашла речь в беседе Александра II с вернувшимся в начале ноября 1861 г. из Германии в Петербург Бисмарком. Проверя настроения императора на возможные изменения в его взглядах, Бисмарк выразил надежду на то, что «в случае нападения с Запада можно будет рассчитывать на нашего старого союзника, а именно, Россию, поскольку царь, руководствуясь собственными интересами России, будет бороться с опасностью увеличения могущества Франции, исходящего из победной войны против Германии». Ответ Александра II обрадовал Бисмарка: «“Вне всякого сомнения” сказал на это император при многократном жесте утверждения»¹⁴⁰.

Прусский посланник передавал новому министру иностранных дел Пруссии графу Альбрехту фон Бернstorфу, что официальный

¹³⁹ Bismarck Alexander von Below-Hohendorf. 18. IX. 1861 // Bb. S. 314.

¹⁴⁰ Bismarck an Minister von Bernstorff. 13. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 134.

Петербург был обеспокоен сохранением династического строя в средних германских государствах в случае успеха задумываемых союзных реформ. Однако Бисмарк писал о предположениях российского самодержца о том, что Пруссии едва ли удастся добиться от германских князей согласия на увеличение своего могущества конституционным путем, но сама идея этого «будет сопровождаться наилучшими пожеланиями»¹⁴¹ императора.

Несколько позже, в донесении конца ноября 1861 г. Бисмарк цитировал слова карандашной заметки, сделанной Александром II на полях донесения Будберга из Берлина. Напротив новостей о спорах в германском союзе император написал: «Vive l'unité allemande!» О том, кого поддержит Россия в германском споре, говорил и Горчаков на встрече с Бисмарком 23 ноября 1861 г. Для представления общей картины сказанного министром следует привести цитату из донесения Бисмарка: «Мы желаем германского единства и могущества. Мы рассматриваем это как основное положение нашей собственной политики. Наш лучший друг в Германии — это Пруссия, и мы хотели бы, чтобы Германия консолидировалась под прусским руководством <...> в области оборонительной мощи и благосостояния Германии, идущих рука об руку с нашей политикой, невозможно достичь каких бы то ни было практических результатов как только по пути прусского предводительства»¹⁴².

Горчаков сообщал, что в подобном смысле был проинформирован австрийский посланник Тун. Петербург, таким образом, стремился прекратить соперничество между Австрией и Пруссией, признав как в Ольмюце единоличную победу одного лидера. Только в отличие от ольмюцских договоренностей победившей стороной признавалась Пруссия. Бисмарка считал, что «император не отклоняет консолидации германских отношений, поскольку он видит в них ручательство за мир»¹⁴³.

Учитывая франкофильские взгляды Горчакова, можно предположить, что он лишь выражал мнение российского императора, не

¹⁴¹ Bismarck an Minister von Bernstorff. 13. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 135.

¹⁴² Bismarck an Minister von Bernstorff. 23. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 141.

¹⁴³ Ibid. S. 142.

являвшиеся его собственными. Бисмарк старательно не обращает на это внимание, приводя местоимение «мы», оценивающее, таким образом, идентичность взглядов императора и его министра. В любом случае, еще одно подобное заявление теснее натягивало нити русско-прусского сотрудничества и шло на пользу петербургской миссии Бисмарка.

Заверения официального Петербурга в тесной дружбе с Пруссией, вне сомнения, удовлетворяли Бисмарка, однако он решил незаметно достигнуть еще больших успехов. Тонкий ум прусского политика прекрасно осознавал, что охранитель легитимных правительств и тронов, Петербург, будет поддерживать рост могущества Пруссии в Германии до тех пор, пока не встанет вопрос об упразднении государственной независимости германских княжеств. Теперь необходимо было убедить императора в том, что политика медиатизации была единственным способом сплотить ведомый прусским локомотивом к цели единой Германии состав срединных государств. Задача была непростой, учитывая заведомо отрицательное отношение российского императора к подобной перспективе, подтвердившееся на примере лишения независимости итальянских государств. Кроме того, сам Бисмарк ранее убеждал Петербург в том, что прусский король не пойдет по этому пути.

Расчетливый политик выбрал единственно верное в этой ситуации решение подготовить Петербург к подобному развитию событий методом убеждения. В беседах с российским императором и его министром он все чаще стал апеллировать к тому, что в условиях военного нападения со стороны Франции успех германской обороны зависел бы, в первую очередь, от боеспособности Пруссии, а не общегерманских вооруженных сил: как только французская армия стала бы теснить ряды союзных войск, срединные германские государства как один перешли бы на сторону Наполеона, оставив Пруссию в одиночестве. Таким образом, Бисмарк пытался сформировать у Александра II и Горчакова представление о государственном «одиночестве» Пруссии: «наша вера основывается только на нас самих и на силе нашего собственного и германского национального

чувства»¹⁴⁴. Германское единство, о котором говорил Петербург, нарушалось, таким образом, самим фактом существования Германского Союза. Бисмарк часто любил повторять, что ночная рубашка своих государств будет ближе германским князьям, чем костюм общегерманского Союза. Логический выход заключался в стремлении кардинально реформировать сложившиеся отношения в Германии. В одном из своих писем А. фон Белову Бисмарк выразил это более подробно: «перед нами двойная задача: свидетельствовать о том, что существование союзной конституции не является нашим идеалом и что мы открыто стремимся к необходимому изменению законным путем, но не хотим через его нарушение всеми необходимыми способами прийти к безопасности и процветанию»¹⁴⁵. Прусский политик стремился убедить в этом официальный Петербург, но времени на эту тонкую работу оставалось все меньше, поскольку с начала 1862 г. Бисмарка ждала новая должность.

Еще с февраля в письмах Бернсторфа звучала мысль о возможном переводе Бисмарка с петербургского поста, но только в начале апреля он узнал, что его перевод будет осуществлен либо в Париж, либо в Лондон. Парламентский кризис, в который входила Пруссия, заставил короля Вильгельма отозвать Бисмарка из Петербурга в Берлин для дальнейших распоряжений.

Прощальная аудиенция Бисмарка у императора Александра II была одновременно по-дружески трогательной и насыщенной политическими темами и заверениями. Главное, что Бисмарк вынес из беседы, заключалось в словах российского императора относительно русско-пруских отношений, которые имеет смысл привести полностью: «в конце император в весьма взволнованных выражениях уполномочил меня после возвращения в Берлин устно уверить Ваше Величество в том, что он решил при любых обстоятельствах крепко держаться тесной дружбы с Вашим Величеством. К этому его подталкивают не только кровные узы и унаследованные симпатии его сердца, но самый тесный союз с Пруссией признается

¹⁴⁴ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 1. III. 1862 // DpB. Bd. II. S. 175.

¹⁴⁵ Bismarck an Alexander von Below-Hohendorf. 18. IX. 1861 // Bb. S. 314.

единственно соответствующим интересам России»¹⁴⁶. Александр II добавил, что ни у России, ни у Пруссии нет никаких оснований стремиться к осуществлению своих интересов за счет друг друга. Наоборот, и Россия, и Пруссия заинтересованы в том, чтобы оказывать самую действенную взаимопомощь в условиях развития угрожающих безопасности Европы революционных событий.

* * *

Проанализированные в данной главе донесения Бисмарка содержат новую и интересную информацию для исследования внешней политики России рубежа 50-х — 60-х гг. XIX в. Их изучение дополняет достигнутые в монографиях Нольде и Чепелкина результаты. Как было отмечено во вступлении к главе, основной задачей этих авторов было изображение внешней политики России в системе международных отношений данного периода. В своих работах они также использовали материалы прусского посланника, однако делали основной акцент на содержащуюся в них информацию о европейских событиях. В данной главе была предпринята попытка рассмотреть донесения Бисмарка как источник, в котором представлена его оценка внешней политики России, что в широком смысле соответствует научной проблеме формирования образа России в восприятии «другого». Благодаря такой постановке темы было обнаружено, что корреспонденция Бисмарка в подобном аспекте не рассматривались ни отечественными, ни зарубежными историками. Впервые были проанализированы официальные беседы Бисмарка с Александром II и Горчаковым. Это позволяет дополнить существующие в исторической науке представления о внешней политике российского самодержца и министра, помогает глубже понять внутренние механизмы переориентации внешней политики России на рубеже 50-х — 60-х гг. XIX в. Кроме того, впервые были использованы материалы личного происхождения Бисмарка как источник для изучения его восприятия международного положения России.

---

¹⁴⁶ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 8. IV. 1862 // DpB. Bd. II. S. 187.

Подробный анализ собранных материалов позволил прийти к ряду выводов. Бисмарк отмечал, что основной целью внешней политики России был выход из международной изоляции. По его наблюдениям, Россия нуждалась в мирном решении назревающих в международных отношениях проблем, поскольку от этого во многом зависел успех задуманных Александром II преобразований в самой империи. Такая политика доказывалась и на практике. В петербургской корреспонденции Бисмарка подробно показано стремление российского самодержца и Горчакова решить итальянскую проблему на мирной конференции, сообщается об их тревоге по поводу возможной общеевропейской войны и беспокойстве по случаю усиливающейся опасности распространения революции на континенте.

Бисмарк высоко оценивал роль российского императора и министра иностранных дел в формировании внешней политики России и укреплении ее международного положения. Прусский посланник отмечал самостоятельный характер политики Александра II. Это корректирует выводы отечественных и западных исследователей о слабой позиции императора в международных вопросах¹⁴⁷ и его следовании за курсом Горчакова¹⁴⁸.

Бисмарк отмечал, что главной целью внешней политики России и Александр II, и Горчаков считали отмену ограничительных статей Парижского мира. Однако, несмотря на наличие общей цели, планы по ее достижению у императора и министра были разные. Если российский самодержец выступал за тесное укрепление отношений с Пруссией, то Горчаков считал, что для России первостепенным является союз с Францией.

Прусский дипломат прибыл в российскую столицу во время, когда между Францией и Россией только что состоялось заключение тайного соглашения. Горчаков добился своей внешнеполитической цели, к которой он стремился в течение трех послевоенных

---

¹⁴⁷ *Ревуненков. В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия; *Тарле Е. В.* Крымская война.

¹⁴⁸ *Ebel Walter.* Bismarck und Russland; *Heinze Gerhard.* Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung; *Eyck Erich* Bismarck.

лет. Россия выходила из международной изоляции и вместе с могущественным союзником, каким являлась Франция, могла вновь претендовать на свое место в международных отношениях. В то время слабая Пруссия, раздираемая внутренними противоречиями и неопределенностью в выборе направления своего внешнеполитического курса, не могла претендовать на роль альтернативного Франции союзника для России, да и консервативная политика, которая традиционно приписывалась Берлину, не соответствовала внешнеполитическому портрету обновляемой России, над которым трудился Горчаков.

Бисмарку, казалось, нечего было делать в таких обстоятельствах, и его ожидало лишь спокойное времяпрепровождение, лишенное политических интриг, которыми был пропитан Союзный сейм.

Относительно спокойная по сравнению с франкфуртским периодом петербургская миссия, омраченная лишь болезнью, с которой Бисмарк сражался не на жизнь, а на смерть, сыграла важную роль в становлении его политического и дипломатического опыта. В Петербурге он окончательно пришел к пониманию необходимости реформирования Германского Союза и объединения Германии под эгидой Пруссии. Осуществление такого революционного шага было возможно лишь в условиях благоприятного международного положения. Находясь в Петербурге, Бисмарк принял решение всеми доступными ему способами способствовать формированию благоприятного отношения России к Пруссии и прусской политике.

Помогали ему в этом, конечно, международные обстоятельства. Итальянская война и национальная политика Наполеона III постепенно стали ухудшать недавно выстроенные теплые отношения между Россией и Францией. Отсутствие французской помощи в вопросе о пересмотре ограничительных статей Парижского мира и вероятность национального движения в Царстве Польском заставляли Петербург пересмотреть свои внешнеполитические ориентиры. Своевременно почувствовав эти перемены, Бисмарк практически в каждом петербургском письме настоятельно советовал Берлину отклонять участие в любых международных акциях, которые могли

ухудшить отношения с Россией, чтобы в перспективе укрепить русско-прусские взаимоотношения.

Сочетание усилий прусского посланника, невраждебного поведения Пруссии по отношению к России (в чем была немалая заслуга Бисмарка) и увлечение Наполеона III национальным движением в Европе привело к приоритету германского направления во внешней политике Петербурга. Учитывая германские симпатии в душе императора Александра II и существенное влияние на них франкофильских взглядов министра Горчакова, Бисмарк прекрасно представлял всю трудность своего предприятия. В связи с этим, заверения российского императора и его министра в искренности тесных отношений между Россией и Пруссией можно считать определенным успехом дипломатической деятельности прусского посланника в Петербурге. Однако утверждение точки зрения императора, по мнению Бисмарка, не заставило Горчакова поменять свои взгляды, хотя она и была им поддержана. Это дало Бисмарку возможность высоко оценить твердость во взглядах императора и тонкую манеру ведения политики у его министра.

Бисмарк убедился, что в германском противостоянии между Австрией и Пруссией Петербург отмежевался от политики Николая I, приведшей к Ольмюцскому соглашению, и стал на сторону прусских интересов. Александр II и Горчаков неоднократно уверяли прусского посланника в том, что Россия будет поддерживать процесс консолидации Германии непосредственно под руководством Пруссии, даже если этот процесс пойдет вооруженным путем.

ГЛАВА III

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ В ОЦЕНКЕ БИСМАРКА

Наравне с итальянским вопросом внимание Бисмарка в Петербурге притягивал не менее острый для международных отношений того времени польский вопрос. В этом драматическом по своей сути славянском противостоянии были замешаны не только русско-польские интересы. Являясь инструментом во внешнеполитических концепциях одних государств и сложной внутривнутриполитической проблемой для других держав, польский вопрос продолжал оставаться важной общеевропейской проблемой, несмотря на то, что после трех разделов Речи Посполитой XVIII в. и Венского конгресса 1814–1815 гг. этого государства уже не было на политической карте Европы^{xxv}.

Изучение восприятия Бисмарком российской политики управления окраинными землями, ярче всего показанной на примере решения польского вопроса, предполагает исследование ряда проблем. Необходимо выяснить собственное понимание Бисмарком польской проблемы, ту позицию, с которой он интерпретировал российскую политику в этом вопросе. Важной представляется оценка Бисмарком деятельности царской администрации во время польских беспорядков в 1861–1862 гг. Донесения Бисмарка содержат интересные сведения о позиции Александра II и Горчакова в этом вопросе, их оценке влияния польских событий на внутреннюю политику России.

Возникновение польских беспорядков в начале 1860-х гг. явилось следствием сразу несколько факторов. Смерть императора Николая I в 1855 г. и последовавшая почти через год смерть

бессменного наместника Царства Польского фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича знаменовали собой окончание периода жесткого управления Польшей.

Внимание к внутривосточным преобразованиям российского императора Александра II после окончания Крымской войны, назначение на пост наместника Царства Польского генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, «человека старого, нервного, слабого и физически, и нравственно»¹ — все это привело к ослаблению царской администрации в Польше и оживлению политической деятельности поляков.

Этому способствовали и международные события. Широкое национальное движение в Италии, его яркие представители в лице Мадзини и Гарибальди, вдохновляли поляков на мечты о восстановлении независимости Польши. Особые надежды польское освободительное движение традиционно возлагало на Запад, а именно на французского императора Наполеона III, провозгласившего принцип национальностей. Позиция России, Пруссии и Австрии в этом вопросе исходила из принципа признания своих прав на польские земли, а Англия и Франция играли роль противовеса и своей поддержкой польского движения способствовали эскалации конфликта в Европе.

Начало народного возмущения в Польше следует отнести к лету 1860 г.^{xxvi} Письма Бисмарка за вторую половину 1860 г. не содержали сообщений о беспорядках в Польше, основной комплекс донесений по польскому вопросу относится к 1861 и 1862 годам.

В начале января 1861 г. Бисмарк сообщал в Берлин о состоявшейся встрече Горчакова с представителями иностранных держав, на которой обсуждались начавшиеся народные беспорядки в Царстве Польском. Тогда министр заверил, что он «ни при каких условиях не опасается пропольски настроенного движения внутри русских границ»², поскольку польское волнение распространяется лишь в польских областях. Он подчеркнул, что единственным следствием польских выступлений станет то, что «до этого пусты-

¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 48.

² Bismarck an Minister von Schleinitz. 9. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 3.

ющие крепостные тюрьмы в Варшаве и не только в Варшаве вновь будут наполнены, и правительство, вопреки желанию императора, вернется к прежней строгости по отношению к полякам»³. Он был уверен в надежности и верности вооруженных сил, находившихся в крае, и поддержке царской администрации высшим слоем польского общества, подчеркивая, что «польская знать, как никто другой, знает, что в таком случае царскому правительству будет гораздо труднее защитить эту знать от крестьян, нежели себя и от крестьян, и от знати»⁴.

Поднимался и международный аспект польской проблемы. Российская сторона искала в разгоравшихся событиях французский след, который был тем заметнее, чем сильнее Наполеон III выступал за поддержку прав нации на самоопределение. Еще летом 1860 г. Бисмарк писал О. Цительману, что «после того как Наполеон дал о себе знать в Польше, здесь все наполнилось большим недоверием»⁵.

В беседе с дипломатами Горчаков передавал настроение императора, преисполненного «сильными жалобами на французские интриги». Сам же министр был уверен, что «Франция ни при каких обстоятельствах не прибегнет к тому, чтобы зажечь всеобщий революционный воспламенитель на востоке Европы, и что с любым движением, лишенным французской помощи, справятся»⁶.

Международный аспект Польской проблемы постепенно раскалывал Европу на два лагеря. В указанном письме Бисмарк сообщал, что Вена готовит для Петербурга и Берлина донесения по деятельности революционных партий Италии, Венгрии, Польши, причем «во всех донесениях на передний план выдвигается польский элемент для того, чтобы чисто австрийскую проблему представить как общую задачу трех держав».⁷ Таким образом, у Венского кабинета

---

³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 9. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 3.

⁴ Ibid.

⁵ Bismarck an Otto von Zitelmann. 8. VIII. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 561.

⁶ Bismarck an Minister von Schleinitz. 9. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 4.

⁷ Ibid.

была возможность использовать не только восточную политику, но и польский вопрос для налаживания отношений с Россией. Однако Бисмарк скептически относился к проводимым Австрией акциям. Он считал, что Вена не отказывалась от политики, нацеленной на утверждение своего превосходства в Центральной Европе и на Балканах: «известно, что в Австрии довольно охотно смотрят на то, чтобы в Польше или Шлезвиге^{xxvii} мы (пруссаки — В. Д.) или Россия были втянуты в бой»⁸. Расчет был тонким. Официальная Вена стремилась к тому, чтобы национальное движение в Царстве Польском ослабило Россию, а вопрос о Шлезвиге оторвал Пруссию от решения германского вопроса. И для упрочения своего положения в системе международных отношений Вена охотно могла пойти на эскалацию конфликтов в указанных регионах. В донесении в Берлин 1 марта 1861 г. Бисмарк сообщал, что в высших ведомственных кругах России, если Австрию и не обвиняют в «подстрекательстве варшавских происшествий», то, по крайней мере, считают, что беспорядки в Польше идут на руку Вене⁹. Он писал, что «предложенное учреждение Центральной Комиссии для расследования польских козней Горчаков считает частью плана, которым занимается Австрия, целью которого является придать польскому вопросу больший вес и добиться солидарности трех восточных держав»¹⁰.

Абстрагируясь от возможной двойной политики Австрии, император продолжал делать свой расчет на русско-прусское сотрудничество в урегулировании событий в крае. На состоявшейся в конце января 1861 г. аудиенции Бисмарка у императора был вскользь затронут вопрос об опасности венгерской революции для Польши. При этом император «повторил свою решительность к энергичному вмешательству против любого незаконного порыва и высказал надежду, что в пределах наших (пруссских — В. Д.) территориальных границ с этим порывом поступят так же сурово»¹¹. Бисмарк советовал Шлейницу стать в Польском вопросе на ту же непримиримую

⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 9. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 4.

⁹ Bismarck an Schleinitz. 1. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 26.

¹⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 30. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 21.

¹¹ Bismarck an den Prinz-Regent Wilhelm. 27. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 11.

позицию, что и Александр II. Несколькими днями позже он писал: любые уступки полякам могут вызвать «симптом опасения, как будто мы (пруссак — В. Д.) боимся чего-то серьезного от наших поляков и не в состоянии их подавить, как только нам этого захочется. Любая видимость слабости увеличивает предприимчивость противников»¹².

13 февраля 1831 года в Варшаве началась манифестация в память Гроховского сражения^{xxviii}. Она была разогнана по приказу обер-полицмейстера Варшавы, полковника Ф. Ф. Трепова. Тем не менее, беспорядки продолжались, и 15 февраля в Краковском предместье демонстрантам преградили дорогу правительственные войска. После того, как в войска полетели камни, генерал-лейтенант В. И. Заболоцкий дал приказ открыть по демонстрантам огонь. Демонстрацию удалось разогнать.

Эти события оказали большое влияние на членов земледельческого общества^{xxix}. Председатель общества, граф А. Замойский, созвал представителей всех сословий для составления на имя императора Александра II адреса. В нем в почтительной форме содержалось требование возвращения Польше национальных институтов, как необходимое условие для существования такого самобытного народа как поляки. 16 февраля депутация из трех человек во главе с архиепископом Варшавы Фиалковским передала это прошение наместнику М. Д. Горчакову, для представления императору Александру II.

Понимая взрывоопасность ситуации, М. Д. Горчаков согласился на то, чтобы передать этот адрес императору и пойти на некоторые уступки полякам^{xxx}. Примирительная политика наместника Горчакова не устраивала ни императора, ни прусского принца-регента. Так, Александр II телеграфировал наместнику в Варшаве 16 (28) февраля «Теперь не время на уступки, и я их не допущу»¹³. Несколькими днями раньше в письме Горчакову Бисмарк писал: «Его королевское величество <...> телеграфно приказал представить

¹² Bismarck an Schleinitz. 30. I. 1861 // ДрВ. Bd. II. S. 21.

¹³ Русская старина. Т. 36. СПб., 1882. С. 555 — цит. по: Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 83.

Его Величеству (Александру II — В. Д.) и Вам, князь, что при нынешних обстоятельствах **всякая либеральная уступка** представляется **крайне** опасною»¹⁴.

Как справедливо пишет С. С. Татищев, приводя обмен телеграммами между Александром II и М. Д. Горчаковым за этот период, «наместник не мог не заключить, что действия его не вполне отвечают намерениям императора»¹⁵, но Александр II «берег заслуженного старика и ограничивался негласными ему внушениями — действовать с твердостью для поддержания порядка и авторитета законной власти»¹⁶. Хотя слухи об отставке М. Д. Горчакова ходили. Так, в одном из своих донесений, Бисмарк называет князя А. А. Суворова, графа Ф. Ф. Берга и Н. Н. Муравьева-Амурского, как возможных кандидатов на пост царского наместника в Польше¹⁷.

После некоторых колебаний император в ответе на адрес варшавских жителей выразил желание «распространить и на них благотворные действия улучшений, истинно полезных, существенных и постепенных»¹⁸. В резкой форме Александр II выразился о возможных в будущем беспорядках в Польше: «Я не допущу никакого вредного направления, могущего затруднить или замедлить постепенное, правильное развитие и преуспевание благосостояния сего края, которое будет везде и постоянно целью Моих желаний и попечений»¹⁹.

В более резкой форме высказался министр иностранных дел А. М. Горчаков. Он уполномочил Бисмарка сообщить в Берлин, что «против любой дальнейшей непокорности будут приняты меры самым беспощадным образом»²⁰, и что распространенное

¹⁴ Бисмарк — Горчакову. 23. II. 1861 // Красный архив. Т. 6 (61). М., 1933. С. 9.

¹⁵ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1996. С. 471.

¹⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 77.

¹⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. 2. S. 32.

¹⁸ Высочайший рескрипт на имя наместника князя М. Д. Горчакова о 25 февраля (9 марта) 1861 г. — см. в издании Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 78.

¹⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 78.

²⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 1. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 27.

в русских либеральных кругах мнение, «будто император желает сделать некоторые уступки в польском деле, всецело взято с потолка»²¹.

Сложно дать однозначную оценку настроениям в царских войсках в Варшаве: многие солдаты и офицеры во время февральских манифестаций 1861 г. выражали свое сочувствие демонстрантам. Так, полковники Корф и Бентковский покончили жизнь самоубийством, другие офицеры ломали свои шпаги и громко заявляли, что считают позором убивать беззащитных.²² В это же время Бисмарк сообщал в Берлин, что «совсем нежелательное впечатление произведет на здешние военные круги и, чего опасаются, на настроение войск, если подтвердится, что офицер, отдавший приказ стрелять, будет отдан под суд»²³.

В этих условиях император выбрал примирительную политику, поскольку ясно осознавал, что осложнение польских дел может пагубного отразиться на ходе крестьянской реформы. 14 (26) марта 1861 г. был издан Высочайший Указ Александра II о реформах в управлении Царством Польским. Он был объявлен в воззвании наместника М. Д. Горчакова к населению 21 марта (2 апреля) 1861 г. Согласно императорскому указу, в Царстве Польском создавался Государственный Совет, Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения, городские, уездные и губернские советы. Это были существенные уступки, которые обозначили новый курс царской администрации в Польше, противоположный тому, который русское правительство проводило с 1831 г. Бисмарк рассматривал содержание проводимых реформ довольно критически: «слишком много для спокойствия и слишком мало для удовлетворения страны, т.е. агитаторов»²⁴.

Оценивая позицию Александра II в эти дни, Бисмарк писал: «у императора неправильное представление о том, что людей вообще

²¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 1. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 27.

²² Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 85.

²³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 1. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 27.

²⁴ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 1. IV. 1861 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 568.

можно склонить, он не осознает цели поляков и предоставляет им лишь оружие против России и соседних государств <...> То, что среди советников императора нет никого, кто это понимает, едва ли допустимо <...> Мне едва ли думается, что императору совершенно ясно настоящее направление тех дорог, по которым его ведут; это, по-видимому, известно его путеводителям»²⁵.

Принцу-регенту Вильгельму Бисмарк писал 4 апреля 1861 г.: «Его Величество Император надеется, что новое устройство создаст, если и не удовлетворение всех партий, то хотя бы терпимый *modus vivendi* у большинства поляков»²⁶. Однако беспорядки не прекратились, поскольку «поляки рассматривали сделанные им уступки как средство получить новые». Как стало ему известно из «ведомственных и вневедомственных кругов», полякам, возможно, и удастся получить бóльшие уступки, «если они и дальше будут шествовать по уже выбранному пути, но с достаточной осмотрительностью и дисциплиной»²⁷.

Такая позиция, по мнению Бисмарка, была тревожной для Петербурга. Он отмечал, что «здесь, кажется, боятся, что польское население возьмет за образец поведение итальянцев по отношению к австрийскому господству», а это может привести к тому, что поляки «пуще прежнего окажут русскому элементу пассивное сопротивление, пронизывающее все сферы жизни»²⁸. Это высказывание довольно справедливо, учитывая ощутимую колонизацию западных областей империи. В своих воспоминаниях Милютин отмечал: «поляки умели ловко пробираться во все части администрации; занимали влиятельные должности <...> Они вторгались и во внутреннюю жизнь русской семьи <...> Не говоря уже о том, что в западных губерниях России землевладение находилось почти исключительно в руках польских помещиков»²⁹.

²⁵ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 1. IV. 1861 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 568.

²⁶ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 04. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 52.

²⁷ Ibid.

²⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 30.

²⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 52.

12 марта 1861 г. Бисмарк отправил в Берлин пространное донесение³⁰, главной темой которого явился польский вопрос. Он сообщал, что в Петербурге «боятся, как бы не была предпринята попытка использовать **социальный** вопрос крепостных отношений для агитации» не только в самом Царстве, но и за его пределами. В процессе проведения крестьянской реформы такая агитация могла вызвать взрывоопасную ситуацию в «забранном крае», как поляки называли западные губернии Российской империи. Слово оставалось за крестьянством. Ситуация, по его мнению, была пока под контролем царской администрации. Несмотря на то, что «весь край был вполне ополячен, даже там, где масса сельского населения была русская и православная»³¹, польская агитация «в этой **национальной** области находила незначительный отклик, поскольку русское и литовское крестьянство в своей родной земле смотрит на польских помещиков не как на земляков, но как на врагов».

В этом же донесении Бисмарк сообщал о переживаниях Александра II по поводу выбора пути решения конфликта. С одной стороны, император осуждал применение физической силы, особенно по отношению к духовенству, и осквернение церковной утвари во время разгона демонстрантов. Но с другой — его «монаршее и военное чувства <...> порицали уступчивость наместника». Бисмарк понимал ответственность, лежавшую на императоре, но вместе с тем опасался распространения польского национального движения на прусские области из-за нерешительных действий Петербурга. В разговорах с Александром II и Горчаковым Бисмарк «самым решительным образом отстаивал то, что любая слабость или уступчивость по отношению к провокациям <...> не только опасны для престижа правительства (России — В. Д.) во внутренней политике государства, но воодушевляет также польскую эмиграцию».

Интересен тот факт, что у Бисмарка и Горчакова в это время несколько испортились отношения, о чем вскользь упоминает Бисмарк. Причину этого можно найти именно в различии взглядов министра и посланника на решение польского вопроса.

³⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 30–34.

³¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 52.

Проводивший профранцузски ориентированную политику Горчаков был заинтересован в осуществлении ряда реформ в Польше. Такой шаг был бы по душе Парижу, а, следовательно, укреплял политику министра Горчакова. В этих условиях влияние консервативных взглядов Бисмарка на принятие императором решения по польскому вопросу было нежелательно. «Я противодействую аристократически-революционному поведению высших политических кругов как могу, — писал Бисмарк своему другу Р. фон Ауэрсвальду, — а вместе со мной — принадлежащие к этим кругам государственные деятели немецкого происхождения»³². Российский министр однажды даже отсоветовал прусскому посланнику настаивать на аудиенции у Александра II, и ему пришлось «передать императору письменное сообщение в свете полученной мною инструкции (из Берлина — В. Д.) конфиденциальным путем»³³³⁴. Бисмарк был возмущен тем, что Горчаков скрыл от него содержание Указа 14 (26) марта 1861 г., и Шлейниц узнал об этом из немецких газет и парижских донесений. Тем не менее, он продолжал вести себя с Горчаковым исключительно корректно. В состоявшейся в начале апреля беседе с министром Бисмарк перевел разговор в деловое русло, поскольку «мне не сулило никакой пользы утяжелять то смущение, в которое я поставил Горчакова своим упреком»³⁵. Этим поступком он дал своеобразный урок российскому министру.

Подробности, с которыми в Петербурге излагались польские события, удивляли Бисмарка. Он не мог понять, почему о крестьянских волнениях в Ямбурге и в Екатеринославской губернии, когда «более 140 крестьян осталось лежать на земле после неоднократных залпов картечью»³⁶, в обществе ничего не было сказано, в то время как несколько погибших и несколько раненых поляков вызвали в Петербурге большой резонанс.

³² Bismarck an Rudolf von Auerswald. 1. IV. 1861 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 568.

³³ Можно предположить, что Бисмарк имел в виду императрицу-мать Александру Федоровну.

³⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. 2. S. 32.

³⁵ Bismarck an Minister von Schleinitz. 11. IV. 1861 // PB. Bd. II. S. 64.

³⁶ Ibid.

В своих донесениях Бисмарк не раз затрагивал вопрос о перспективе восстановления независимой Польши, которая в таком случае должна была состоять из большей части бывшего королевства, Западной Галиции и Познани. Включение последней области в состав Польши нарушало целостность Пруссии и, естественно, ни под каким предлогом не могло даже рассматриваться прусскими политиками. Польские области составляли значительную часть государственной территории Пруссии, и на ней проживало полтора миллиона человек. Не следует забывать о промышленном развитии этих территорий и их сельском хозяйстве. Даже прусские либералы, считая поляков отважной, разделенной нацией, поднявшей мятеж против своих угнетателей, все же не поддерживали восстановление их бывшего государства³⁷.

Бисмарк более чем критически воспринимал ходившее в Петербурге в кругах, как он говорил, старорусского либерального дворянства мнение о том, что «обладание Варшавой является тяжелым бременем для России»³⁸. Вместо Царства Польского представители этой партии «жаждут компенсацию во владении русинскими православными восточными землями Галиции, на Востоке»³⁹. Бисмарк полагал, что при проведении такого политического курса представители этой «партии» руководствовались далеко не стратегическими или государственными интересами России. Он связывал такую политику старорусского либерального дворянства скорее с происходившими в России социальными изменениями, связанными с крестьянской реформой, и подчеркивал: «они предвидят, что император позволит им в России также много, как и полякам; они надеются отыграть политические права, которые они потеряли в социальной сфере вследствие отмены крепостного права»⁴⁰.

В донесении 12 марта прусский посланник также отмечал, что «эти идеи не представлены политическими фантастами, но влиятельнейшими людьми в зрелых годах, чье мнение, вследствие их

---

³⁷ Schmidt Reiner F. Bismarck. S. 132.

³⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. 2. S. 33.

³⁹ Bismarck an Rudolf von Auerswald. 1. IV. 1861 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 568.

⁴⁰ Ibid.

ведомственного положения, оказывает влияния на правительственные постановления». К сожалению, Бисмарк не называл имен, что свойственно его донесениям. Однако можно сделать вывод, что об этих чиновниках Бисмарк знал не понаслышке, поскольку они входили в петербургский круг общения Бисмарка: «мне не удалось убедить их в абсурде этих идей», заключил однажды посланник.

Бисмарк в своих донесениях в Берлин писал об опасности восстановленной Польши не только для государственного существования Пруссии, но и для укрепления русско-пруссских отношений. С образованием на востоке Европы нового славянского государства, поляки «станут самыми рьяными и хищническими союзниками любого врага России и Пруссии, невыносимыми соседями, и их честолюбие непрерывно будет направлено на отвоевание старопольских границ». Таким образом, заключал Бисмарк, речь идет лишь о том, чтобы выбрать, кем быть «молотом или наковальней». Принимая во внимание такого опасного соседа, он считал, что «размежевание между Россией и Пруссией просто невыносимо»⁴¹, то есть Петербург и Берлин должны выступать в решении польского вопроса заодно. Это короткое, но глубокое по содержанию, высказывание можно считать политической программой будущего канцлера Германии в польском вопросе. Пожалуй, самое острое высказывание Бисмарка о поляках и Польше можно найти в его письме сестре от 14 (26) марта 1861 года. В нем Бисмарк писал, что поляки «отчаялись в самой жизни; я полностью сочувствую их положению, но если мы желаем сохранить самих себя, нам ничего не остается делать, как уничтожить их». Он приводил интересное сравнение в свойственной его посланиям манере: «Волк не виноват в том, что его создал таким Господь, однако этого самого волка убивают, как только представляется возможность»⁴².

После публикации Высочайшего Указа 14 (26) марта о реформах в управлении Царством Польским в воззвании наместника М. Д. Горчакова 2 апреля началась подготовка к введению новых учреждений. Все назначаемые лица были польского происхождения. Так, напри-

⁴¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. 2. S. 33.

⁴² Bismarck an Malwine. 26. III. 1861 // Bb. S. 302.

мер, главным директором Правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения был назначен граф Александр Велепольский маркиз Гонзаго-Мышковский. Милютин характеризовал его, как «одного из крупных представителей польской аристократии, человека твердого характера и самостоятельного направления»⁴³. Политическая линия графа Велепольского была нацелена на восставление в Польше национальных институтов, введение дарованной Александром I в 1815 г. конституции. В 1846 г. Велепольский обнаружил в Брюсселе памфлет под заглавием «Открытое письмо польского дворянина к князю Меттерниху». Ключевой мыслью этого памфлета было примирение Польши и России во имя общеславянской идеи. Это обстоятельство, а также личные качества Велепольского оттолкнуло от него руководителей польской эмиграции, и рассорило, в особенности, с Андреем Замо́йским, противником любого компромисса в отношениях поляков к русскому правительству.

Энергичный Велепольский с первых же дней приступил к активным действиям. Он распорядился, чтобы с амвонов всех костелов было объявлено о твердом желании правительства осуществить процесс перевода барщины на оброк.

Видя в графе А. Замо́йском непримиримого противника, Велепольский требовал роспуска Земледельческого общества. Вскоре он был назначен руководителем Правительственной комиссии юстиции. По его совету М. Д. Горчаков 25 марта распорядился закрыть Земледельческое общество, которое, согласно указу наместника, «приняло характер резко политический, несовместимый с целью его существования»⁴⁴. Нетрудно догадаться, что это решение вызвало всплеск политических демонстраций 26, 27 марта, приведших к столкновению с правительственными войсками^{xxx1}. В анонимных письмах Велепольскому угрожали смертью⁴⁵.

Безрезультатность примирительной политики нашла отражение в донесениях Бисмарка. Он настолько внимательно следил за каждым шагом царской администрации в Польше, что при

⁴³ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 81.

⁴⁴ Там же. С. 82.

⁴⁵ Там же. С. 86.

прочтении его петербургской корреспонденции складывается впечатление, будто он был заинтересован в успешном разрешении польского вопроса не меньше, а, может быть, даже гораздо больше русских. Порой в его донесениях слышится крик возмущения и недовольства: «в этих обстоятельствах напрашивается вопрос, как советники императора без настоятельной необходимости могут соглашаться с тем, чтобы в это взволнованное время, после тех потерь, которые перенес авторитет правительства вследствие слабости наместничества, награждать поляков новыми учреждениями для легального продолжения агитации в форме большого числа совещательных и контролирующих выборных органов»⁴⁶.

Эту тему Бисмарк развил далее, посвятив польской проблеме основное содержание памятной записки принцу-регенту Вильгельму 4 апреля 1861 г.⁴⁷ Он обвинял часть российских политиков в отсутствии четкого представления о сущности преобразований в Польше, но отмечал, что даже у тех немногих, «кто отстоит дальше от элементов национальной русской идеи, возникает ответ, что поляки очень скоро злоупотребят предоставленными им правами и этим будет подготовлено условие для насильственного установления императорской власти».

Видимость успехов политики реформирования в крае не могла, по его мнению, решить всех вопросов, поскольку она не удовлетворяла стремления поляков в обретении независимости но, вместе с тем, расшатывала систему общественной безопасности в самой империи. Он считал единственной возможностью восстановления общественного спокойствия в Польше проведение жесткой политики царской администрацией, несмотря на видимость успехов политики реформирования в крае. По его мнению, «полностью нецелесообразным в настоящее время изменять систему, по которой Польша управлялась последние 30 лет».

В петербургских донесениях не раз затрагивался вопрос о смене наместников в Царстве Польском. По мнению Бисмарка, введение

---

⁴⁶ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 04. IV. 1861 // ДрВ. Bd. II. S. 53.

⁴⁷ Ibid. S. 52–57.

уступок полякам было следствием непопулярной деятельности императорского наместника М. Д. Горчакова. Он также отмечал «сильное недовольство, которое император чувствовал по отношению к проявившейся слабости и неловкости» наместника. Из всех возможных кандидатур, как писал Бисмарк, самыми подходящими были князь А. А. Суворов, Н. Н. Муравьев-Амурский и граф Ф. Ф. Берг. Первые два претендента, по его словам, своим резким, жестким характером «могли добиться немедленного разрыва» с примирительной политикой М. Д. Горчакова, которая приводила к тому, что «мы (Россия и Пруссия — В. Д.) дошли до распутия, где русская политика в отношении Польши расходится с нашей».

Панацеей от польской проблемы в прусских областях Бисмарк считал поступательный рост немецкого элемента, дающий «существенную гарантию против распространения пагубного влияния, которое может оказывать национальная организация Королевства Польского на соседние провинции Его Величества (Вильгельма I — В. Д.)». Бисмарк сравнивал прусско-польский антагонизм с русско-польским, однако подчеркивал, что при «совместном государственном существовании русские оказались бы под руководством поляков, а немцы — нет». Этот вывод он сделал из слов самого Александра II, считавшего невозможным русификацию края из-за различия вероисповедания, недостаточных административных способностей русских властей и отсутствия у русского человека чувства превосходства над поляками⁴⁸.

В долгом разговоре с Бисмарком 11 апреля 1861 г.⁴⁹ Горчаков подчеркивал, что для России невозможно в непосредственном соседстве с прусскими и австрийскими областями Польши, где поляки «наслаждаются более свободным и лучшим положением», держать в «железных рукавицах» жителей Царства Польского. Он акцентировал свое внимание на несостоятельности проводимой Николаем I и польским наместником Паскевичем политики в Царстве Польском. Горчаков особо отметил, что «такому сильно-му монарху, коим, без сомнения, является император Александр II,

⁴⁸ *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 424–425.

⁴⁹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 11. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 63–70.

недостойно держать в состоянии бесправных целую категорию своих подданных из-за страха перед результатом другого метода управления» Царством.

Это высказывание как будто продолжает идеи, выраженные в циркуляре А. М. Горчакова представителям России при иностранных дворах от 8 (20) марта 1861 года. В нем министр иностранных дел России писал, что «Россия и Европа могли убедиться, что Его Величество не только не отстраняет и не отсрочивает преобразований, вызываемых развитием идей и общественных интересов, но, решительно приступив к делу, совершает его с неослабной последовательностью»⁵⁰.

Вполне отвечающим духу времени и реформаторским целям Александра II можно считать высказывание Горчакова, что «Россия не хотела бы перед другими правительствами выглядеть абсолютно равнодушной к прогрессу цивилизации, казаться лишь фоном этого прогресса»⁵¹.

Все это могло иметь следствием неодобрительное отношение официального Петербурга к консервативным методам политики Пруссии в Польше. Бисмарк писал в Берлин, что «русская политика, несмотря на все родственные узы императора готова преследовать свои собственные настоящие или мнимые интересы без уважения к нашим интересам или интересам Австрии»⁵². Показательно, что в сообщениях русских дипломатов, которые Бисмарк читал лично, «наши (пруссские — В. Д.) рекламации в отношении Польши обозначаются как “пруссский эгоизм”». Он пришел к заключению, что чувство солидарности с Пруссией ослабевало в петербургских кругах, когда речь заходила о Польше.

В начале июля 1861 г. Бисмарк получил разрешение уйти в отпуск и отправился в Германию, где пробыл 4 месяца. После участия в празднествах в Кёнигсберге в честь коронации Вильгельма (октябрь 1861 г.), он вернулся в начале ноября 1861 г. в Петербург, где обсуждение польского вопроса набирало все новые обороты.

⁵⁰ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. С. 480.

⁵¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 11. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 65.

⁵² Ibid. S. 70.

В это время события в самой Польше разгорелись с новой силой. Поводом для этого стали демонстрации, последовавшие после смерти архиепископа Фиалковского 23 сентября (5 октября). С. С. Татищев писал, что «перед начальной колесницей несли, в числе прочих национальных эмблем — короны короля и королевы польских и старый герб Речи Посполитой: Белого орла с гербами Литвы и Руси». 3 (15) октября ожидалась новая демонстрация под предлогом годовщины смерти Костюшки⁵³. Уклонения исполняющего должность наместника Царства Польского генерала К. К. Ламберта^{xxxii} от решительных телеграмм императора Александра II, в которых настоятельно рекомендовалось ввести осадное положение, отступили. 2 (14) октября Варшава была объявлена на военном положении. Ответ государя не замедлил последовать: «Дай Бог, чтобы объявление всего Царства на военном положении произвело тот результат, которого я давно ожидаю»⁵⁴.

О жестких мерах подавления народных выступлений в Польше неожиданно для Бисмарка писал даже Горчаков. В посвященном исключительно польским событиям донесении на имя нового министра иностранных дел Пруссии А. фон Бернсторфа 5 ноября 1861 г.⁵⁵ прусский дипломат приводил несколько фрагментов переписки, состоявшейся в сентябре — октябре 1861 г. между Горчаковым и Ламбертом.

Рассуждая о полноте власти графа Ламберта, распространяющейся вплоть до введения военного положения, Горчаков писал 21 сентября (3 октября): «не пугайтесь резни, она будет нужна, и чем больше Вы будете колебаться, тем страшнее будет эта бойня, направленная на достижение своей цели». Горчаков брал на себя защиту политики царской администрации в Польше перед европейским общественным мнением: «не тревожьтесь о том, что скажут в Европе. Это полностью мое дело».

Введение военного положения в Варшаве сопровождалось более жестким высказыванием российского министра: «Бейте их крепко

---

⁵³ Костюшко скончался 15 октября 1817 г. в швейцарском городе Золотурн, позже его прах был перевезён для захоронения в Краков.

⁵⁴ *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. С. 489.

⁵⁵ Bismarck an Minister von Bernstorff. 5. XI. 1861 // *DpB. Bd. II. S. 112–119.*

и уничтожающе. Думайте о том, что из всех тех камней, которые бросают в изваяние кумира, лишь первый повреждает лик этого кумира, второй же попадает в бесполезную мраморную подставку. Мы не разрушаем памятник законности, но мы покрываем его до того самого момента, когда порядок вновь будет восстановлен».

Такого рода внушения все же не повлияли на нерешительность и слабость действий графа Ламберта. Ему стали вменять в вину, «что его тщеславие, гораздо выше, чем его верность долгу». Кроме того, на введение военного положения Варшава ответила новыми беспорядками.

Бисмарк сообщал, что вследствие жалоб генерала Сухозанета в Петербург был вызван Велепольский, державшийся во время польских восстаний весьма самостоятельно. Бисмарк отмечал, что преданность маркиза вследствие его несколько отличной от официальной трактовки основных положений крестьянской реформы «стала весьма сомнительной императору». Однако он не стал «опальным». За его политическую судьбу беспокоился Горчаков, желавший, чтобы «графу Велепольскому удалось оправдаться». Личность Велепольского для Петербурга была важна как доказательство того, что с царским правительством поляки сотрудничать могут, и такая работа будет весьма продуктивна, если народные бунты прекратятся. Горчаков, по словам Бисмарка, надеялся, что «графа Велепольского оставят на императорской службе, для того, чтобы не рвать последнее звено цепи, и чтобы не показалось, что ни один поляк не может работать с императором».

Похожие мысли высказывал в воспоминаниях Милютин: «маркиз Велепольский <...> произвел самое внушительное впечатление своим самоуверенным, докторальным тоном и обаятельной диалектикою. В особенности князь А. М. Горчаков, П. А. Валувев, князь В. А. Долгоруков совсем поддались чарам польского аристократа»⁵⁶.

Почтительный прием, оказанный маркизу в Петербурге, не свидетельствовал, однако, о перемене в политике Александра II.

---

⁵⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 189.

О решительности императора свидетельствовало замещение в октябре 1861 г. генерала Ламберта генералом А. Н. Лидерсом на посту исполняющего обязанности наместника Царства Польского. Бисмарк положительно отзывался об основной цели миссии этого «солдата, который должен заняться наведением внешнего порядка, не обращая внимания на политику»⁵⁷. Сравнивая действия Ламберта и Лидерса, Бисмарк, безусловно, отдавал предпочтение солдату Лидерсу. Оценивая работу Ламберта, прусский дипломат едко писал, что предыдущий наместник проводил свою политику, постоянно думая о том, «какое впечатление произведут его действия на общественное мнение, дам, католическую церковь и парижскую прессу»⁵⁸. Курс генерала Лидерса, напротив, был строгим и четким и следовал без отклонения выбранной в это время в Петербурге политике. «Первые распоряжения графа Лидерса, — писал Милютин, — были направлены к тому, чтобы объявленное в крае военное положение было применяемо на деле во всей строгости»⁵⁹.

Обсуждение польских событий состоялось на аудиенции Бисмарка у Александра II, проходившей 9 ноября в Царском Селе. Памятная записка 10 ноября на имя короля Вильгельма⁶⁰ содержит очень важную информацию не только о польском вопросе, но и о проведении либеральных преобразований в России. Важность сказанных императором слов позволяет считать это донесение одним из самых значимых из всей петербургской корреспонденции Бисмарка. Откровенность, с которой император говорил с иностранным гостем о политических событиях и вопросах, беспокоящих его в последнее время, удивляет, складывается впечатление, будто бы царь делится с Бисмарком самым наболевшим.

Не случайно и то, что почти сразу по приезде в Петербург из Германии Бисмарк был приглашен в Царское Село. Можно предположить, что Александру II в эти минуты переживаний, вызван-

---

⁵⁷ Bismarck an Minister von Bernstorff. 5. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 113.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. С. 188.

⁶⁰ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 124–132.

ных возмущением в Польше, проведением крестьянской реформы, необходимо было видеть перед собой человека, разделяющего его убеждения, и таким человеком мог стать прусский посланник, сторонник жесткого пути разрешения польского вопроса. Это могут объяснить и те множественные комплименты, которые выразил император Бисмарку в самом начале встречи. Сама аудиенция продолжалась полтора часа и велась на французском языке. Существенное замечание Бисмарка, поскольку император «каждый раз, когда говорил более оживленно и подробно излагал суть событий, использовал французский язык».

В начале деловой части аудиенции Александр II кратко представил Бисмарку весь ход польских дел и те принципы, которыми он руководствовался в определенный промежуток времени. Император особо выделил: «я практически с самого начала движения в Варшаве был убежден, что объявление осадного положения необходимо, для того, чтобы поддержать авторитет моего правительства». Принятие решения о проведении реформ не удалось императору так просто, поскольку, по его собственным словам, ему пришлось «несмотря на внутреннее сопротивление смириться» с позицией М. Д. Горчакова, за которым он признавал «опыт и испытанную верность». Неудавшиеся меры М. Д. Горчакова доказали «каким верным было мое первое суждение», — заключал Александр II.

Анализируя речь царя, Бисмарк убеждался в правоте своих мыслей о том, что император либо сам колебался с вопросом о введении военного положения, если дал еще один шанс Ламберту, либо сказывалось большое давление его окружения, выступающего за отсрочку осуществления жестких мер в Польше. События начала октября 1861 года укрепили в самодержце понимание необходимости проведения твердой политики. «Положить конец такого рода происшествиям, — говорил Александр II Бисмарку, — требовало мое собственное достоинство, равно как и необходимость защитить моих верных служащих и подданных в Варшаве».

Отдавая должное сдержанности и достоинству, с которым Александр II принимал решения, Бисмарк высоко ценил желание императора урегулировать польскую проблему мирным путем.

Лишь когда императору стало известно, что поляки стали «подстрекать против меня крестьян в Царстве, даже в моем собственном имении около Ловица», он принял решение дать свое согласие на введение военного положения.

Теперь в Александре II взыграл дух непримиримого военного офицера. Бисмарк дословно⁶¹ передавал высказывание императора: «в настоящее время от генерала Лидерса <...> я ожидаю, что он будет исполнять свое задание как солдат и руководить порядком со всей строгостью».

Игнорирование роли польской агитации в западных губерниях России, которую Бисмарк предвидел еще в весенних 1861 г. донесениях в Берлин, отмечал сам император. Бисмарк был поражен изумлению Александра II тем, что «поляки не безрезультатно распространили свою агитацию на присоединенные к Российской империи западные губернии», что негативно отразилось на деятельности царского правительства в Польше. Чем мог ответить император на реплику Бисмарка, что результаты такого влияния он предсказывал еще весной? В донесении лишь констатируется «доказательство недостаточности информированности русских государственных деятелей во внутреннем состоянии империи». Правда, то, как Бисмарк вводит эту фразу в свое повествование, не дает возможность заключить: его ли это мнение, или вывод императора, лишь переданный словами прусского посланника.

В ноябре 1861 г. встал вопрос о том, что же делать с маркизом Велепольским? Проведение политических преобразований, согласно программе маркиза, было невозможно в связи с военным положением в Польше. Но от дальнейших преобразований император не отказывался. «При такой постановке задачи Велепольскому предстояло, по крайней мере, на некоторое время, посторониться, выждать более благоприятных условий для проведения

---

⁶¹ Бисмарк взял высказывание императора в кавычки, что встречается очень редко в донесениях прусского посланника и свидетельствует о дословной передаче (с учетом перевода на немецкий язык).

его планов»⁶². 25 ноября последовало увольнение Велепольского с должностей главного директора Правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения и руководителя Правительственной комиссии юстиции⁶³. При этом Велепольскому был пожалован орден Белого орла.

На фоне разговоров о польском маркизе Бисмарк отправил Бернstorфу донесение⁶⁴, в котором дал оценку его политическим взглядам и написал о возможных перспективах его дальнейшей службы. Бисмарк подчеркивал, что «от всех прочих соотечественников, его отличает холодная и правильная оценка событий», понимание того, что «революционное насилие не способствует возрождению Польши». Но самое главное, что, по мнению Бисмарка, отличало Велепольского от других польских политических деятелей, это осознание того, что «полякам полезнее завоевать императора российского, чем рассердить и отпугнуть его».

Прусский посланник считал Велепольского панславистом, доказывая это стремлением маркиза «разорвать противоестественную связь польских провинций Пруссии и Австрии с этими государствами и объединить их вместе с прочими частями бывшей республики под русским скипетром».

Как следует из донесения, Бисмарк встречался с Велепольским, и в одной из этих встреч маркиз сказал, что «считает своих соотечественников неспособными управлять самими собой в полной независимости; и что он видит дальнейшее развитие Польши в длительной перспективе только под защитой и руководством русской короны». Он видел основную опору новых институтов Царства Польского в вооруженных силах: «независимая от высших военных кругов светская администрация под руководством маркиза Велепольского и защита от крестьян с помощью войск», — резюмировал Бисмарк.

Однако нельзя было держать поляков на военном положении долгое время, поскольку не только такими мерами можно восста-

⁶² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 189.

⁶³ При этом маркиз Велепольский сохранял за собой членство в Государственном Совете Царства Польского.

⁶⁴ Bismarck an Minister von Bernstorff. 22. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 136–140.

новить порядок. Польше был необходим переход на мирные методы управления после снятия военного положения. И это прекрасно понимали в Петербурге. Горчаков в разговоре с Бисмарком отмечал, что «штык это поддержка, но нельзя долгое время сидеть на этом штыке». После наведения порядка генералом Лидерсом следовало восстанавливать администрацию в Царстве. Однако Горчаков прекрасно понимал, что «в распоряжении Петербурга нет такого числа чиновников, на которых можно положиться», тем более, знающих польский, французский и немецкий языки. В таком случае прекрасный специалист Велепольский мог послужить примером верной службы поляка у российского императора: «без его службы можно обойтись, но с большим трудом», — заключал Горчаков.

Подобные беседы, равно как и вопрос о продлении сроков военного положения, содержатся в донесениях Бисмарка за декабрь 1861 г. Согласно его корреспонденции, положение в крае стабилизировалось и уличные манифестации заметно спали. Наступление затишья в это время в Царстве Польском подтверждает и Д. А. Милютин: «уличные беспорядки, сборища, манифестации — почти прекратились, так что в исходе февраля 1862 года варшавское начальство признало возможным допустить некоторые облегчения в строгих полицейских правилах»⁶⁵.

В Петербурге поддавались влиянию Велепольского настолько, что теперь А. М. Горчаков мог говорить: «не понимаю, почему нельзя установить в Польше такую же автономию, как в Остзейских провинциях и Финляндии, жители которых очень довольны, что принадлежат России в такой форме»⁶⁶.

Д. А. Милютин отмечал, что были и противники идей Велепольского, «направленных к тому, чтобы вырвать Польшу из-под рук русского влияния и передать ее всецело в руки двух самых враждебных нам классов польского населения — аристократии и католического духовенства»⁶⁷. Однако сторонники сильной руки в Царстве не пользовались популярностью в это время в Петербурге, «подобные мне

⁶⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 319.

⁶⁶ Bismarck an Bernstorff. 22. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 138.

⁶⁷ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 322.

ния имели мало веса при том настроении, которое тогда взяло верх в высших сферах петербургских; мнения эти считались несовместными с духом времени»⁶⁸. К таким противникам плана Велепольского военный министр Милютин относил и себя.

Стоит отметить, что, по мнению Бисмарка, император так и не смог выработать определенную точку зрения в польском вопросе. Это подтверждают мемуары Милютина. Александру II было невыносимо слышать о национальных требованиях поляков; он огорчался вследствие той неблагодарности, с которой поляки относились к его уступкам. Эти факторы пробуждали в императоре чувства, свойственные военному офицеру, склонному к силовому и немедленному решению вопроса. С другой стороны «его мягкое сердце и природное благодушие склоняли его к мерам кротким, примирительным, внушали ему желание испытывать все средства к установлению доброго согласия между Россией и Польшей»⁶⁹.

Колебания императора, бессилие чередующихся администраций в Царстве создали благоприятную почву для принятия представленного Велепольским планом урегулирования польских дел, тем более что такие государственные деятели как вел. кн. Константин Николаевич, кн. В. А. Долгоруков, П. А. Валувев и А. М. Горчаков поддерживали выдвинутый план.

Польские события 1862 года нашли слабое освещение в донесениях Бисмарка. Во многом это объяснялось его мыслями о скором переводе из Петербурга, о чем он догадывался уже с октября 1861 г., после ряда встреч с высокопоставленными особами Пруссии и началом министерского кризиса. Главный вопрос, всецело поглотивший мысли Бисмарка, был связан с решением германской проблемы.

Из некоторого количества донесений, освещающих польские события, два — наиболее существенны для исследователя. В первом донесении нового 1862 года в Берлин Бисмарк сообщал о назначении на должность варшавского архиепископа патера Фелинского, «на которого, кажется, обратил внимание прави-

⁶⁸ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 322.

⁶⁹ Там же. С. 323.

тельства Велепольский»⁷⁰. 1 (13) февраля 1862 года были вновь открыты и освящены остававшиеся еще запечатанными костелы. Фелинский убеждал паству не вмешивать политические дела в религию: «Я говорил с Монархом, говорил долго, и он сказал мне, что не хочет лишать нас ни народности, ни веры нашей <...> что все даст, чего желаем; но с одним условием — чтобы край успокоился»⁷¹. По окончании этой речи паства преклонила колени, слова архипастыря оказали большое влияние, по крайней мере, так казалось.

На фоне беспорядков в Польше оставались напряженными отношения между Петербургом и Римом. На встрече с Бисмарком в начале ноября 1861 г. император «с ожесточением высказался в том плане, что римская церковь, ставящая себя в Польше во главе революции, не должна предъявлять свои права на ниб легитимности в Италии»⁷². В конце 1861 г. начались переговоры с римской курией о назначении в Петербург чрезвычайного папского посла — нунция. Переговоры не добились желаемого результата, но вовсе не по причине резких условий, которые Петербург предъявлял нунцию. Бисмарк сообщал, что в Рим в последнее время «поступил необычно богатый приток денежных средств от польской знати, который пришел на помощь Риму в размере нескольких миллионов пфеннигов»⁷³. С этим согласился и Горчаков, который ко всему прочему добавил, что «в Риме надеются на продолжение подобного рода платежей и в будущем, и там не в состоянии обходиться без них»⁷⁴.

Относительное успокоение польского края зимой 1861–1862 гг. и в начале 1862 г. (январь — март) подтверждается в воспоминаниях военного министра Милютина. Новый фазис в развитии польских событий относится к апрелю 1862 г., когда Бисмарк отправлялся из Петербурга и его ожидал пост посланника Пруссии при дворе французского императора.

⁷⁰ Bismarck an Minister von Bernstorff. 9. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 152.

⁷¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 325.

⁷² Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 128.

⁷³ Bismarck an Minister von Bernstorff. 9. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 153.

⁷⁴ Ibid.

На прощальной аудиенции у императора, состоявшейся 8 апреля перед отъездом Бисмарка в Германию, был затронут польский вопрос. Прогнозы императора нельзя было назвать обнадеживающим. Александр II сообщил Бисмарку, что «его надежды на долгое согласие с любой из партий польской знати исчезли»⁷⁵.

Опытный дипломат Бисмарк осознавал, что временное затишье польского вопроса весьма шатко и при возникновении существенной возможности в Польше вновь произойдет волна народных выступлений. В этом его убедило и высказывание монарха: «не подлежит сомнению, что все польские партии не видят никакой иной конечной цели, кроме как восстановление Польши в границах 1772 года»⁷⁶. Чувство безысходности, как считал Бисмарк, царило в душе императора, огорчение от того, что политические уступки не воспринимались польским народом, стремящимся к полному отделению.

Император «никогда полностью не доверял верности высказываний некоторых советников, выражающих надежду, что <...> поляки будут жить так же едино с Россией как Норвегия со Швецией» и подчеркивал, что деятели польской эмиграции выступают за укрепление польского элемента в Царстве Польском и распространение его влияния в Западных губерниях. «Но не может быть и речи, — подводил итог Александр II, — что Россия допустит колонизацию изначально русских областей»⁷⁷.

Несмотря на такую решительность, Бисмарк обратил внимание Бернstorфа на то, что стремление к мирному урегулированию польского вопроса не стало чуждым для императора: в продолжение беседы «император не смутился по поводу проведения желаемых преобразований, хотя и не льстил себя надеждой переманить этим польскую аристократию в ряды верных подданных». Прусский посланник был убежден, что если бы польская знать согласилась на ведение конструктивного диалога с Петербургом, император поддержал бы это стремление и изменил бы политику управления Польшей с жесткой на гораздо более либеральную.

⁷⁵ Bismarck an Minister von Bernstorff. 10. IV. 1862 // DpB. Bd. II. S. 190.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid.

В этом Бисмарк видел большую опасность для Пруссии. Жесткие меры, принимаемые царской администрацией для подавления восстания, обеспечивали локализацию беспорядков территорией Царства Польского, что отводило угрозу от польских земель Прусского королевства и способствовало взаимопониманию между Петербургом и Берлином. Таким образом, польский вопрос, по мнению Бисмарка, являлся, еще одним фундаментом в строительстве тесных русско-пруссских отношений, необходимых Бисмарку для решения германского вопроса. Вместе с тем, предрасположенность императора к проведению преобразований в Царстве в совокупности с активной деятельностью представителей старорусской партии, считавших возможным восстановление Польши, — все это, по мнению Бисмарка, сначала могло привести к проведению широких преобразований в польских землях, а в последствие — к независимой Польше, что угрожало государственным интересам Пруссии. Кроме того, любые либеральные преобразования в Царстве находили живой отклик за Рейном и способствовали выстраиванию тесного русско-французского союза, угрожавшего, как считал Бисмарк, уже государственной целостности Пруссии.

***

Материалы петербургской корреспонденции Бисмарка по этой теме прежде не рассматривались в историографии. При изучении этих документов возникает интересная особенность. С одной стороны, пристальное внимание, с которым Бисмарк из Петербурга следил за происходящими в Польше событиями, позволяет рассматривать его донесения в рамках изучения польской проблемы в восприятии представителя иного государства, «другого». С другой — Бисмарк не являлся сторонним наблюдателем решения этой проблемы. Он также являлся заинтересованным лицом в этом деле, поскольку польский вопрос затрагивал интересы не только России, но и Пруссии. Основное направление политики Бисмарка в этом вопросе заключалось в категорическом отказе от возможности восстановления независимости Польши. В такой перспективе он отмечал угрозу территориальной целостности России и Пруссии и появление в Восточной

Европе государства, заведомо союзного Франции. По его мнению, это означало бы для Пруссии и России появление у своих границ вечного врага с агрессивной реваншистской внешней политикой, целью которой было восстановление границ Речи Посполитой. С этой точки зрения Бисмарк считал силовой путь усмирения возмущения в Польше единственно приемлемым.

В связи с этим он довольно критично оценивал российскую политику в 1861–1862 гг. в Польше. По его мнению, либеральные уступки не могли удовлетворить требования поляков, мечтавших о восстановлении независимости. Бисмарк полагал, что в этих условиях даже положения указа 14 (26) марта 1861 г. были для поляков недостаточными.

Положение в Царстве Польском ухудшалось, по мысли Бисмарка, также вследствие постоянной смены наместников. В условиях, требующих жесткого принципа управления краем, к руководству царской администрации в Польше, по его мнению, приходили государственные деятели, политика которых была лишена этой необходимой твердости. В связи с этим, Бисмарк внимательно следил за деятельностью маркиза Велепольского. Он отмечал, что Петербург выбрал его политический курс, направленный на достижение сотрудничества польского и русского элемента в управлении Польшей. Официальные и личные документы показывают, что у Бисмарка был совершенно иной план. По его мнению, главным принципом управления польских земель в Пруссии должна была стать политика германизация управленческого аппарата и увеличения в целом германского элемента в Польше. Это могло привести к снижению процента польского элемента в администрации края и способствовало бы успокоению края. Такую политику в управлении Польшей, по его мнению, могла проводить и Россия. Оценивая на этом фоне меры Велепольского, Бисмарк полагал, что за его панславистскими высказываниями на самом деле скрывалось желание добиться для поляков больших свобод.

Смена наместников в Польше, по мнению Бисмарка, отражала общую картину нерешительной политики Петербурга в Польше. Дипломат отмечал, что стремление Горчакова к проведению либеральных преобразований в Польше, благоприятствовавших

укреплению взаимоотношений России и Франции, противоречило представлениям императора о твердой политике в Польше. Не называя фамилий, Бисмарк отмечал, что на императора оказывалось давление и, возможно, вследствие этого распоряжение о введении военного положения в Варшаве было отдано 2 (14) октября 1861 г., а не ранее. Тем не менее, находясь в Петербурге, Бисмарк сделал важный для себя вывод о том, что Александр II в отношении поляков и восстановления Польши был настроен решительно.

Будучи посланником в Петербурге, Бисмарк отмечал еще одну важную особенность польской проблемы: ее влияние на проведение внутренних преобразований Александра II. Бисмарк еще весной 1861 г. прогнозировал распространение польской агитации на западные области Российской империи, считая ее опасной в условиях возможных народных волнений, связанный с отменой крепостного права. Он рассматривал возможное соединение национальных и социальных, аграрных требований поляков. По его словам, российские государственные деятели не обращали на это внимание, полагая, что такая агитация будет эпизодичной. Бисмарк отмечал плохую информированность российских политиков о состоянии дел в этом важном вопросе. Такое упущение, по его мнению, мешало складыванию объективной оценки развития польских событий у самого императора, что подтверждается в донесении 10 ноября 1861 г.

Рассматривая возможность осуществления либеральных преобразований в Царстве Польском, Бисмарк понимал, что Александр II никогда не провел бы их в ответ на требования западных держав, что умаляло бы его перед русским народом. В этом его убеждало значение самодержавной власти в России, к пониманию которого он пришел в Петербурге.

Изучение донесений Бисмарка, содержащих информацию о польском вопросе, показывает его восприятие происходящих в Польше событий, его оценку как иностранца предпринимаемых царским правительством мер для ослабления недовольства в Польше, что способствует расширению представления иностранца, «другого» о России в начале 60-х гг. XIX в.

ГЛАВА IV

СУДЬБА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ ПРУССКОГО ДИПЛОМАТА

Возвеличенная громкими победами своего оружия, прославленная достижениями науки, культуры и искусства, блистающая красотой высшего света, Российская империя в середине XIX в. упорно берегла наследство средневекового Московского царства, доставшееся ей в образе крепостного права. Татаро-монгольское иго, прочно вошедшее в народную память, продержалось в России на столет меньше, чем иго помещика над крестьянином. И возможно ли было сдвинуть, ту глубинную основу, на которой стоял фундамент российского самодержавия, не расшатав всего его здания?

В данной главе речь пойдет, конечно же, не о причинах отмены крепостного права в России и ходе реформы. Основная задача заключается в том, чтобы, проанализировав ранее неизученные источники, показать проведение крестьянской реформы в России в восприятии Бисмарка. Такая постановка проблемы впервые представлена в отечественной и зарубежной историографии. Важно отметить основные моменты, на которые обращал свое внимание прусский посланник при описании преобразований. Это позволит показать, какие особенности в проведении крестьянской реформы выделял Бисмарк. Одна из главных целей этой главы состоит в изображении его оценки роли Александра II в осуществлении реформы.

В донесениях, посвященных крестьянской реформе, Бисмарк общал о фактах, связанных с ее обсуждением и проведением, давал свою оценку происходящим событиям, писал об отношении общества к этим преобразованиям. Эти письма хронологически относятся ко второй половине пребывания Бисмарка в Петербурге: 1861–1862 гг.

Основной комплекс этих писем датирован 1861 г., что вполне естественно. Из 17 донесений 8 приходится на первую половину 1861 года, то есть относятся ко времени публикации Манифеста 19 февраля 1861 г. и к первым месяцам проведения крестьянской реформы. Практически все эти донесения были направлены министрам иностранных дел Пруссии барону Шлейницу и графу Бернstorфу.

Опытный дипломат, Бисмарк внимательно следил за происходящими в России событиями, не связанными, на первый взгляд, с международными делами. Желание составить для себя полное представление о реалиях страны, в которой ему пришлось прожить часть своей жизни, обращало внимание Бисмарка на развитие внутренней политики России. Он прекрасно понимал, что успешные внутренние преобразования оказывают прямое влияние на формирование активной внешней политики государства.

Бисмарк прибыл в Россию в судьбоносное для нее время осуществления задуманных Александром II преобразований. Из всех реформ центральное место занимал вопрос об освобождении крестьян. В своих воспоминаниях Милютин писал: «как ни тревожны были известия из Варшавы, однако ж они отступали на второй план перед главною заботой, занимавшей всю Россию, — вопросом о предстоящем освобождении крестьян»¹. В подтверждение вышесказанного можно привести памятную записку Бисмарка принцу-регенту Вильгельму 27 апреля 1859 г. относительно предвоенных переговоров по итальянским делам. Сообщая о нежелании венского кабинета решить итальянский вопрос мирным путем, Бисмарк показывает, что австро-итальянская война для России совсем нежелательна. «Его Величество (Александр II — В. Д.) с глубокой печалью видит, что успех реформ, оздоровление финансового положения, развитие железнодорожной системы, одним словом, все его планы, исходящие из сердца, равным образом срываются образом действий венского кабинета»².

¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 62.

² Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 200.

Значение внутренних преобразований прусский посланник раскрывал не только в официальных донесениях. Изображая недовольство официального Петербурга австрийской политикой накануне Итальянской войны, Бисмарк писал жене 23 апреля 1859 г.: «главным образом, недоволен император <...> Здесь хотят мира, так как необходимо заниматься внутренними преобразованиями, которые война разрушит»³.

В одном из первых донесений в Берлин: 18 апреля 1859 г.⁴ — Бисмарк решил дать свою оценку российскому крестьянству накануне важных преобразований. Пытаясь «привести пример инстинктивного благоразумия и осмотрительности значительной части российского крестьянского сословия», он писал, что «крепостные крестьяне далеки от того, чтобы усложнять дело освобождения посредством упрямого поведения и нетерпеливыми выступлениями». Ссылаясь на какой-то достоверный источник, в распоряжении которого имелась информация по многим губерниям империи, Бисмарк отмечал, что в поведении самих крестьян произошли изменения. Ранее пассивные, крестьяне «в последнее время с готовностью выполняют все полагающиеся им повинности и заставляют своих часто ленивых и пассивно сопротивляющихся сотоварищей исполнять то же самое, что разительно отличается от прежнего поведения крестьян». Бисмарк был весьма удивлен такому поведению крестьян, что отразилось в его высказывании о некоем единообразии мышления этого сословия: «такое впечатление, как будто между этими миллионами крестьян произошла всеобщая договоренность заручиться благосклонностью Его Величества посредством разумного самообладания и самого полного доверия планам императора». Он писал: «спорадические насильственные вспышки, появившиеся вначале от нетерпеливой склонности к самопомощи, которые привели к кровавым, но единичным эксцессам, говорят, полностью исчезли везде». Подчеркивая желание крестьян создать со своей стороны благоприятные условия для проведения преобразований, Бисмарк пришел к выводу, что подобное народное

³ Bismarck an Johanna. 23. IV. 1859 // FBB. S. 421.

⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 13–16.

единение свидетельствовало о полном доверии царю. По его мнению, крестьянство было важной опорой в реформах императора. Серьезность намерений крепостных состояла и в отказе от одного из национальных пороков — пьянства. Прусский дипломат не раз в официальных донесениях и личных письмах обличает пристрастие русских к пьянству. Однако сообщение от 18 апреля 1859 г. ясно свидетельствует, что в отказе от пьянства крестьяне видели доказательство своей преданности императору. Бисмарк отмечал, что это движение началось в польских землях под руководством католического духовенства, а затем распространилось на собственно русские земли: «примеры, когда целая община отказывается от водки в церковные и прочие праздники, множатся на юге и севере империи. Несколько дней назад в этой губернии (Санкт-Петербургской — В. Д.) состоялся праздник, на котором жителей многих церковных приходов, как это делается каждый год, угощали помещики. Бесплатная и щедро наливаемая водка при этом никем из собравшейся большой толпы не была тронута».

В этом донесении Бисмарка нашло свое отражение описание «трезвенного движения». Следует отметить, что в исторической литературе⁵ существует несколько иное, чем у Бисмарка, объяснение причин этого движения. Оно было вызвано реакцией протеста податного населения Российской империи против откупной системы после того как были повышены косвенные налоги на водку. Бисмарк верно отмечает, что оно началось в польских землях, и что большую роль в нем играло духовенство. Однако он не упомянул, что волнения, связанные с этим движением, охватили многие губернии, и его пришлось усмирять войсками. Можно предположить, что Бисмарк до конца не понял этого, и сочетание новостей о проведении крестьянской реформы вместе с сообщениями об отказе крестьян от спиртного произвело на него большое впечатление.

Важным представляется высказывание прусского посланника о значении, роли русского крестьянства в самодержавной России.

---

⁵ *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. М. 1997. С. 234–239; *Федоров В. А.* Крестьянское трезвенное движение 1858–1859 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. 1962.

Эту фразу следует привести целиком: «насчитывающее, возможно, 40 миллионов человек старорусское крестьянское население, полностью верное императору, здоровое в самом себе и в полной мере способное к общинному самопостоянству является фундаментом для развития новых порядков внутри и усиливающегося могущества во вне, и этот фундамент будет находиться в распоряжении империи в течение еще многих лет»⁶.

Бисмарк, таким образом, считал российское крестьянство основополагающим звеном в процессе модернизации империи. Он полагал, что решение крестьянского вопроса окажет благотворное влияние на внутреннюю политику империи, оздоровит экономику и поможет России вернуть былое могущество в международных отношениях. В своих донесениях он прогнозировал цепочку событий, в основе которых лежало решение крестьянского вопроса: прогрессивная крестьянская реформа как условие для широких преобразований → оздоровление и укрепление государства → активная внешняя политика сильной державы.

После апрельского донесения Бисмарка крестьянский вопрос не находил освещения в его сообщениях из Петербурга довольно длительное время, поскольку основное внимание уделялось решению международных проблем. С возвращением в Петербург после продолжительной болезни Бисмарк вновь обратился к крестьянскому вопросу. В донесении Шлейницу 21 июля 1860 г⁷. он отметил, что работа в деле освобождения крестьян продвинулась довольно далеко. Он обратил внимание на технические стороны проведения реформы, в основу которой легла «система постепенного выкупа крестьян посредством собственных платежей при содействии правительства». Бисмарк допустил некоторые неточности при передаче в Берлин информации о выкупной операции. В целом, он был прав, когда говорил об уплате крестьянином помещику «собственных платежей при содействии правительства». Оплату государством 75–80% выкупной оценки можно считать «содействием правительства», как сказано в донесении Бисмар-

⁶ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 15.

⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 21. VII. 1860 // DpB. Bd. I. S. 143.

ка. Фраза «постепенный выкуп крестьян», вероятно, предполагала необходимость ежегодного погашения крестьянином выкупной ссуды, предоставленной государством, в размере 6% от суммы. Следует также отметить, что Бисмарк называл срок, отведенный на погашение выкупа, 35 лет, в то время как он был определен 49 годами.

Проведению крестьянской реформы Бисмарк стал уделять значительно больше внимания в период с конца 1860 г. и до середины 1861 г., пытаясь сделать для себя первые выводы о ходе преобразований.

Донесение Шлейницу 22 декабря 1860 г. было полностью посвящено крестьянской проблеме. Бисмарк сообщал интересные подробности о состоянии обсуждения крестьянского вопроса в Главном комитете по крестьянскому делу^{xxxiii}: «после того, что я сам услышал от члена комитета <...> различие мнений еще настолько велико, что лишь решение императора способно дать результат»⁸. Бисмарк справедливо отмечал решающую роль российского императора в проведении преобразований. Более основательное знакомство с обсуждением крестьянской реформы в Главном комитете позволило Бисмарку сделать вывод, что император склонен к высказываниям меньшинства, представленного генералом К. В. Чевкиным, министром внутренних дел С. С. Ланским и некоторыми государственными деятелями, «которых противники характеризуют как красных демократов»⁹. В своих воспоминаниях Милютин называл те же фамилии, дополняя лагерь сторонников преобразований царя фигурами великого князя Константина Николаевича и действительного тайного советника графа Д. Н. Блудова¹⁰.

В своем донесении Бисмарк очерчивал круг вопросов, по которым шли основные споры на заседаниях Главного комитета: о величине земельного надела, подлежащего передаче крестьянину, об участии государства в решении денежных споров, возникающих

⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 22. XII. 1860 // DpB. Bd. I. S. 187.

⁹ Ibid.

¹⁰ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 45.

между крестьянином и помещиком, о работе полицейской администрации в бывших поместьях и о праве свободного передвижения крестьянина.

В этом же донесении подчеркивалось возрастающее недовольство дворянства. «Дурное настроение, — писал прусский посланник, — в кругах дворянства проявляется все яснее и с большей озлобленностью, чем ближе становится решение (об отмене крепостного права — В. Д.)»¹¹. Возможно, недовольство дворян было обусловлено и поведением самих крепостных. Прусский дипломат в отличие от сообщений за 1859 г. отмечал рост неповиновения крестьян. Оно выражалось в неуплате обязательных для крестьян платежей и в невыполнении возложенных на них повинностей.

В целом, внутренняя обстановка в империи, по мнению Бисмарка была далеко неблагоприятной. Прусского посланника неприятно удивляло негативное восприятие проводимых императором реформ, и критика в сторону самого Александра II, что он заметил в Петербурге. В письме Рудольфу Ауэрсвальду 30 ноября 1860 г. содержится очень интересная оценка Бисмарком царивших в российском обществе настроений накануне отмены крепостного права. Имеет смысл процитировать ее полностью: «должно быть, каждый иностранец удивляется тому, что слышит, как откровенно критикуют государя самые знатные и мелкие подданные. Его благородному сердцу, конечно же, воздают должное, однако, все же, оспаривают то, что он справится со своей задачей, жалуются на то, что ему недостает силы воли и работоспособности; знания дела и собственного мнения; его считают ответственным за безнадёжное состояние в сфере управления и законодательства, от которых страдает благосостояние страны, как будто одно лишь слово императора могло бы сотворить тысячи порядочных и профессиональных чиновников из огромного числа неотесанных мошенников; о роскоши императорской фамилии, о новых дворцах для братьев и детей императора говорят с озлобленностью; наконец, высказываются об очень страшных переворотах с равнодуш-

---

¹¹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 22. XII. 1860 // DpB. Bd. I. S. 188.

ным пожиманием плечами, будто это коснулось бы только лишь Двора, и об этом никто вовсе бы и не скорбел <...> с каждым днем, в особенности в офицерской среде, подобных разговоров становится все больше. Ни от кого не услышишь и слова признательности, понимания существующего»¹².

А «понимание существующего», о чем писал Бисмарк, заключалось еще и в том, что крестьянская реформа оказывала воздействие не только на внутренние преобразования в России. В одном из первых донесений за 1861 г. (от 9 января) Бисмарк пересказывал мнение А. М. Горчакова о влиянии крестьянского вопроса на польские события. В разговоре с Бисмарком министр иностранных дел России подчеркнул, что царскому правительству гораздо сложнее защищать в Польше дворянство от крестьян, нежели защищаться от тех и от других одновременно. Этим Горчаков давал понять, что основная линия правительства заключалась в преимущественном отстаивании прав крестьян по отношению к помещикам. Защищая права крестьянского сословия в России, царская администрация не могла сама себе поставить подножку и выступить защитником помещиков Царства Польского. А. М. Горчаков подчеркивал, что «предстоящее решение крестьянского вопроса и известные убеждения правительства на это делает такой поворот событий еще более вероятным, чем ранее»¹³.

Объемное донесение по крестьянскому вопросу было отправлено Бисмарком в Берлин 28 января 1861 г.¹⁴ Первая фраза гласила, что подготовительные работы Главного комитета настолько преуспели, что протокол уже составлен и даже подписан императором.

Согласно информации, содержащейся в донесении, «комитет не достиг взаимопонимания по общим предложениям», и было сформировано три основных проекта. Верно оценивая расстановку сил в Главном комитете в январе 1861 года, Бисмарк писал, что к представителям «крайне левого», как тогда говорили в Петербурге, течения относятся крупнейшие члены комитета:

¹² Bismarck an Rudolf von Auerswald. 30. XI. 1860 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 565.

¹³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 9. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 3.

¹⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 13–16.

великий князь Константин Николаевич, К. В. Чевкин, С. С. Ланской, В. Н. Панин, Д. Н. Блудов. Наблюдательность Бисмарка проявляется и в его метком замечании по поводу того, что «неожиданным для многих было увидеть на стороне либералов графа Панина и графа Блудова». Оценка Бисмарка неожиданного перехода В. Н. Панина на сторону либералов верна. Это событие было подробно исследовано в монографии Л. Г. Захаровой. Она отметила, что назначение графа Панина на пост председателя Редакционных комиссий после смерти Ростовцева 6 февраля 1860 г. означало «более определенно признаки поворота правительственной политики к реакции»¹⁵. Вместе с тем, Захарова подчеркивает, что попытка пересмотра трудов Редакционных комиссий, наметившаяся в докладе Панина от 26 февраля 1860 г., не соответствовала взглядам императора: «пересмотр проектов Редакционных комиссий грозит безземельным освобождением крестьян, а этого царь не мог допустить из страха перед возможностью крестьянского восстания»¹⁶. Это замечание проясняет поддержку императора положений Редакционных комиссий. После их закрытия 10 октября 1860 г. проекты комиссий поступили в Главный комитет по крестьянскому делу. Его председатель вел. кн. Константин Николаевич встречался с представителями оппозиции Редакционных комиссий. Как отмечает Захарова, «особенно много усилий было затрачено на Панина. Панина удалось оторвать от оппозиции в Главном комитете (в нее входили Гагарин, Долгоруков, Княжевич, Муравьев) и тем самым добиться большинства в один голос при голосовании по основным принципиальным положениям проектов Редакционных комиссий»¹⁷. Таким образом, под давлением Александра II в Главном комитете было достигнуто большинство, позволяющее принять проекты Редакционных комиссий по основным вопросам реформы.

Прусский посланник писал, что консервативное направление в комитете было представлено князем П. П. Гагариным. По его

---

¹⁵ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 202.

¹⁶ Там же. С. 206.

¹⁷ Там же. С. 222.

словам, проект Гагарина «меньше всего предусматривает вмешательство в существующие права собственности». Гагарин настаивал «лишь на личной свободе крепостных, все остальное он представляет свободной договоренности помещиков и крестьян».

Между этими крайними течениями Бисмарк располагал группу министра финансов действительного тайного советника А. М. Княжевича, министра государственных имуществ графа М. Н. Муравьева, шефа жандармов и начальника III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии князя В. А. Долгорукого. Эту группу прусский посланник относил к центристам. Они выступали против основного положения Редакционных комиссий — сохранения в пользовании крестьян наделов — и против принятых Комиссиями норм наделов и повинностей. Целью этой группы, по мнению Бисмарка, было устранение Редакционных комиссий как звена в механизме подготовки реформы с передачей решения вопроса о наделах и повинностях на места в Губернские по крестьянским делам присутствия. Основной целью являлось не допустить сохранения за крестьянами существующих наделов и оставить помещикам полное право распоряжаться всей земельной собственностью.

Бисмарк подчеркнул, что аристократия относилась к предложенным Редакционными комиссиями положениям с неприятием и симпатизировала высказываниям князя Гагарина.

Отмечая эти разногласия в Главном комитете, прусский посланник приходил к заключению: «опыт заседаний Главного комитета доказывает, что в этом вопросе, являющимся жизненно важным для многих голосующих, внимание к Высочайшему повелению остается решающим моментом».

В свойственной Бисмарку манере в донесении давалась острая характеристика предложениям князя Гагарина. Бисмарк писал, что за исключением нескольких членов Государственного Совета, немцев по происхождению, вряд ли найдется кто-то, кто «пожелал бы разделить славу независимых убеждений с князем Гагариным».

Все же не следует считать, что Бисмарк упрекал его. Наоборот, он ставил в заслугу князю умение держаться самостоятельно. Едко Бисмарк отзывался о тех, кто поменял свои убеждения

вслед за переменной взглядов императора. «Когда прошлой осенью (1860 г. — В. Д.) во взглядах императора произошла перемена в пользу интересов помещиков, — писал он Шлейницу, — члены Комитета последовали этой перемене так же быстро, как и затем вскоре последовавшему обратному повороту к либеральной тенденции».

Язвительно Бисмарк отзывался о царящих в Государственном Совете настроениях: «учитывая современное состояние дел, я не сомневаюсь, что для большинства членов Государственного Совета единственная трудность состоит лишь в том, чтобы полностью выяснить желание императора, так как Его Величество не позволяет вскользь высказывать свои воззрения. Как только они станут известны, дело останется за малым: безоговорочно к ним присоединиться»¹⁸. Отечественная историография позволяет критически отнестись к этому высказыванию Бисмарка. В своей монографии Л. Г. Захарова отмечает сложный характер дискуссий, проходивших в Государственном Совете с 23 января по 17 февраля 1861 г. Она подчеркнула, что «оппозиция не выдвинула своего контрпроекта, однако выступила против основных программных положений проектов Редакционных комиссий и оказалась в большинстве»¹⁹.

Тем временем, император стал на защиту положений Редакционных комиссий. Горчаков так передавал Бисмарку настроения императора: «Его Величество <...> объяснил, что уже слишком поздно, чтобы допускать точку зрения, щающую интересы дворянства»²⁰. Это также показано в монографии Л. Г. Захаровой: «по всем этим спорным вопросам, имеющим программный характер, Александр II утвердил мнение меньшинства Государственного Совета»²¹.

Бисмарк часто писал о влиянии, оказываемом на императора со стороны его ближайшего окружения. К сожалению, памятуя о перлюстрации, он не упоминал фамилии. В своих донесениях он

¹⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 14.

¹⁹ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. С. 227.

²⁰ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 14.

²¹ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. С. 228.

предполагал, что и в крестьянском вопросе на Александра II могло быть оказано определенное давление. В этой связи прусский посланник высоко ценил решительное поведение российского императора, свидетельствовавшее о твердости его характера.

С ходом реформы Бисмарк стал анализировать настроения, царящие в среде помещиков и крестьян, и различные взгляды на ход крестьянской реформы. Основное опасение помещиков, по его мнению, заключалось в том, «что крестьяне откажутся от проведения весенних работ, необходимых для обработки земли, и что вследствие этого не будут приготовлены продукты питания, необходимые для следующего года». Такое опасение обусловило предложение помещиков «передвинуть сроки опубликования новых законов на осень»²². Официально же помещики выдвигали это предложение для того, «чтобы за 8 зимних месяцев могли распространиться новые отношения»²³.

Время проведения крестьянской реформы прусский посланник считал беспокойным, указывая на опасения по поводу возможных беспорядков. Ревностный любитель охоты, Отто фон Бисмарк встречался с разными помещиками и мог составить себе представление об их настроениях относительно результатов преобразований. «Некоторые помещики, которых я знаю, и вероятно, многие, которых я не знаю, — писал прусский дипломат в Берлин, — считают необходимым обезопасить свои семьи и драгоценности, имея в виду защиту своих домов посредством приобретения оружия и боеприпасов». Однако подобного рода шаги предпринимали не только отдельные помещики. Бисмарк писал о мерах предосторожности даже в столице Российской империи: «как я слышал, между Военным министерством и Министерством внутренних дел в отношении Петербурга состоялась договоренность по плану, согласно которому самые важные и богатые части города должны быть защищены в случае необходимости»²⁴.

Следующая фраза из его сообщения вполне может характеризовать настроения жителей Петербурга: «верно ли то, что богатые

---

²² Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 15.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

коммерсанты арендовали пароходы на лето, чтобы защитить свое лучшее имущество и в любое время убежать, я должен оставить это открытым. То, что об этом рассказывают и в это верят, во всяком случае — симптом всеобщего чувства опасности»²⁵. Подтверждением этой информации служат мемуары Милютина. В них сказано, что «были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск, в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила»²⁶.

Завершалось донесение в Берлин довольно мрачным, но очень важным заключением, цитату из которого следует привести полностью: «Если представить себе, что все удельное и помещичье крестьянство недовольно своим положением и питает преувеличенные надежды относительно предстоящего улучшения; что все дворянство открыто выставляет напоказ злобу от задуманного вмешательства в свое и без того расшатанное имущественное положение; и что здесь больше чем в других странах людей, которые систематически работают над переворотом политической стабильности, то нет всех оснований отрицать мрачные предсказания о ближайшем будущем страны, которые являются постоянной темой дня в обществе»²⁷.

Согласно донесениям Бисмарка за февраль 1861 г., дата публикации Манифеста постоянно переносилась. Он обосновывал это растущими опасениями в обществе: «Здесь бояться назначить обнародование (Манифеста — В. Д.) на время, когда население и без этого будет взбудоражено обильным потреблением водки по случаю последнего дня масленицы»²⁸. В связи с этим, расхожим стало мнение о переносе дня опубликования Манифеста на вторую неделю Великого Поста, приблизительно, на 14 (26) марта. В действительности же, Манифест об освобождении крестьян и «Положения» были подписаны 19 февраля 1861 г., в день 6-й годовщины восшествия Александра II на престол. Обнародование Манифеста и «Положений» проходило в течение месяца — с 5 марта в Санкт-Петербурге и Москве по 2 апреля на местах.

²⁵ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 15–16.

²⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 63.

²⁷ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // DpB. Bd. II. S. 16.

²⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 25. II. 1861 // DpB. Bd. II. S. 23.

В донесении 25 февраля Бисмарк пробовал рассмотреть центральный вопрос крестьянской реформы — вопрос о земле. Он писал, что «на каждую душу мужского пола в зависимости от качества земли будет даваться 2–4 десятины земли вместе с крестьянской усадьбой». При этом закон предусматривал до перехода крестьян на выкуп, т. е. на период временнообязанного состояния, отбывание ими повинностей, которые посланник на прусский манер называл *Hilfsdienste* — вспомогательной службой. Кроме того, крестьяне «обязаны брать на себя соответствующую часть долгового обязательства поместья». Вместе с тем нашло место и предложение князя П. П. Гагарина «считать в качестве компенсации незначительную часть землевладения, которая досталась крестьянам свободной от всех повинностей»²⁹. Вероятно, Бисмарк имел в виду получение крестьянами земли «в дар».

В этом донесении вновь повторяется мысль о том, что ограничение крестьян в передвижении может послужить основой для новых волнений. Бисмарк писал, что «подобная обстановка при здешних отношениях сохранит крестьян в зависимости от мелких и подхалимских чиновников, чье давление мало будет отличаться от давления крепостничества»³⁰.

Окончание донесения Бисмарка также весьма интересно. Прусский посланник сообщал о том, что во время прогулок императора Александра II «собираются толпы людей, которые встречают императора возгласами одобрения», и заключает, что «здесь, в Петербурге, у массы населения отсутствуют те настроения и мотивы, которые позволили бы возможным подстрекателям волнения черпать шанс на его успех»³¹.

В письме 13 марта 1861 г. Шлейницу Бисмарк писал о 42 флигель-адъютантах царской свиты, направленных в губернии для оглашения «воли» императора. Задачей этих посланников, по словам Бисмарка, являлось объяснять и устранять от имени Александра II «непонимания в отношении интерпретации императорских объявлений»³².

---

²⁹ Bismarck an Minister von Schleinitz. 25. II. 1861 // DpB. Bd. II. S. 23.

³⁰ Ibid. S. 24.

³¹ Ibid.

³² Bismarck an Minister von Schleinitz. 13. III. 1861 // DpB. S. 40.

Прусский посланник полагал, что такая мера имела двоякое значение. По его мнению, флигель-адъютанты в силу своей молодости не знали положение дел настолько, чтобы взять на себя всю тяжесть этой миссии. Однако польза от их деятельности заключалась в том, что крестьяне получали разъяснения, «непосредственно исходящие от императора»³³, и поэтому представляющие для них неоспоримое значение. Этому способствовали и полномочия флигель-адъютантов: в их подчинении находились местные власти и расположенные в губерниях войска.

Следующее донесение Бисмарка, главной темой которого было проведение крестьянской реформы, датируется 14 апреля 1861 г.³⁴, когда царский манифест уже стал известен в российском обществе. Это донесение показывает первые оценки «Положений» в среде крестьян и содержит собственные комментарии прусского посланника по ходу реформы. Он писал о том, что из губерний в Петербург поступает большое количество «сообщений неутешительного содержания, которые, по возможности, сохраняются в тайне». Причину такого недовольства он видел в том, что русский крестьянин с надеждой ожидал «получение бо́льшей независимости от произвола местных чиновников», нежели прибавку земли или сиюминутное освобождение от несения повинностей. Бисмарк полагал, что крестьяне были обмануты.

Бисмарк в немногих словах четко выражал свое отношение к проводимой в России крестьянской реформе: «пока им (крестьянам — В. Д.) не будет предоставлена свобода перемещения, и они останутся зависимыми от клочков земли, для них не будет никакого различия в том: находиться ли в личной зависимости от помещичьих или государственных чиновников».

Из этого следует, что Бисмарк считал самым важным в реформе 1861 г. предоставление крестьянам свободы. Со введением временнообязанного положения крестьяне продолжали нести барщину и платить оброк. Можно предположить, что, в понимании Бисмарка, сохранение этих повинностей и ограничивало фактическую сво-

³³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 13. III. 1861 // DpB. S. 40.

³⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 14. IV. 1861 // DpB. S. 75–76.

боду крестьян и фактическое право их свободного передвижения. Это, как считал Бисмарк, мешало отходничеству, по его мнению, важному источнику дохода крестьянского хозяйства. Вместе с тем, складывается впечатление, что Бисмарк не до конца осознал всю важность происходивших событий и значение крестьянской реформы для истории России. Находившиеся в течение столетий в крепостной зависимости от помещиков крестьяне получали личную свободу, и ограничение крестьян в передвижении, что особенно критиковал Бисмарк, носило лишь временных характер.

Прусский посланник предполагал, что теперь чиновники «будут использовать чрезмерную полноту власти для шантажа» крестьян, из чего он делал вывод, что раньше крестьянин был больше защищен от таких притеснений. В донесении Шлейницу Бисмарк привел в подтверждение своих слов несколько примеров. Он писал о том, что содержание «Положений» не всегда оценивалось правильно крестьянами. Так, например, бывшие крепостные князя П. П. Гагарина в Ярославской губернии отказались от несения всех повинностей сразу после ознакомления с положениями манифеста. Однако, сообщает дальше Бисмарк, после того, как крестьяне разобрались в сущности реформы, сразу же к князю была послана депутация, которая «обещала возмещение ущерба, просила их простить и причислить³⁵ их (крестьян — В. Д.) вновь к разряду крепостных, причем даже не на 2 следующих года, но навечно».

Подобная депутация прибыла к князю Вяземскому. Крестьяне просили его «защитить их от несчастного статуса удельных крестьян и объяснили, что утешение и надежду они видят в том, что в течение двух лет останутся жить по-старому».

Заканчивая свое сообщение, Бисмарк перечислял ряд губерний, в которых зафиксировано наибольшее количество беспорядков: губернии Санкт-Петербургская и Витебская, генерал-губернаторства Киевское и Виленское. Прусский посланник писал, что говорящие на латышском языке крестьяне отнеслись с недоверием к публикации текста «Положений» на русском языке.

---

³⁵ Бисмарк употребляет даже русское слово, правда в немецкой транскрипции: «ukrepiť»

ке и отправили депутацию в Ригу, чтобы получить их перевод на латышский. О том, насколько положение в деревне было напряжено, говорят меры местной администрации, направленные против общины, пославшей эту депутацию. Бисмарк писал, что обстоятельство с депутацией посчитали достаточным, чтобы обложить общину штрафом, оказать на нее определенный нажим, и для осуществления этих мер направить в деревню воинские части.

История с этой депутацией продолжилась в донесении Бисмарка 21 апреля 1861 г. В нем прусский посланник показал роль флигель-адъютантов в губерниях на примере обер-лейтенанта Веймарна, действующего в Витебской губернии. Деревня тех крестьян, которые отправили депутацию в Ригу, была занята солдатами, а сами крестьяне подверглись телесным наказаниям, в чем принимал участие и сам Веймарн. Выполнив «дневную норму в 7 тыс. ударов (по 200 ударов каждому из 35 крестьян), Веймарн <...> вследствие собственного истощения был вынужден подкрепиться и отдохнуть»³⁶. Через некоторое время значительное число крестьян этой деревни было посажено в тюрьму.

Довольно жесткое обращение с крестьянами, вызванное их законным правом ознакомиться с «Положениями» на своем родном языке, Бисмарк, бесспорно, осуждал. Однако действия флигель-адъютанта не считал беспочвенными. В конце донесения прусский посланник писал, что Веймарн задержал в Витебске польского эмиссара с «бунтовской прокламацией к крестьянам»³⁷. Можно лишь предположить, что в свете этого Веймарн оценил депутацию крестьян как проявление скрытого мятежа, могущего вылиться в движение неповиновения, да еще и с оттенком национального вопроса. Примечателен тот факт, что Веймарн в скором времени отправился в Петербург для разрешения участи заключенных крестьян. Тайная же цель его миссии, как сообщал Бисмарк, состояла в получении рекомендаций относительно борьбы с влиянием польских событий на население губернии.

³⁶ Bismarck an Minister von Schleinitz. 21. IV. 1861 // DpB. Bd. II. S. 86.

³⁷ Ibid. 87.

После возвращения в Петербург из Германии в начале ноября 1861 г. Бисмарк посвятил свое первое донесение новому министру иностранных дел Пруссии графу Бернstorffу³⁸ крестьянскому вопросу. Бисмарк признался в том, что «гораздо сложнее чем польский вопрос — вопрос крестьянский». Он передавал надежды крестьян, которые «вообразили себе, что окончание временнообязанного состояния (1863) предоставило бы им новые и в действительности недостижимые преимущества»³⁹. Бисмарк тем самым косвенно вновь подчеркнул свое мнение о том, что крестьяне не получили всего того, на что надеялись, а то, что получили, не соответствовало их ожиданиям. Прусский дипломат все же полагал, что недовольство крестьян не выльется в народное восстание. Залог сохранения общественного спокойствия Бисмарк видел в сильной власти императора Александра II: «Я не сомневаюсь в том, что укоренившийся авторитет императора сможет одолеть все движения в крестьянском сословии». Следует обратить внимание на то, что употребленное Бисмарком причастие «укоренившийся» в немецком языке происходит от глагола «festwurzeln» и имеет значение «пускать корни», «укореняться». Оттенок употребляемого Бисмарком глагола очень важен для понимания того, как прусский посланник характеризовал отношение крестьян к авторитету императора Александра II.

Лишь в одном из своих донесений в Берлин Бисмарк передал беседу с императором Александром II, на которой затрагивался крестьянский вопрос. Это очень важное донесение Вильгельму I 10 ноября 1861 г.⁴⁰, в котором речь шла о состоявшейся аудиенции у российского императора.

Бисмарк дословно передал в Берлин важные слова Александра II: «моим намерением является улучшение положения крестьян. Лишь Господь знает, куда бы мы вообще пришли с проблемой крестьян и помещиков, если бы авторитет императора более не был бы достаточным». Император, по мнению прусского посланника,

---

³⁸ Bismarck an Minister von Bernstorff. 5. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 119.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 124–132.

рассчитывал на поддержку своих реформ самими крестьянами и заранее предупреждал, что будет противником, если тесное взаимодействие самодержавной власти и крестьянства разрушится посредством своевольных трактовок «Положений» на местах. К сожалению, Бисмарк больше не сообщал о своих разговорах с императором относительно хода крестьянской реформы.

Свое последнее донесение, в котором затрагивался крестьянский вопрос, прусский посланник отправил в Берлин 16 января 1862 г.⁴¹ Общий тон этого сообщения весьма неутешителен. Бисмарк отмечал, что новые отношения между крестьянином и помещиком еще не выстроились, поскольку крестьяне ожидали дальнейших уступок со стороны императора. Тем не менее, он положительно отзывался о том, что в течение зимы сколько-нибудь серьезных крестьянских возмущений не было, объясняя это, правда, тем, что зимой объем сельскохозяйственных работ становился меньше, и «не было предпосылок к каким-либо ссорам».

Бисмарк с тревогой отзывался об отсутствии серьезной полицейской власти на местах, что, согласно его представлениям, означало отсутствие порядка. Такие выводы он делал из личных наблюдений. Любовь Бисмарка к охоте заставляла его путешествовать и знакомиться в частности, как с помещиками, так и с простыми крестьянами. За составление этого сообщения он взялся срезуб же по возвращении с очередной охоты. Он сослался на «собственное пребывание за городом, которое и убедило» его в вышеуказанных выводах.

Прусский посланник нелестно характеризовал переходный период организации новой администрации в деревне. Он писал, что «помещичья полиция и институты, отвечающие за исполнение наказаний, упразднены <...> Правительство, однако, под именем мировой посредник назначило новых чиновников». В донесении Бисмарк дает это русское название в немецкой транскрипции «mirovjji posrednik» и очень точно переводит его на немецкий язык: «der Friedensvermittler»⁴². В некотором смысле Бисмарк был прав, увидев в мировом посреднике «нового чиновника». Это допущение

⁴¹ Bismarck an Minister von Bernstorff. 16. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 163–164.

⁴² der Frieden — мир, согласие; der Vermittler — посредник.

возможно, если принять во внимание тот факт, что несмотря на принадлежность посредника к дворянскому сословию, эта «должность учреждалась как выборная и оплачиваемая»⁴³.

Все же значение института мировых посредников было гораздо глубже, нежели заметил Бисмарк. В письме графу Бернstorфу 16 января 1862 г. он только отмечал, что мировые посредники имеют право подвергать телесному наказанию провинившихся.

Н. М. Дружинин писал, что «Положения 19 февраля 1861 г. рассматривали мировых посредников как судебно-административную инстанцию, которая призвана примирять интересы дворянского и крестьянского сословий в ходе практического применения реформы»⁴⁴. В своей монографии Л. Г. Захарова доказывала, что институт мировых посредников «являлся основным звеном реализации реформы 1861 г.»⁴⁵. Вместе с тем это был пробный шаг на пути предстоящих преобразований в области местного управления и суда. Мировые посредники должны были «оградить вновь созданное крестьянское общественное управление от недавнего вотчинника, в противовес многим Губернским комитетам, которые стремились сохранить вотчинную власть»⁴⁶. В перспективе допускалось и превращение мировых посредников в мировой суд, общий для всех сословий.

В своих воспоминаниях член Государственного совета сенатор Ф. Г. Тернер писал: «мировые посредники, I-го призыва, в памяти всех оказываются окруженными каким-то особенным ореолом, совершенно выделяющим их из круга служебных деятелей всех времен. Сознание высоты возложенных на них обязанностей подняло их духовно и как бы совершенно преобразовало их характер»⁴⁷.

К сожалению, Бисмарк не писал о значении этого нового и такого важного института для пореформенной деревни, обращая лишь внимание на частные детали: «Их (мировых посредников — В. Д.)

---

⁴³ *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л., 1972. С. 26.

⁴⁴ *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 31.

⁴⁵ *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М. 1984. С. 214.

⁴⁶ Там же. С. 216.

⁴⁷ *Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни. Спб., 1910–1911. С. 198–199.

число и размещение недостаточно, и кроме них существуют старшие власти весьма обширного района в лице предводителя дворянства и капитана исправника». Яркую характеристику Бисмарк дал собирательному образу капитана исправника, «угнетаемого районными секретарями, преданного пьянству и склонному к взятке».

Можно предположить, что Бисмарк не обратил специально свое внимание или просто не понял значение института мировых посредников, призванного проводить правительственную линию с учетом государственных интересов. Не исключено и другое объяснение: в своем донесении в Берлин он мог обратить внимание не столько на значение этого института, сколько на его функционирование на местах, одним словом, на то, как происходило осуществление реформы. Из этого донесения складывается впечатление, что Бисмарк не понимал, как можно было проводить реформу при малочисленности и нехватке административных кадров на местах, неподготовленности одного из ключевых факторов успеха проводимых преобразований. Возможно, также, он не обратил своего внимания на то, что институт мировых посредников создавался одновременно с проведением крестьянской реформы, вследствие чего и говорил о его неподготовленности. Прусский посланник делился с Бернсторфом еще одним своим свежим впечатлением, приобретенным во время путешествия по Петербургской губернии: «Даже здесь, в относительно населенной и оснащенной фабричной индустрией окрестности Петербурга, я нашел населенные пункты, жители которых должны ехать семь немецких миль по негодной дороге, для того, чтобы добраться до своих местных полицейских властей, которые нигде не имеют своего заместителя и осуществляют свою деятельность на территории в 60 миль»⁴⁸. Бисмарк недоумевал, задаваясь вопросом: если такое состояние дел даже в населенной Петербургской губернии, что же говорить о других губерниях России? Информация о малочисленности мировых посредников, переданная Бисмарком, подтверждается и в отечественной историографии. Ссылаясь на архивные материалы, Н. М. Дружинин писал:

---

⁴⁸ Bismarck an Minister von Bernstorff. 16. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 163.

«очень скоро выяснилось, что в ряде губерний, и даже в некоторых уездах нечерноземного центра, не хватает подходящих кандидатов на должности мировых посредников из среды местного дворянства. Уже в мае 1861 г. начальникам Вятской, Вологодской, Олонецкой, Астраханской, Оренбургской и даже Казанской губерний было разрешено не только сокращать число мировых участков, но и назначать посредниками местных чиновников»⁴⁹.

Этот недостаток также устранялся путем избрания общинных старост, фактически следивших, по словам Бисмарка, за исполнением полицейских функций. Большой недостаток этого института, по его мнению, заключался в том, что «незначительные преступления, особенно в отношении собственности, наказываются этой крестьянской полицией неизмеримо жестко и произвольно»⁵⁰. Из этого можно заключить, что Бисмарк также не до конца понял основные цели введения крестьянского самоуправления в деревне. Прусский посланник ограничивал сферу деятельности сельского схода полицейскими функциями, в то время как в его полномочия входили также вопросы землепользования, распределения земских и государственных повинностей. Помимо этого, в задачи сельских старост, равно как и волостных старшин, входило исполнение административно-хозяйственных функций, а на волостном сходе решались вопросы, связанные с рекрутской повинностью. Бисмарк также не писал о двухступенчатой структуре крестьянского самоуправления в деревне: сельских и волостных органах управления. Вследствие этого, из его донесений создается более упрощенное понимание целей и задач введения крестьянского самоуправления в деревне, предусмотренного крестьянской реформой 1861 г.

Основную причину сохранения спокойствия в деревне Бисмарк видел в поведении самих крестьян. Он писал: «то, что скверные эксцессы не происходят, говорит в пользу здорового сознания деревенского населения»⁵¹. Весьма справедливым был его риториче-

⁴⁹ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. С. 32.

⁵⁰ Bismarck an Minister von Bernstorff. 16. I. 1862 // ДрВ. Bd. II. S. 164.

⁵¹ Ibid.

ский вопрос о возможности местной администрации, до которой необходимо добираться 7 верст, да еще не известно, застанешь ли ее на месте, пресечь на корню народное возмущение? Для наведения порядка, безусловно, можно было применить силу, использовать воинские части, как это сделал оберлейтенант Веймарн в Витебской губернии. Однако Бисмарк говорил не о мерах к усмирению возмущения крестьян, а о том, чтобы мирно разрешать спор между крестьянином и помещиком и тем самым не доводить этот спор до открытого выступления крестьян и применения вооруженной силы. Бисмарк с грустью сообщал в Берлин, что в результате волнений в Екатеринославской губернии «более 140 крестьян осталось лежать на земле после неоднократных залпов картечью»⁵².

Прусский посланник считал низшее звено чиновничьего аппарата основным, поскольку их работа способствовала разъяснению споров, усмирению всякого недовольства, а, следовательно, спокойствию деревни. Формирование администрации на местах, согласно его мнению, должно было стать главной задачей правительства в самом начале осуществления крестьянской реформы. У Бисмарка сложилось впечатление, что объявляя о важности этой задачи, царское правительство ставило ее на второй план. Строки из его писем показывают неподдельное беспокойство Бисмарка ходом реформы. Складывается впечатление, что, считая крестьянское сословие фундаментом империи, он хотел бы видеть его в результате реформы сильным, верным и преданным самодержцу⁵³.

Бисмарк полагал, что крестьянское сословие обеспечивало внутренне спокойствие в империи и могло противостоять революционным влияниям. Он многократно подчеркивал в сообщениях в Берлин, что уже в начале 60-х годов польские эмиссары пытались использовать крестьянский вопрос в своих целях. В донесении 12 марта 1861 г. он писал: «здесь (в Петербурге — В. Д.) боятся, как бы не была предпринята попытка использовать социальный вопрос крепостных отношений для агитации»⁵⁴, причем боялись этой агитации

⁵² Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 32.

⁵³ Bismarck an Minister von Schleinitz. 18. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 15.

⁵⁴ Bismarck an Minister von Schleinitz. 12. III. 1861 // DpB. Bd. II. S. 30.

не только в самом Царстве Польском, но и за его пределами. Бисмарк опасался того, что вследствие слабости царской администрации в деревне революционная агитация может иметь успех. Он отмечал: «то, что в течение почти года (1861 г. — В. Д.) правительство не ввело временную организацию вместо упраздненных полицейских властей, — доказательство неповоротливости, с которой продвигаются законодательные работы»⁵⁵. В этом он считал «ошибку, которую совершили тем, что одновременно с отменой крепостного права проводили полное преобразование полицейской организации»⁵⁶.

В целом, Бисмарка тревожила перспектива нерешенного крестьянского вопроса в России. Он предсказывал стране трагические события: «по мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны»⁵⁷. Через 56 лет русская революция доказала правоту слов прусского дипломата.

***

Донесения Бисмарка, рассмотренные в этой главе и впервые введенные в научный оборот, представляют большой интерес для исследования крестьянской реформы в восприятии представителя зарубежного государства.

В результате можно сделать следующие выводы. Бисмарк был достаточно осведомлен о ходе крестьянской реформы. Он узнавал всю информацию об этом из разговоров с рядовыми чиновниками и государственными деятелями. В его донесениях содержится упоминание о личной беседе с Александром II, на которой была затронута эта тема. Кроме того, во время своих путешествий и охоты прусский посланник знакомился с помещиками, составлял представление о жизни российского крестьянства, наблюдал за тем, какое влияние оказывают крестьянские преобразования на жизнь деревни.

---

⁵⁵ Bismarck an Minister von Bernstorff. 16. I. 1862 // DpB. Bd. II. S. 164.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. S. 130.

Исследуемые материалы показывают, что Бисмарк видел в крестьянстве основу общественного устройства России и крепкую опору императора, взявшего курс на проведение преобразований в государстве.

Он положительно отзывался о целях крестьянской реформы, главная из которых, по его мнению, заключалась в предоставлении крестьянину личной свободы. В своих письмах он говорил о влиянии крестьянской реформы на укрепление международных позиций России. Улучшение земельных отношений и правового положения крестьянства в ходе реформы, по мысли Бисмарка, должно было способствовать укреплению веры в императора и росту экономического потенциала государства. Сильная в своей внутренней политике, Россия должна была испытать экономический подъем. Рост экономики и улучшение финансовой ситуации, как полагал Бисмарк, обеспечили бы успех проведению крупной военной реформы. Имея первоклассную армию и флот, у России могла появиться реальная возможность заявить о восстановлении своего могущества в международных отношениях после Крымской войны. Таким образом, крестьянская реформа, по словам Бисмарка, должна была стать определенным толчком в процессе выхода России из международной изоляции.

В организации и проведении реформы главную роль, по оценке Бисмарка, играл Александр II. В одном из первых петербургских донесений говорилось, что эта реформа «исходила из его сердца». Прусский посланник высоко ценил в императоре твердость его характера, проявившуюся в этот момент в том, что, несмотря на оказываемое на него давление, он поддержал проект Редакционных комиссий⁵⁸. В своих исследованиях Л. Г. Захарова неоднократно подчеркивала, что Александр II, руководствуясь государственным интересам России, считал отмену крепостного права необходимой⁵⁹.

Положительно оценивая планы императора и саму цель крестьянской реформы, прусский дипломат скептически отзывался о ее прове-

⁵⁸ Bismarck an Minister von Schleinitz. 28. I. 1861 // ДрВ. Bd. II. S. 13–16.

⁵⁹ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М. 1984. С. 227; Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. М., 2005. № 2. С. 185.

дении. В его донесениях нет больших рассуждений о размерах земельных наделов, которые крестьяне получили по результатам реформы. Для Бисмарка, как для европейца, существенным было понятие личной свободы, которую юридически должны были получить крестьяне. Находясь в России, он пришел к выводу, что главной особенностью российского сельского хозяйства является отходничество. Учитывая особые природные условия, когда период холодов продолжался 8 месяцев, Бисмарк отводил институту отходничества значительное место в жизни деревни. Прусский посланник видел во временнообязанном положении крестьян существенное ограничение их свободы и права передвижения, что вредило отходничеству. Таким образом, он полагал, что крестьяне не получили желаемую полную свободу по реформе 1861 г., поскольку должны были продолжать нести барщину и платить оброк. Вместе с тем, складывается впечатление, что Бисмарк не до конца понял значение крестьянской реформы 1861 г. для истории России, важность обретения свободы крестьянами, которые в течение многих веков находились в зависимости у помещиков.

По поводу административного аппарата в деревне прусский посланник составил свое, во многом неутешительное мнение. Медлительность царского правительства в таком важном деле как формирование новой системы администрации в деревне, по мнению Бисмарка, была весьма опасной.

Упразднение старых полицейских институтов, слабость, а иногда и отсутствие новых учреждений создавало вакуум, в который мог хлынуть поток революционных идей, чего так боялся Бисмарк. В этом случае он предсказывал ослабление авторитета самодержца в крестьянском сословии, что вслед за собой вело к потере императором надежной опоры в лице крестьянства при осуществлении задуманных им дальнейших преобразований. Такой поворот событий мог привести к нарушению общественного порядка и народному восстанию, «кровавой и убийственной крестьянской войне»⁶⁰, как писал прусский дипломат.

---

⁶⁰ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 126.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основу настоящей книги легли материалы петербургской миссии Отто фон Бисмарка, ранее неизученные в отечественной и зарубежной историографии. Впервые была проанализирована информация прусского дипломата о России, содержащаяся в его личных и официальных документах, беседах и воспоминаниях. Несмотря на наличие в исторической науке ряда исследований, в которых рассматривалась петербургская миссия Бисмарка, впервые проводимое комплексное изучение новых источников позволило поставить ряд интересных, ранее неисследованных исторических проблем. Тщательный анализ широкого круга исторических свидетельств и документов сделал возможным представить наиболее полно картину восприятия Бисмарком России в ключевой для нее период истории конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в.

В ходе исследования были достигнуты следующие выводы.

В период петербургской миссии Бисмарк с постоянным вниманием следил за международными инициативами России, ее внешнеполитическим курсом и внутренней политикой. Его высказывания и наблюдения позволяют сделать вывод о ключевой роли, которую играла Россия в его планах.

Находясь в Петербурге, Бисмарк отмечал, что главная задача МИД России заключалась в выводе страны из международной изоляции и отмене ограничительных статей Парижского мира. Он прекрасно понимал, что та европейская держава, которая поможет России в решении этой государственной задачи, обретет для себя в ответ преданного союзника, поскольку Бисмарк оценивал внешнюю политику России категориями «открытость», «верность союзникам», «отрицание политики двойных стандартов».

Исходя из этой точки зрения, Бисмарк понимал, что союз России и Франции в рамках тайного соглашения 3 марта 1859 г., будет непрочным. По его мнению, Франция в отношениях с Россией корыстно использовала восточный вопрос в своих целях: обещая

помочь с отменой парижских ограничительных статей, она лишь переманивала на свою сторону Россию для решения исключительно своих внешнеполитических целей, оказывать реальную же помощь она и не собиралась, что и подтвердилось дальнейшим ходом международных отношений.

По мнению Бисмарка, Россия и Франция шли совершенно противоположными дорогами и в оценке национального вопроса. Поддержанное Наполеоном III право наций на самоопределение шло вразрез с российской политикой управления окраинными землями. Это право наций стало стратегическим оружием лишь Франции в борьбе за роль суперарбитра в Европе. После разгрома России в Крымской войне главным конкурентом Франции в Европе оставалась лишь Австрийская империя, и лишь с целью ее ослабления Наполеон III поддерживал национальный вопрос в Италии. Французское предложение о создании итальянских, венгерских и польских легионов для борьбы с Австрией Россия, по мнению Бисмарка, никак не могла принять, поскольку это автоматически ставило перед ней польскую проблему. Бисмарк считал, что Петербург стал перед нелегким выбором: отклонить политику Наполеона III, чтобы отстоять свое право владения Царством Польским или сохранить дружественные отношения с Францией и допустить увеличение автономии Польши с перспективой провозглашения ее независимости. Бисмарк был убежден, что последний путь для России был неприемлем, а в целом, что ориентация на Францию противоречила государственным интересам самой России.

Пытаясь привести политику Наполеона III в рамки европейской законности, Александр II летом 1859 г. высказал идею о создании альянса между Россией, Пруссией и Францией. Благодаря петербургской корреспонденции Бисмарка эта информация выявлена в историографии впервые. Однако такой союз был невозможным в силу многовекового противостояния Франции и Пруссии. Изучаемые в монографии документы позволили сделать вывод о том, что внешнеполитический курс Александра II стал отходить от ориентации на Францию не во время Польского восстания 1863–1864 гг., но

значительно раньше: после окончания Итальянской войны 1859 г., что также показано в историографии впервые. В своих донесениях Бисмарк доказывал, что опора на Францию была свойственна политике Горчакова, император же, наоборот, выступал за сближение с Прусским королевством. Существующие между Петербургом и Берлином родственные связи, их схожие внутри- и внешнеполитические задачи, борьба России и Пруссии с опасностью распространения революции в Европе и недопущение эскалации польского вопроса, — все это, по мысли Бисмарка, склонило Александра II к выбору прусского направления внешней политики.

Петербургская корреспонденция демонстрирует полное изменение Александром II проводимой Николаем I политики в германском вопросе. После Крымской войны поддержка Россией Австрии была недопустимой. Бисмарк особо подчеркивал, что теперь Россия делала ставку на Пруссию. Несмотря на то, что политика «Новой эры» Вильгельма предусматривала выстраивание тесных отношений с Австрией и Англией, Бисмарк продолжал считать главным внешнеполитическим союзником Россию. Благодаря своему назначению на второстепенный, как в то время думали в Берлине, пост в Петербурге Бисмарк приложил все усилия для улучшения положительного образа Пруссии в Петербурге, что, в конечном итоге, способствовало укреплению связей между двумя государствами.

Можно сделать вывод, что, рассуждая о Франции, России и Пруссии, Бисмарк руководствовался двумя причинами. *Субъективно-прагматическая* заключалась в его стремлении к превосходству Пруссии в Германии. Учитывая международные реалии, Бисмарк прекрасно понимал, что ни Франция, ни Австрия добровольно на это никогда бы не пошли. Достижение этой цели было невероятно при существовании русско-французского союза, приближение к ней представлялось возможным, имея на своей стороне сильную поддержку со стороны России. Опасность соглашения между Петербургом и Парижем таилась для Пруссии, по мнению Бисмарка, также в польском вопросе. Либеральная политика царской администрации в управлении Царством Польским, что соответствовало планам Наполеона III, грозила предоставлением польским землям

широкой автономии. В перспективе Бисмарку рисовалась страшная картина восстановления независимой Польши, что нарушало территориальную целостность Пруссии и восстанавливало на ее границах опасного противника. Еще в 1854 г. он писал: «независимая Польша только тогда перестанет быть решительным врагом Пруссии, когда мы пожертвуем для ее приданого те земли, без которых вообще не сможем существовать: земли по нижней Висле, Познань и все, что говорит в Силезии по-польски. Но даже и в этом случае мы бы не смогли быть уверены в мире с ними, возникни у нас затруднительное положение»¹. Эта точка зрения оставалась у Бисмарка неизменной.

Объективная причина заключалась в том, что, находясь в Петербурге, Бисмарк пришел к выводу о противоречии политики Франции государственным интересам России. Бисмарк отмечал, что основное внимание Александра II было уделено проведению внутренних преобразований в России, и для этого он стремился к сохранению мира на континенте. Международный курс Наполеона III, по мнению Бисмарка, наоборот вел к увеличению напряженности в Европе, что противоречило государственной политике России. По глубокому убеждению Бисмарка, на рубеже 50-х — 60-х гг. XIX в. между Россией и Пруссией не было спорных вопросов, и два государства в стратегическом плане могли объединить свои усилия в борьбе с национальной политикой Наполеона III и угрозой распространения революции. Важной задачей было преодоление внутренней оппозиции этому союзу в России и Пруссии.

Тем не менее, было бы неверным считать Бисмарка русофилом. Еще накануне своей петербургской миссии он однажды написал: «на вопрос, я — за русских или западные державы, я всегда отвечал — за Пруссиков, и мой идеал во внешней политике — свобода от предубеждений и независимость от симпатий или антипатий по отношению к иностранным государствам и их правителям. Я с одинаковым удовлетворением буду смотреть на наши войска, сражающиеся против французов, русских, англичан или австрийцев, как

---

¹ Bismarck an Minister von Manteuffel. 23. II. 1854 // GW. Bd. I. S. 430.

только мне докажут, что это находится в интересах здоровой и хорошо продуманной политики Пруссии»².

Высказывания Бисмарка о необходимости поддержки международной политики России не свидетельствовали о его личных симпатиях, но подтверждали его основной принцип необходимости подчинения своих личных представлений государственным интересам в ответственном деле управления державой.

Петербургская корреспонденция доказывает, что Бисмарк признавал не только высокие международные позиции России, но также и ее внутренний потенциал. В монографии были проанализированы документы, передающие его восприятие внутренней политики империи. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии эти материалы ранее не исследовались, что привлекает повышенный интерес к содержащейся в них информации.

Одной из основных проблем, к которой постоянно возвращался Бисмарк, являлся польский вопрос. Прусский дипломат прекрасно понимал, что многое в этом столкновении интересов будет зависеть политики Петербурга в управлении национальными окраинами империи. Драматическая судьба славянского противостояния в Восточной Европе не была безразличной Пруссии, принявшей и на себя ответственность в этом споре в виде отошедших к ней польских земель.

Помимо международного значения польского вопроса Бисмарк пристально следил за его влиянием на внутреннюю политику империи. По его неизменному представлению, в управлении польскими землями необходима была твердая и жесткая политика, отсутствовавшая у царской администрации в силу часто менявшихся наместников после смерти И. Ф. Паскевича. Будучи сторонником германизации польских областей, принадлежавших Пруссии, он считал подобный вариант усмирения польской элиты подходящим и для Царства Польского. Бисмарк критически относился к политике маркиза Велепольского, считая его уверения в том, что Польша станет важным центром движения панславизма, лишь прикрыти-

---

² Bismarck an Gerlach. 10. V. 1857 // GW. Bd. XIV. Teil. I. S. 469; см. также: *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 241.

ем его истинных целей, заключавшихся в предоставлении Польше больших свобод. Петербург, по его мнению, не обладал ясной картиной происходящего в крае, поскольку даже император не был осведомлен об успехе польской агитации в западных землях империи, что стало известно в ходе аудиенции в ноябре 1861 г. В разговорах с Александром II Бисмарк подчеркивал опасность обострения национальных требований поляков во время проведения крестьянской реформы и передавал в своих письмах в Берлин опасения Петербурга по этому поводу.

В петербургской корреспонденции были отражены свидетельства Бисмарка о важном событии в истории России: отмене крепостного права. Он обращал внимание Берлина на то, что решение этой проблемы — отправная точка восстановления экономики государства. Укрепление финансовой системы, по его мнению, позволило бы провести продуманную военную реформу, благодаря которой Россия могла приступить к восстановлению своего положения в международной политике, ослабленного в связи с Крымской войной.

Бесспорно, Бисмарк положительно оценивал цель и перспективы реформы, однако о ее проведении и первых результатах отзывался, к сожалению, скептически. Наблюдая за сельскохозяйственным циклом в России, он пришел к убеждению, что ключевая роль в экономике деревни принадлежала отходничеству. Сохранение ограничения в передвижении крестьян, по мнению Бисмарка, негативно сказывалось на ходе крестьянской реформы и развитии экономики в целом. Он обращал внимание на переходный период в формировании новой администрации в деревне и критиковал «неповоротливость», даже неподготовленность правительством этого важного элемента в механизме реформы. Прусский дипломат особо отмечал реформаторскую деятельность Александра II, подчеркивая, что внутренние преобразования «исходили из его сердца». Вместе с тем, в своих донесениях он писал о критике преобразований царя среди представителей высшего общества, их недовольстве реформой, расшатывающей многовековые устои, сомнениях в успешности начатого императором дела.

Такие сведения были известны Бисмарку благодаря широкому кругу его общения в России. По роду своих обязанностей представитель Пруссии занимался разбором дел проживающих в России пруссаков, что знакомило его с картиной немецкого восприятия российской действительности. Кроме того, Бисмарк имел большой вес в дипломатических кругах Петербурга и благодаря благожелательному отношению Александра II стал одним из самых влиятельных иностранных дипломатов, аккредитованных в России. Он также был вхож в круги высшего общества Петербурга, вследствие чего мог также получать различную информацию от военных, политиков и придворных дам.

Основное внимание Бисмарка занимали две личности: министр иностранных дел А. М. Горчаков и император Александр II. По роду своей деятельности в Петербурге ему довелось часто встречаться с этими государственными деятелями. Благодаря этому Бисмарк составил представление об их взглядах и, главное, политических целях, что сослужило ему большую помощь при выстраивании внешнеполитического курса Пруссии, когда он занял пост министра-президента королевства.

Основная задача российского министра, по мнению Бисмарка, заключалась в восстановлении международного положения России после 1856 г., опираясь на тесный союз России с Францией. Такая внешнеполитическая линия предусматривала проведение либерального курса в Царстве Польском, что также подчеркивал Бисмарк. Из петербургской корреспонденции следует, что российский министр хотел показать Европе стремление России к справедливому управлению Царством, невозможность руководствоваться принципами политики Николая I и И. Ф. Паскевича в сравнении с методами управления австрийскими и прусскими областями Польши. Из многочисленных разговоров с министром Бисмарк сделал вывод, что в самой России Горчаков также выступал за проведение либеральных преобразований. Только цель такой политики виделась князю в укреплении самодержавного строя, снятии социальной напряженности, вызванной отменой крепостного права. Несмотря на то, что взгляды Горчакова не

всегда совпадали с мнением Александра II стремление этих государственных деятелей к благоденствию России, по мнению Бисмарка, было обоюдным.

В Горчакове Бисмарк высокое искусство дипломата и ценил большой ум, хотя и считал его тщеславным человеком и исполнительным царедворцем. Исследованные в монографии документы позволяют подвергнуть сомнению существующее в историографии мнение о Горчакове «учителе» и Бисмарке «ученике». Основываясь на новых источниках можно сделать вывод о том, что поведение Бисмарка в Петербурге было гораздо более независимым и ни о каком «ученичестве» речи идти не могло. Вместе с тем, петербургская школа дипломатии оказала влияние на расширение политического кругозора Бисмарка. «Волны внешней политики бьют здесь совершенно по-другому по сравнению с Эшенхаймер гассе³», — писал прусский посланник из Петербурга.

Исследование образа России в оценке Бисмарка было бы неполным без изучения его восприятия личности Александра II и его политических принципов. Петербургская корреспонденция Бисмарка в таком аспекте также ранее не исследовалась. Вместе с тем, она содержит интересные сведения по данному вопросу.

В ходе многочисленных аудиенций у императора Бисмарк пришел к выводу, что во внешней политике самодержец руководствовался понятиями справедливости, честности и ему были чужды принципы двойной игры: «Христианским взглядам императора не соответствовала макиавеллевская политика»⁵. По мнению Бисмарка, император полагал опасным участие ослабленной после Крымской войны страны в какой-либо крупной кампании в Европе, поэтому его внешняя политика была политикой миротворца. В петербургской корреспонденции не раз подчеркивалось, что сохранение мира и безопасности на континенте было необходимо

---

³ Eschenheimer Gasse — Эшенхаймерский переулок во Франкфурте, в котором находился дворец Турн-и-Таксис, где заседал Союзный сейм Германского союза.

⁴ Bismarck an Jakob Becker. 11. VII. 1859 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 534.

⁵ Bismarck an Schleinitz. 9. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 10.

императору для осуществления в России задуманных им реформ, «исходящих из его сердца»⁶.

Внутриполитические преобразования, по мнению Бисмарка, составляли основное содержание первых лет царствования Александра II. Он отмечал самое непосредственное участие российского самодержца в обсуждении главной, крестьянской реформы, показывал его искреннее переживание за судьбу реформы. Выступая за поддержку интересов крестьян, а не помещиков, император, по мнению Бисмарка, стремился к действительному решению насущной для России проблемы. Прусский посланник отмечал твердость взглядов императора в ходе обсуждения проекта крестьянской реформы, несмотря на то, что его позиция была далеко непопулярной среди помещиков.

Второй по значимости внутриполитической проблемой, волновавшей российского самодержца, по мнению Бисмарка, был польский вопрос. Бисмарк писал в Берлин о решительности императора, однако не забывал упомянуть о многочисленных убеждениях царя представителями «старорусской» партии в необходимости либеральных преобразований в крае. По мнению Бисмарка, Александр II столкнулся с очень сложной, возможно, даже неразрешимой задачей. Возможно ли было предоставить свободу своим подданным в ходе крестьянской реформы, но сохранить жесткий курс управления Царством Польским, не поднимая социальную напряженность в империи? Этой сложной дилеммой, искренним желанием самодержца решить ее с наименьшими потерями Бисмарк объяснял его колебания в начале польских беспорядков, ни в коей мере не считая это его слабостью. В указе 14 (26) марта 1861 г. Александр II шел на большие уступки с искренним желанием успокоить своих польских подданных. Разбираясь в особенностях польской проблемы, Бисмарк был убежден, что главной целью поляков было восстановление независимости Польши, а до того момента никакая либеральная уступка царской администрации не могла бы привести к успокоению края. Несмотря на указ 14 (26) марта 1861 г. Бисмарк прогнозировал ис-

⁶ Immediatbericht Bismarcks an den Prinz-Regenten Wilhelm. 27. IV. 1859 // DpB. Bd. I. S. 200.

пользование поляками социальной напряженности в связи с проведением крестьянской реформы. Он отмечал, что как только императору стало известно об этом факте, он окончательно склонился к проведению жесткой политики в подавлении беспорядков в крае.

Такая информированность Бисмарка по различным вопросам была возможной вследствие его исключительного положения в Петербурге, которое ему предоставляло благоволение императора. Бисмарк стал одной из ключевых фигур дипломатического Петербурга, и многие важные беседы по международным проблемам император вел исключительно с ним, что он с особой радостью подчеркивал в своих личных письмах. Помимо дружественной по отношению к России позиции Бисмарка во время Крымской и Итальянской войн, император ценил в прусском посланнике особое трудолюбие и чувство ответственности при исполнении своих обязанностей.

Корреспонденция Бисмарка подтверждает его напряженную деятельность, связанную с большим объемом выполняемой им работы. Его письма являются интересным источником для изучения жизни дипломата в Петербурге в середине XIX в. Они показывают, что несмотря на большую занятость Бисмарку удавалось найти свободное время для отдыха, охоты и общения с дорогими ему людьми. Личная переписка петербургского периода показывает то необыкновенное вдохновение, которым пропитаны его рассказы о пребывании в России. Любование природой, зарисовки русской жизни, бесконечные выезды в высшее общество, светские рауты и аудиенции, знакомство с новыми и интересными людьми — все это создавало в воображении Бисмарка живую картину империи. Его точные замечания показывали, каким виделась российская действительность иностранцу, и на что он особенно обращал свое внимание. При объявлении во время разъездов: экипаж прусского посланника, — «лица русских расплываются в добродушных улыбках, как будто они выпили с причмоком 90-градусного шнапса»⁷. Это первое радушное впечатление будет неизменным до конца службы Отто фон Бисмарка в российской столице.

---

⁷ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 410.

Понял ли Бисмарк страну, встретившую его в марте 1859 г. вьюгой и морозами, ответить, конечно, трудно. В своих мемуарах прусский политик сделал короткое, но важное по своему смыслу замечание о «примитивной мощи, устойчивости и постоянстве, на которых зиждется сила того, что составляет сущность России в противовес остальной Европе»⁸. Помогал удерживать эту «устойчивость», по мнению Бисмарка, с одной стороны, институт самодержавия, а, с другой, — преданность крестьянского сословия императору. В своих донесениях Бисмарк отмечал глубокое понимание Александром II ответственности российского императора за судьбу страны перед Богом и русским народом.

В отношении второго столпа «устойчивости» было несколько сложнее. Иногда высказывания Бисмарка не воспринимались современниками, могли считаться революционными, но после их воплощения иногда даже его противникам приходилось признать его правоту. Это хорошо подтверждают воспоминания члена Государственного совета России Ф. Г. Тернера: «Бисмарк был прав, предсказывая с поражающей ясностью грядущие события <...> Вся <...> его политическая деятельность всегда отличалась светлым прозрением существующего положения, точной оценкой условий современного момента, ясным пониманием — как надо действовать при данных условиях, и энергическою к тому решимостью, без всяких колебаний, какие бы эта решимость не представляла трудности»⁹.

С учетом этих слов высказывание Бисмарка относительно возможного будущего России, переданное им в петербургском донесении королю Вильгельму I 10 ноября 1861 г., звучит более чем пронизательно: «по собственным наглядным представлениям о русских реалиях я считаю <...> по мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны»¹⁰.

⁸ Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 317.

⁹ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910–1911. С. 215.

¹⁰ Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861 // DpB. Bd. II. S. 126.

Изучаемые документы позволяют сделать вывод, что перевод на петербургский дипломатический пост на первых порах бил по самолюбию Бисмарка. Казавшаяся вначале дипломатической ссылкой, петербургская миссия по своим результатам явилась, вне всякого сомнения, его политическим успехом. Благодаря этому назначению он убедился в том, что не в душном воздухе франкфуртского Союзного сейма можно было решить германский вопрос, но на широком общеевропейском просторе, который открывала для него российская столица.

Петербургский период жизни и деятельности Бисмарка явился своего рода периодом раздумий после тяжелых 8 лет пребывания во Франкфурте и перед еще более сложными годами объединения Германии. «Занятие работой по сравнению с Франкфуртом превратилось из шипов в розы»¹¹, — образно писал Бисмарк своей жене. Петербург позволил ему обдуманно выбрать из франкфуртского периода жизни все самое лучшее, дополнить необходимым и, сложив все это в стройную систему, направить на достижение его главной цели.

---

¹¹ Bismarck an Johanna. 4. IV. 1859 // FBB. S. 410.

КОММЕНТАРИИ

ⁱ Союзный сейм являлся правящим органом Германского Союза, основанного 8 июня 1815 года на Венском конгрессе как наследника упраздненной в 1806 г. Священной Римской империи. В 1815 г. Германский союз включал 41 государство, а ко времени роспуска в 1866 г. — 35 государств. В Союз входили: одна империя (Австрийская), пять королевств (Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер, Вюртемберг), герцогства и княжества, а также четыре города-республики (Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек). Это германское объединение имело в своём составе территории, находящиеся под иностранным суверенитетом — короля Нидерландов (великое герцогство Люксембургское до 1866 года), короля Дании (герцогства Гольштейн и Саксен-Лауэнбург до 1866 года) и короля Англии (королевство Ганновер до 1837 года). В то же время ряд земель Прусского королевства (Восточная и Западная Пруссия, Познань) и Австрийской империи (Венгрия, Словения, Далмация, Истрия и др.) полностью исключались из союзной юрисдикции, поскольку Пруссия и Австрия входили в Германский союз только теми территориями, которые уже были частями Священной римской империи. Германский союз был конфедеративным образованием. Каждое из объединившихся в союзе государств обладало суверенитетом и собственной системой управления. В одних сохранялась неограниченная власть монарха, в других — функционировали земельные парламенты (ландтаги), и лишь в семи были приняты конституции, ограничивающие власть монарха (Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Нассау, Брауншвейг и Саксен-Веймар).

Союзный сейм заседал во Франкфурте-на-Майне и председательствовала в нем Австрия, как крупнейшее по территории и населению государство Германского союза. Сейм был составлен из уполномоченных от 34 германских государств и 4 вольных городов, деятельность которых должна была совершаться в пределах полученных ими от их правительств инструкций, под страхом ответственности за нарушение полномочий. Субъектами союзной власти оставались, таким образом, сами союзные правительства, а сейм имел только характер постоянного международного конгресса. Степень участия отдельных государств в союзном управлении определялась их величиной и значением. Государства, признанные членами союза, разделялись на две категории: 11 более крупных из них имели самостоятельный голос на сейме (*Virilstimme*), мелкие же государства (т. наз. *Zwergstaaten*) и вольные города соединялись для получения

голоса в группы, или курии; таких собирательных голосов на сейме было 6. Это распределение голосов имело место в обыкновенных заседаниях сейма, именовавшегося в таком случае тесным советом (*engerer Rath*); для принятия же решений по делам особой важности тесный совет, по окончании прений, превращался в общее собрание сейма (*Plenum*), в котором каждое государство имело не менее одного самостоятельного голоса; но более значительные государства получали здесь по несколько голосов (не более 4). К делам особой важности были отнесены; 1) изменение основных законов, издание новых постановлений, принятие в союз новых членов, учреждение новых постоянных установлений для осуществления целей союза; 2) объявление войны, заключение мирных договоров от имени союза. Для решения этих вопросов требовалось большинство 2/3 голосов.

ⁱⁱ Несколько раз в переписке с Мантейффелем и Герлахом Бисмарк говорил об истинных целях своей политики, которые заключались в приверженности государственным интересам исключительно Пруссии: «сообщения из Берлина говорят мне, что при дворе меня считают бонапартистом. Ко мне несправедливы. В 50-е годы мои противники обвиняли меня в предательской симпатии к Австрии и нас называли венцами в Берлине; позднее решили, что мы пахнем юфтью, и назвали нас казаками со Шпрее. В то время на вопрос, я — за русских или западные державы, я всегда отвечал — за Пруссаков, и мой идеал во внешней политике — свобода от предубеждений и независимость от симпатий или антипатий по отношению к иностранным государствам и их правителям... Я с одинаковым удовлетворением буду смотреть на наши войска, сражающиеся против французов, русских, англичан или австрийцев, как только мне докажут, что это находится в интересах здоровой и хорошо продуманной политики Пруссии» (см.: *Bismarck an Gerlach*. 10. V. 1857 // *GW*. Bd. XIV. Teil. I. S. 469 или *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 241).

ⁱⁱⁱ Согласно Парижскому мирному договору 30. III. 1856 г., была провозглашена нейтрализация Черного моря, означавшая запрещение всем черноморским державам иметь на Чёрном море военные флоты, арсеналы и крепости. Российская империя ставилась в неравноправное положение с Османской империей, сохранившей полностью свои военно-морские силы в Мраморном и Средиземном морях.

^{iv} Ольмюцское соглашение 30 ноября 1850 г. между Австрией и Пруссией, подписанное главами правительств Пруссии и Австрии О. Т. Мантейффелем и Ф. Шварценбергом в Ольмюце (*Olmütz*; ныне г. Оломоуц,

Olomouc, Чехия). Заключению соглашения предшествовала неудачная попытка Пруссии создать в 1849–50 гг. “прусскую унию” - союз 26 государств, в котором Пруссия играла руководящую роль. Это вызвало резкое сопротивление Австрии, настаивавшей на восстановлении в Германии устройства, введенного Венским конгрессом в 1815, а также на принятии всех австрийских земель в Германский союз, а также недовольство России и Франции. Пруссия оказалась в дипломатической изоляции. Согласно Ольмюцкому соглашению, заключенному при посредничестве России, Пруссия была вынуждена временно отказаться от односторонних шагов, направленных на устранение территориально-политической раздробленности Германии, закрепленной Венским конгрессом 1814–15 гг., и создание союза немецких государств под своим господством. Этот дипломатический договор, ставший последней победой австрийской внешней политики в борьбе с Пруссией, был ликвидирован в результате австро-прусской войны 1866, приведшей к образованию Северогерманского союза под главенством Пруссии.

^v Прусский нейтралитет еще во время Крымской войны нашел свою оценку в рядах западных держав. Однажды Бисмарк писал Л. Герлаху: «было неожиданностью услышать от французского посланника в Касселе выражение благодарности мне от лица всей Франции за наше нейтральное положение, которое спасло бы Европу от большой беды и «локализовало» бы конфликт восточным театром действий» (см.: Bismarck an Leopold von Gerlach. 29. III. 1854 // GW. Bd. XIV. Teil 1. S. 348).

^{vi} В своих письмах прусскому министру-президенту Мантейффелю он неоднократно повторял: «не вижу никаких мотивов, чтобы каким-либо способом умышлено увеличивать между нами и Россией трещину, которая и могла непреднамеренно возникнуть при расхождении в наших интересах» (см.: Bismarck an Minister von Manteuffel. 23. II. 1854 // GW. Bd. I. S. 429.) и предупреждал: «необходимо всеми средствами оградить нас от любого выступления против России, поскольку с первым пушечным выстрелом в ее сторону мы окажемся в зависимости от возможности договоренности между Парижем и Петербургом» (см.: Bismarck an Minister von Manteuffel. 25. IV. 1854 // GW. Bd. I. S. 442).

^{vii} В условиях возросшего международного престижа Франции после окончания Крымской войны Бисмарк считал вероятным укрепление франко-русских отношений. По его словам, бросающееся в глаза подчеркнуто вежливое поведение русской делегации во главе с гр. А. Ф. Орловым по отношению к французской стороне на Парижском конгрессе

«еще не сбило яблоко с дерева, но когда оно поспеет, то упадет само, а русские в нужное время подставят только шапку» (см.: Bismarck an Manteuffel. 26. IV. 1856 // GW. Bd. II. S. 138). Кроме того, «русские, не переставая, держат распахнутыми свои объятия, в которые может броситься Франция, как только это покажется ей полезным» (см.: Bismarck an Manteuffel. 29. IV. 1857 // GW. Bd. II. S. 210). Определяя позицию Пруссии в этих условиях, Бисмарк писал Мантейффелю, что в случае «образования русско-французского союза с военными целями, мы не должны, по моему глубокому убеждению, быть среди его противников» (см.: Bismarck an Manteuffel. 26. IV. 1856 // GW. Bd. II. S. 144). «Военные цели», о которых говорил Бисмарк, могли быть направлены против Вены. Австрия расценивалась Бисмарком как слабый и самый нежелательный союзник Пруссии. «Дай Бог, - писал он Герлаху, - чтобы я никогда не испытал свинства от зависти, недоверия и неудачи, если бы прусская и австрийская армии выступили едино на поле брани. Каждая из них будет радоваться поражению другой больше, чем огорчаться от своего собственного» (см.: Bismarck an Gerlach. 8. IV. 1856 // GW. Bd. XIV. Teil I. S. 440).

^{viii} Петербургско-Варшавская железная дорога была построена в 1852–62 гг. Она пролежала по западным губерниям России, имела важное стратегическое значение, связывала прибалтийские порты с Полесьем и центральными районами страны, а также давала выход в страны Западной Европы через Варшаву и по ветке Вильно — Кёнигсберг. Основная линия вводилась участками: Гатчина — Луга (1857); Петербург — Гатчина (1859); Луга — Псков (1859); Псков — Остров — Динабург (1859); Ковно — Прусская граница (1861); Динабург — Ландварово — Варшава (1862); Ландварово — Ковно (1862). Протяженность на 1862 г. — 1042 версты. Все линии дороги были запроектированы однопутными, строились по упрощенной схеме. Рельсы поставлялись до 1855 английской фирмой, позднее — с уральских рельсопрокатных заводов. Строительство велось под руководством генерал-инженера Э. И. Герстфельда на средства казны до 1855, после чего главный участок Петербург — Гатчина был сдан в концессию Главному обществу русских железных дорог, акции которого были почти полностью размещены в России. Общество продолжало строительство дороги одновременно с прокладкой Московско-Нижегородской железной дороги с привлечением иностранных специалистов и капитала. Дальнейшим развитием железнодорожной сети в этом регионе явилось строительство Риго-Динабургской железной дороги от ст. Динабург (см.: Салов В. В., Начало железнодорожного дела в России. 1836–1855, “Вестник Европы”, 1899, кн. 5.)

^{ix} Гостиницу Демута (теперь дом по адресу наб. Мойки, 40/ Б. Конюшенная, 27), просуществовавшую более столетия, уже в XIX в. относили к числу древностей столичного Петербурга. Основал ее предприимчивый французский виноторговец Филипп-Якоб Демут не позднее начала 1770-х гг. На приобретенном им участке уже стояли дом по набережной (Мойки), меньших размеров флигель на Большой Конюшенной и другие строения, в том числе поперечный дворовой корпус. В Демутовом трактире были устроены и богатые апартаменты, и скромные номера. Он служил пристанищем для посланников и путешественников, купцов и ремесленников. К началу XIX в. гостиница состояла из нескольких корпусов, свободно размещенных на просторном дворе. На Мойку выходил двухэтажный каменный дом № 40, а на Б. Конюшенную — трехэтажный. Фасад по Б. Конюшенной отличался простотой форм, свойственной строгому классицизму. После смерти Демута в 1802 году владелицей стала его дочь Елизавета Тиран, передавшая управление делами французу Гюге. Демутов трактир — первый петербургский адрес А.С. Пушкина. Сюда он прибыл, приехав в столицу в июле 1811 года вместе с дядей В.Л. Пушкиным, занимавшимся определением юноши в Царскосельский лицей. Демутов трактир — важный мемориальный адрес декабристов. В нем останавливались П.И. Пестель, Г. С. Батеньков, А. П. Бестужев-Рюмин. Здесь так же останавливались герои Отечественной войны 1812 года М. И. Платов и А. И. Ермолов. В 1850-х годах здание принадлежало надворному советнику Степану Воронину, который сдавал помещения в аренду гостинице “Демут”. В 1855–1867 гг. архитекторы А. С. Кириллов и Р. А. Гедике расширили площадь строений, и сделали фасад более представительным. История гостиницы оборвалась в 1880 году, когда участок приобрело Петербургское городское кредитное общество.

^x Дом, в котором жил Отто фон Бисмарк в Петербурге, сохранился. Теперь это дом № 50 на Английской набережной. В конце 1837 г. особняк за 300 000 руб. перешел от горнозаводчика В. А. Всевожского к графам Стенбок-Ферморам из остзейской аристократии. Они часто устраивали здесь музыкальные вечера, балы и рауты. Вплоть до революции это был сугубо семейный особняк. Вначале дом принадлежал графу Александру Николаевичу Стенбок-Фермору, который отделал главный корпус в его нынешнем виде. Двухэтажное на подвалах здание в стиле зрелого классицизма увенчано выносным карнизом и ступенчатым аттиком (на нем некогда был герб). Центральный ризалит в бельэтаже прорезан венецианскими окнами (между ними — лепные венки с лентами) и украшен красивым балконом на чугунных консолях. От второго рустованный первый этаж отделен лепным ленточным фризом, над его окнами — замковые камни

с маскаронами. После смерти А. Н. Стенбок-Фермора владение перешло его вдове Надежде Алексеевне (урожденной Яковлевой (1815–1897), до замужества она жила в соседнем доме) и, наконец, их сыну — свитскому генералу Алексею Александровичу. В 1870–1876 гг. в этом особняке находилось посольство Австро-Венгрии. После 1917 г. особняк был национализирован, в нем были устроены коммунальные квартиры.

^{xi} В своих воспоминаниях Бисмарк пишет о том, что во время его пребывания в Берлине весной 1860 г. по инициативе министра Р. фон Ауэрвальда и министра-президента князя Гогенцоллерна в присутствии Вильгельма I, Шлейница и Бисмарка состоялось совещание, на котором был поставлен вопрос о возможном назначении Бисмарка на должность министра иностранных дел Пруссии. После изложения программы Бисмарка, с акцентом на самостоятельное поведение Пруссии в отношениях с Австрией и укрепление русско-пруссских отношений, выступил Шлейниц, основной мыслью которого было не допустить разрыва австро-пруссских отношений. После того, как две программы были заслушаны, принц-регент Вильгельм без промедления высказался за сохранение Шлейницем министерской должности, что дало повод Бисмарку полагать, что все это совещание было разыграно уже заранее, лишь для того, чтобы выразить уважение к Ауэрсвальду и Гогенцоллерну (см.: *Бисмарк Отто фон*. Воспоминания, мемуары. Т. I. С. 330–333).

^{xii} Eau de Cologne — Кёльнская вода (*франц.*). В 1709 г. итальянский парфюмер Иоганн (Джованни) Мария Фарина (1685–1766) основал в Кёльне мануфактуру, которая является сегодня старейшим парфюмерным предприятием в мире. Фарина назвал свои духи в честь новой родины, города Кёльна: Eau De Cologne (нем. Kölnisch Wasser), «кёльнская вода», одеколон. Кельн стал известным во всем мире городом парфюмеров: в XVIII веке «Кёльнскую воду» заказывал высший свет всей Европы. В честь знаменитого парфюмера статуя И. М. Фарина (1685—1766) украсила башню городской ратуши Кёльна.

^{xiii} Имеется в виду свидание Александра II и Наполеона III в Штутгарте 26–28 сентября 1857 г. Оба императора выразили готовность к взаимному сотрудничеству с целью поддержания мира и равновесия в Европе и противодействия революции. Был затронут итальянский вопрос, решение которого Наполеону III виделось в устранении Австрии из Италии. Российский император тогда ограничился уверениями, что не повторит ошибки 1849 г., что, фактически, означало поддержку Россией антиавстрийской политики Франции.

^{xiv} Политика Бисмарка как прусского представителя во Франкфурте была направлена на достижение дипломатической победы Пруссии над Австрией в каждом из обсуждавшихся в Союзном сейме вопросов при соблюдении внешне благовидного по отношению к Австрии образа действий и заверениях о тесной дружбе двух дворов. В 1851–1852 гг. он последовательно одержал победу в трех важных вопросах: законодательстве о печати, образовании прусского военно-морского флота и сохранении патронажа Пруссии в Таможенном союзе.

^{xv} Реституционный эдикт был обнародован 6. III. 1629 г. германским императором Фердинандом II в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Он требовал, чтобы все зависимые духовные лены и церковные владения, принадлежавшие протестантам, были возвращены католикам, а во главе независимых были поставлены лица из среды католического духовенства. Католическим князьям было разрешено искоренять протестантизм и требовать от своих подданных принятия католического вероисповедания. С изгоняемых протестантов католические имперские чины имели право взимать известную сумму денег. Кальвинисты, цвинглиане и все другие секты не должны быть более терпимы в империи. Эдикт наносил большой удар протестантизму и вносил путаницу в территориальные отношения: многие зависимые лены были секуляризованы не только протестантскими, но и католическими князьями. Эдикт довел протестантов до отчаяния и вооружил их против императора. После 6-летнего кровопролития император отменил его для Саксонии и Бранденбурга, а в 1648 г. постановления эдикта были совершенно уничтожены.

^{xvi} Политика шведского и прусского государей способствовала ослаблению позиций католической Австрии в Европе и укреплению положения протестантов, в частности, протестантской Пруссии.

^{xvii} Битва при Мадженте произошла 4 июня 1859 г. около села Маджента в Северной Италии, близ реки Тичино между франко-сардинскими войсками, при которых находился сам император Наполеон III, и главной австрийской армией под командованием фельдмаршал-лейтенант Ференц Дьюлаи. 2-й армейский корпус французского генерала Мак-Магона при поддержке генерала Реньо переправился через реку Тичино, атаковал австрийские позиции и после ожесточённого боя в 7 с половиной часов вечера, овладел Маджентой. Дьюлаи к утру следующего дня смог собрать более 100 тыс. солдат и перейти в наступление, но узнав о потере Мадженты, составлявшей важнейший пункт его позиции, он решил отступить. Французы только с наступлением темноты узнали результаты боя

и лишь на другой день, увидев отступление противника, признали себя победителями. В результате битвы австрийцы вынуждены были оставить Ломбардию. Командующий австрийскими войсками Ференц Дьюлаи был уволен в отставку. Главнокомандующим стал сам император Франц Иосиф I. Французские генералы Мак-Магон и Рейно де Сен-Жан д'Анжели получили за эту победу звание маршалов Франции

xviii В битве при Кульме (Чехия) 29–30 августа 1813 г. коалиционные войска европейских государств разгромили войска наполеоновской Франции.

xix Битва при Сольферино, состоявшаяся 24 июня, стало крупнейшим сражением австро-итало-французской войны 1859 г. между объединёнными войсками Франции, Пьемонта и Сардинии против австрийской армии. Австрийскими войсками командовал император Франц-Иосиф, войсками Франции — Наполеон III, силами Пьемонта и Сардинии — Виктор Эммануил II. Битва произошла в окрестностях ломбардской деревушки Сольферино и закончилась победой франко-итальянской коалиции. С битвой при Сольферино связано появление Общества Красного Креста. Швейцарский предприниматель Анри Дюнан, ставший свидетелем битвы, был потрясен масштабами кровопролития. Пораженный картинами человеческих страданий, невольным свидетелем которых он стал, Дюнан вернулся в Женеву и после написания книги «Воспоминание о битве при Сольферино» и решил сделать все возможное для уменьшения страданий воинов в дальнейшем. Совместно с известным юристом, главой женевского Общества поощрения общественного блага Гюставом Муанье Дюнан созвал в 1863 г. в Женеве международную конференцию, на которой было основано общество «Красного креста». В качестве эмблемы общества был выбран швейцарский флаг, на котором цвет красного поля был изменён на белый, а цвет белого креста — на красный.

xx Рейнский союз (нем. *Rheinbund*, фр. *Confédération du Rhin*) — заключённый под давлением Наполеона I в 1806 г. в Париже союз немецких князей, вышедших из состава Священной Римской империи. При подписании договора о создании Рейнского союза 12 июля 1806 г. 16 южно- и западногерманских княжеств официально объявили о своём выходе из рейха и объединении в конфедерации под патронажем Наполеона. Спустя несколько дней после заключения договора о Рейнском союзе Франц II, ставший в 1804 г. императором Австрийской империи, отрёкся от престола Священной Римской империи германской нации и объявил об её упразднении, что также являлось ультиматумом Наполеона. До 1808 г.

к Рейнскому союзу присоединились ещё 23 немецких государства. Вследствие поражения Пруссии против Франции в битве при Йене в его состав вошли многие центрально- и северонемецкие мелкие государства. В 1808 г. Рейнский союз достиг своих наибольших размеров. Он охватывал четыре королевства, пять великих герцогств, тринадцать герцогств, семнадцать княжеств, а также независимые ганзейские города. В 1813 г., после поражения Наполеона в Битве народов под Лейпцигом, Рейнский союз распался. На сегодняшний момент единственным его членом, сохранившим независимость, является княжество Лихтенштейн

^{xxi} „Neue Preußische Zeitung“ — «Новая прусская газета» — или, как ее еще называли по изображению «Железного креста» на первой странице, „Kreuzzeitung“ — «Крестовая газета». Выходившая в Берлине в 1848–1939 гг. газета была главным печатным органом консервативной партии Германии. Крестовая газета была основана лидером прусских консерваторов Германном Вагенером вместе с братьями Леопольдом Людвигом и Эрнстом Людвигом Герлахами, Гансом Гуго фон Клейст-Ретзовым и бароном Эрнстом фон Сенфт-Пильсах. Это была газета «партии феодальных юнкеров и ортодоксальных евангелических пасторов» (*Heinz-Dietrich Fischer. Geschichte der Parteizeitung* // Joachim-Felix Leonhardt, Hans-Werner Ludwig, Dietrich Schwarze. *Medienwissenschaft (Handbücher Zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 15.1)*. Berlin, New York, 1999. S. 944.

^{xxii} Имеется в виду, присутствующая в международных отношениях конца XVIII — XIX вв. идея разделения Турции. В связи с этим, используется термин «**Больной человек Европы**» (англ. *sick man of Europe*) — публицистический штамп, который в более широком значении используется, преимущественно в англоязычной традиции, для обозначения европейских государств, испытывающих комплексные политические и экономические проблемы. Этот термин вошёл в употребление в середине XIX века применительно к Османской империи. Принято считать, что во время обсуждения Восточного вопроса с британским послом Гамильтоном-Сеймуром накануне Крымской войны, в разговорах 14 января и 20 февраля 1853 г., российский император Николай I так назвал Османскую империю. Вместе с тем, такое изображение Турции было известно уже гораздо раньше. Существуют песни баумбургского каноника Й. Альберта Пойзеля (J. Albert Poysel) „Der Türk ist krank“ («Турок болен»), 1683 г. и „Sultans Krankheit“ («Болезнь султана»), 1684 г.

^{xxiii} Медиатизация (от позднелатинского *mediatus* — выступающий посредником), в широком смысле — аннексия монархией другой монар-

хии, при которой правящий род аннексированного государства сохраняет за собой титулы.

xxiv Имеется в виду упразднение Наполеоном I Священной Римской империи германской нации 6 августа 1806 г. и активное участие австрийского министра иностранных дел князя К. фон Меттерниха в организации Германского союза.

В начале XIX в. в результате Наполеоновских войн вероятность скорого краха Священной Римской империи стала очевидной. В 1804 г. император Священной Римской империи Франц II принял титул императора Австрии, чтобы быть равным по рангу Наполеону, провозглашённому в том же году наследственным императором французов. Это свидетельствовало об осознании Габсбургами возможности потери престола Священной Римской империи, хотя акт принятия титула императора Австрии не нарушал напрямую имперскую конституцию. После военной кампании в Европе в 1805 г. и австрийского поражения под Аустерлицем скорый конец империи стал очевидным. На стороне Франции в этой войне сражались войска Баварии, Вюртемберга и Бадена, что не вызвало никакой отрицательной реакции в империи. По результатам заключенного с Францией Пресбургского мира Франц II не только шел на территориальные уступки. Он признал за правителями Баварии и Вюртемберга титулы королей. Такой акт юридически выводил эти государства из-под власти императора и представлял им почти полный суверенитет. Империя все больше превращалась в фикцию. В январе 1806 г. Швеция отозвала представителей своих северогерманских владений в Передней Померании из общеимперского рейхстага и аннулировала имперскую конституцию в принадлежащих ей немецких землях. 12 июля 1806 года Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт, Нассау и восемь других немецких княжеств подписали в Париже договор об образовании Рейнского союза под покровительством Наполеона I, а 1 августа они объявили о своём выходе из состава Священной Римской империи и начали медиатизацию сопредельных владений имперских рыцарей и мелких графств, в результате которой число немецких государственных образований сократилось с двухсот до чуть более сорока.

Летом 1806 года Наполеон выдвинул Австрии ультиматум, согласно которому французские войска атакуют австрийские владения, если Франц II не отречётся от престола империи до 10 августа. Отказ от короны стал неизбежен. Получив гарантии французского посланника, что Наполеон не наденет корону римского императора, Франц II 6 августа 1806 г. объявил о сложении с себя титула и полномочий императора Священной Римской империи и освободил имперские княжества, сословия, чины

и должностных лиц имперских учреждений от обязанностей, наложенных на них имперской конституцией. Священная Римская империя перестала существовать.

Разгром Наполеона в 1813–1814 гг. и патриотический подъём в Германии сделал возможным восстановление Священной Римской империи, что было поддержано Папой Римским, Англией, немецкими княжествами, искавшими в возрождении империи защиту от посягательств со стороны Пруссии, Баварии, Саксонии и Вюртемберга. В ноябре 1814 г. двадцать девять немецких князей обратились с воззванием к Францу II о принятии титула императора. Однако реставрация империи была уже невозможна: на основании австро-пруссских договоров 1807 и 1813 гг., соглашений о присоединении бывших членов Рейнского союза к антифранцузской коалиции 1814 г. и условий Парижского мирного договора 1814 г., Германия должна была стать конфедерацией. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. Франц II отказался от императорской короны и высказался против восстановления империи под управлением избираемого из немецких князей императора. Вместо этого 8 июня 1815 г. было объявлено об учреждении Германского союза, конфедерации 38 немецких государств, включая наследственные владения Австрийской империи и Прусского королевства, в границах, примерно соответствующих бывшей Священной Римской империи. До 1866 г. председателем Германского союза оставался австрийский император.

^{xxv} Разделы Речи Посполитой произошли между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией в конце XVIII в. Первый раздел произошёл в 1772 г., второй — 23 января 1793 г., третий — 24 октября 1795 г. В итоге трёх разделов Речи Посполитой, к России перешли литовские, белорусские (кроме части с городом Белосток, отошедшей к Пруссии) и украинские земли (кроме части Украины, захваченной Австрией). Коренные польские земли, населённые этническими поляками, были поделены между Пруссией и Австрией. В ходе европейских войн начала XIX в. Наполеон Бонапарт восстановил польское государство в форме Великого Герцогства Варшавского, протектората Франции под короной саксонского короля. После окончания Наполеоновских войн и в результате формирования Венской системы международных отношений Польша вновь была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. Большая часть созданного Наполеоном герцогства Варшавского вместе с Варшавой вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское, а русский император Александр I становился и польским королём. Западные земли герцогства Варшавского, ранее известные как Великая Польша, с городом Познанью и польское Поморье образовали Вели-

кое Герцогство Познанское (в польских источниках, Великое Княжество Познанское). В ходе подавления революции 1848–1849 гг. в Германии княжество было превращено в провинцию Позен, хотя прусские короли (а позже, императоры) продолжали использовать титул Великого герцога Познанского. Австрия получила южную часть Малой Польши и большую часть Червонной Руси, из которых было образовано королевство Галиции и Лодомерии, коронная земля на востоке Габсбургской империи. На Венском конгрессе был также провозглашен Вольный город Краков или Краковская республика, которая после неудачного восстания 1846 г. вошла в состав Австрийской империи Габсбургов. Этот раздел Польши между тремя восточными державами в исторической науке иногда выделяется как «Четвёртый раздел Польши».

xxvi Первой открытой манифестацией считаются состоявшиеся 10 июля 1860 г. торжественные похороны вдовы генерала Совинского, погибшего при защите Варшавы во время восстания 1830–1831 гг. Похороны прошли спокойно, но после них польские студенты и городская беднота отправились на соседнее православное кладбище, стали плевать на могилы и рвать посаженные там цветы. Стала набирать обороты кампания против развлечений: в домах, где проводились балы, выбивали стекла, появлявшимся на улицах в дорогих нарядах женщинам резали платья. С магазинов срывали вывески, написанные по-русски и на любом другом языке, кроме польского. Русские жители Варшавы получали многочисленные письма с угрозами.

xxvii Имеется в виду сложный национальный вопрос, возникший между Германским союзом и Данией относительно Шлезвиг-Гольштейна. После урегулирования «готторпского вопроса» между Россией и Данией в конце XVIII в. наследник российского престола Павел (император Павел I), бывший одновременно гольштейн-готторпским герцогом, отказывался от готторпского наследства в пользу Дании в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст в Северной Германии, правителем которых стал Фридрих Август I Ольденбургский. В результате такого решения весь Шлезвиг-Гольштейн вошёл в состав Дании. После упразднения в 1806 г. Священной Римской империи датский король объявил Гольштейн нераздельной частью датского государства. В обоих герцогствах были введены датское уложение и монетная система, датский язык был объявлен обязательным в сношениях с правительством Дании. В 1815 г. на Венском конгрессе герцогства Гольштейн и Саксен-Лауэнбург были оставлены в датском владении в качестве вознаграждения за отделение от Дании Норвегии, но они были признаны членами Германского союза. Шлезвиг не был включен

в состав Германского союза. В первой четверти XIX в. датская национальная партия стремилась к более тесному сближению Шлезвига с Данией, а немецкая поставила себе задачей включение Шлезвига в состав Германского союза. Неразрешенный датский вопрос привел в 1864 г. к войне Пруссии и Австрии с Данией.

^{xxviii} Крупное и кровопролитное сражение между русскими и польскими войсками, состоявшееся возле деревни Грохов под Варшавой 13 (25) февраля 1831 г., между русской армией (72 тыс.) под командованием фельдмаршала графа И. И. Дибича-Забалканского, и польскими войсками (56 тыс.) под начальством князя М. Г. Радзивилла.

^{xxix} В 1857 г. с разрешения царского правительства в Польше было создано «Земледельческое общество» для обсуждения экономических и аграрных вопросов. Главой общества стал племянник князя Адама Чарторыйского, один из деятелей польского восстания 1830–1831 гг. граф Андрей Замоиский. Общество включало в себя большинство землевладельцев Царства Польского, игравших важную политическую роль в Царстве. В его планы входило распространение своей сети и на западные губернии Российской Империи. С начала 1860 г. в Земледельческом обществе был поднят крестьянский вопрос для поднятия уровня благосостояния крестьян.

^{xxx} М. Д. Горчаков дал разрешение похоронить убитых поляков со всеми почестями, позволил учреждение временного управления из выборных городских делегатов «делегации» для наблюдения за порядком в Варшаве, приказал освободить арестованных за участие в демонстрациях последних дней.

^{xxxi} У поляков было 10 убитых и 100 раненых, в войсках — 5 убитых и 10 раненых, арестовано 70 участников беспорядков. На этот раз тела убитых полякам не выдавались, но были погребены в цитадели безгласно.

^{xxxii} После смерти М. Д. Горчакова 30 мая 1861 г. последовала целая череда назначений на должность наместника Царства Польского. Исполняющим обязанности наместника были: с 16 мая по 1 августа — генерал Н. О. Сухозанет, с 6 августа по 11 октября — генерал К. К. Ламберт, с 11 по 27 октября — генерал Н. О. Сухозанет (временно исполняющий должность наместника), с октября 1861 г. по 8 июня 1862 г. — генерал А. Н. Лидерс.

^{xxxiii} Главный комитет по крестьянскому делу являлся правительственным учреждением для рассмотрения проектов отмены крепостного права,

созданным в феврале 1858. Он был преобразован из Секретного комитета по крестьянскому вопросу и находился в непосредственном ведении императора Александра II. Председателем комитета был председатель Государственного совета князь А. Ф. Орлов, затем великий князь Константин Николаевич. Членами комитета были некоторые министры, шеф корпуса жандармов, отдельные члены Государственного совета. 19 февраля 1861 г. комитет был упразднён. 10 октября 1860 г. занимавшиеся рассмотрением проекта крестьянской реформы Редакционные комиссии завершили свою работу, и проект реформы поступил в Главный Комитет по крестьянскому делу.

ИКАЗАТЕЛИ ИМЕН

Августа Мария Луиза Катерина (Augusta Maria Luise Katharina) 30.IX.1811–7.I.1890, урожденная принцесса фон Саксен-Веймар и Айзенах, супруга короля Вильгельма I 52, 53

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) 82, 106
граф, генерал-адъютант, с 1855 г. управляющий делами Императорской Главной квартиры, с 1860 г. член Главного Управления цензуры, с 1866 г. — Государственного и Военного Советов, в 1867–1881 гг. министр Императорского двора и уделов, кавалер российских Императорских и Царских орденов. Личный друг Александра II.

Александр II Николаевич (17/29.IV.1818–1/13.III.1881) российский император, за период своего царствования провел ширококомасштабные реформы в государстве, в его царствование было отменено крепостное право, введена всеобщая воинская повинность, учреждены земства, существенно ограничены (фактически отменены) телесные наказания, проведена судебная реформа, ограничена цензура, проведён ряд других реформ. Империя значительно расширилась за счёт завоевания и включения среднеазиатских владений, удостоен особого эпитета в русской историографии — Освободитель (в связи с отменой крепостного права по манифесту 19 февраля 1861 г.) 10, 11, 21–23, 28, 29, 32, 35, 39–41, 43, 45, 46, 50, 66, 68, 74, 78, 80–82, 84, 89–93, 97–110, 114–116, 120, 122, 123, 125–128, 131–140, 142, 146, 147, 153–155, 159, 160, 162, 163, 165–167, 169–182, 184–195, 198–201, 203–206, 208, 210, 213, 215–221, 224, 227, 231, 232, 238, 239, 242–244, 246–251

Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина — Friederike Luise Charlotte Wilhelmine von Preußen) 13.VII.1798–20.X.1860, дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III, сестра прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и прусского принца-регента, затем 84, 85, 102, 108, 128, 172, 194

короля Пруссии и германского императора Вильгельма I, жена русского императора Николая I.

Альбрехт Фридрих Рудольф, герцог фон Тешен (Albrecht Friedrich von Österreich, Herzog von Teschen) 1817–1895, эрцгерцог Австрийский, герцог Тешенский; военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал австрийской (1863 г.), прусской (1893 г.) и русской (1872 г.) армий; в 1851 — 1860 гг. — генерал-губернатор Венгрии; весной 1859 г. с секретной миссией посетил Берлин с целью получить прусскую поддержку в войне против Италии и Франции; после поражения австрийских войск от прусской армии в битве при Садовой в кампании 1866 г. — главнокомандующий всеми австрийскими войсками; один из самых богатых людей Австрийской империи и Австро-Венгрии 128

Альвенслебен Густав фон (Alvensleben Gustav von) 1827–1905, прусский генерал. В 1863 г., с началом Польского восстания, был командирован в Санкт-Петербург для заключения конвенции с князем А. М. Горчаковым. Принимал участие в реорганизации прусской армии перед началом войн за объединение Германии. Участвовал в австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870 г. войнах. За успешные действия во время франко-прусской войны 1870 — 1871 гг. получил от российского императора Александра II орден св. Георгия IV-й степени «В воздаяние отличной храбрости и военных подвигов, оказанных во время военных действий во Франции», также был награжден орденом «Pour le Mérite» 53, 152

Арндт Эрнст Моритц (Arndt Ernst Moritz) 1769–1860, немецкий писатель и депутат Франкфуртского национального собрания; принимал активное участие в национальной борьбе немецкого народа против оккупации Наполеоном Герма- 117

нии, считался одним из выдающихся лириков эпохи освободительных войн против Наполеона; его имя носит университет Грайфсвальда

Арним-Крёлендорфф, урожд. Бисмарк Мальвина фон (Arnim-Kröchlendorff Malwine von) 1827–1908, сестра 43, 52, 56, 64, 67, 68, 76, 134, 196
Отто фон Бисмарка. В письмах Бисмарк называет ее «Малле» (Malte)

Ауэрсвальд Рудольф фон (Auerswald Rudolf von) 1795– 77, 157, 170, 194, 220
1866, летом 1848 г. — прусский министр иностранных дел, в 1858–1862 гг. — государственный министр без портфеля

Балабин Виктор Петрович (1811–1864) тайный 125, 127, 154, 171
советник, с 1832г. служил в Коллегии иностранных дел, с 1835г. — переводчик в Департаменте внутренних дел, затем секретарь русской миссии в Париже. В 1858–1860гг. находился в Австрии с особым поручением, в 1860–1864гг. был послом в Вене. Сторонник сохранения и распространения славянофильских идей в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Бялятинский Александр Иванович (1815–1879) 80, 107, 142
русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного совета, почётный член Николаевской военной академии Генерального штаба; с 1856 г. главнокомандующий войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместник императора Александра II на Кавказе, руководил подавлением национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Проводя свой план методического продвижения, сломил сопротивление войск Шамиля и в 1859 г. взял его в плен, закончив многолетнюю войну

Беннигсен Карл Вильгельм Рудольф фон (Bennigsen Karl Wilhelm Rudolf von) 1824–1902, немецкий политический 148
деятель; один из организаторов и председатель

исполнительного комитета образованного в сентябре 1859 г. Германского национального союза; с 1871 г. будучи депутатом рейхстага Германской империи, возглавил парламентскую фракцию национально-либеральной партии

Берг Федор Федорович (1793–1874) граф, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, дипломат, географ; в 1812 — 1814 гг. участвовал в войнах против Наполеона; в 1843 — 1862 гг. генерал-квартирмейстер Главного Штаба; в 1854 — 1861 гг. — генерал-губернатор Финляндии, в 1863 — 1874 гг. наместник Царства Польского, с 1866 г. член Государственного Совета. 91, 106, 190, 199

Бернstorff Альбрехт фон (Bernstorff Albrecht von) 40, 177, 180, 201, 206, 1809–1873 гг., прусский дипломат и министр иностранных дел, в 1845 — 1848 гг. посланник в Мюнхене, с 1848 по 1861 гг. — посол в Вене, Неаполе и Лондоне, в 1861 г. назначен министром иностранных дел и в короткое время успел заключить торговые договоры с Китаем, Японией и Францией. В конце 1862 г. возвратился на свой пост в Лондон, где утвержден был в звании посла Северо-Германского союза в 1867 г. и Германской империи в 1871 г. 210, 215, 230, 233, 234

Бисмарк Бернхард Фридрих Александр Фердинанд Роман фон (Bismarck Bernhard Friedrich Alexander Ferdinand Roman von) 24.VII.1810–7.V.1893, прусский камергер, ландрат, начальник окружного управления, правительственный регирунгсрат (старший государственный чиновник), владелец поместий Кюльц и Ярхим в Померании. С 1851 по 1852 гг. и с 1870 по 1888 гг. — член прусской Палаты депутатов. Старший брат Отто фон Бисмарка, в письмах Бисмарк называл его «Машке» (Maschke) 43, 59, 62–64, 67, 71, 104

Бисмарк Иоганна фон (Bismarck Johanna von, урожденная Иоганна Фредерика Шарлотта Доротея Элеонора фон Путткамер, нем. Johanna 43, 44, 56–58, 60–65, 67–69, 75, 77, 82, 85, 103, 104, 122, 128, 129, 134,

Friederike Charlotte Dorothea Eleonore von Puttkamer 141, 144, 146, 215, 252
 11.IV.1824–27.XI.1894, супруга Отто фон Бисмарка. В традиционной литературе описывается как любящая и почитающая своих родителей дочь, заботливая мать и самоотверженная супруга, действительно способствовавшая карьерному росту и успеху своего мужа. От брака с Отто фон Бисмарком родились дети: Мария (1847–1926), Герберт (1849–1904) и Вильгельм (1852–1901)

Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) граф, 219, 221
 русский литератор, дипломат, государственный деятель; член Российской академии (1831), президент Петербургской академии наук, председатель Государственного совета (1862–1864) и Комитета министров (1861–1864)

Брунов Филипп Иванович (1797–1875) российский 154
 дипломат, действительный тайный советник (с 1856), граф (с 1871); посланник в Королевстве Вюртемберг и герцогстве Гессен-Дармштадтском (1839–1840), чрезвычайный и полномочный посланник в Великобритании (1840–1854), посланником при Германском союзе и в герцогстве Гессенском (1855–1856), участвовал в Парижском конгрессе 1856 г. в качестве второго уполномоченного России; посланник во Франции (1856–1857), Пруссии и в герцогствах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком (1857–1858); с февраля 1858 г. — посланник, в 1860–1874 гг. — посол в Великобритании (в 1870 г. был назначен послом во Франции, но к месту назначения не выезжал), принимал участие в Лондонской конференции 1871 г., отменившей статьи Парижского мирного договора о «нейтрализации» Черного моря, в качестве уполномоченного России

Будберг Андрей Федорович (1817–1871) барон, 91, 131, 138, 154, 155,
 действительный тайный советник (с 1867), с 171, 178
 1851 — чрезвычайный и полномочный посланник в Пруссии и одновременно в вел. герцогствах

Мекленбург-Шверине и Мекленбург-Стрелице; в 1852–1855 гг. — заведовал также российской дипломатической миссией в Ганновере; с 1856 г. — посол в Вене, в 1858 г. Будберг вновь назначен посланником в Берлин; с 1862 г. — посол в Париже; в 1868 г. — уволен, по прошению, от должности посла, с оставлением в ведомстве иностранных дел, с мая того же года — член Государственного совета; с 1873 г. — действительный член Русского исторического общества. Удостоен ряда высших российских орденов, в том числе Св. Анны 1-й степ. (1852), Белого Орла (1862), Св. Александра Невского (1864).

Буоль-Шауэнштайн Карл Фердинанд фон (Buol-Schauenstein Karl Ferdinand von) 1797–1865, австрийский дипломат и государственный деятель; в 1816–1823 гг. глава австрийской делегации в Бундестаге Германского союза, посланник в Бадене (1828–1838), Вюртемберге (1838–1844), Сардинии (1844–1848), России (1848–1850), посол в Великобритании (1851–1852). После внезапной смерти Шварценберга, министра-президента Австрии в 1848–1852 гг., Буоль возглавил правительство и министерство иностранных дел империи Габсбургов. Во время Крымской войны, опасаясь расширения влияния России на Балканах, занял позицию враждебного нейтралитета по отношению к России; в 1856 г. — был представителем Австрии на Парижском конгрессе и участвовал в подготовке Парижского трактата. После поражения в Австро-итало-французской войне 1859 г. отправлен в отставку.

82, 116, 117, 122, 126,
138, 146

Валевский Александр Флориан Жозеф Колонна (Walewski Alexandre Florian Joseph Colonna) 1810–1868, французский политик и дипломат; полномочный министр в Копенгагене (1848), чрезвычайный и полномочный посол во Флоренции (1849), Неаполе (1850), Мадриде, позже Лондоне (1851);

114, 120, 136, 143

в 1855–1860 гг. — министр иностранных дел Франции; с 1860 г. — государственный министр; в 1860–1863 гг. — министр изящных искусств Франции

Веймарн Федор Петрович (1831–1913) русский генерал-лейтенант 230, 236

Велепольский Александр Игнаций (*Wielopolski Aleksander Ignacy*) 1803–1877, маркиз Гонзаго-Мышковский, польский государственный деятель; в 1861 г. назначен помощником наместника Царства Польского вел. кн. Константина Николаевича по гражданской части и вице-председателем государственного совета; провел ряд либеральных реформ в Царстве Польском: замену барщины оброком (чиншем), равноправие евреев, основал Варшавскую главную школу; с началом польского восстания 1863 г. оставил Варшаву и вскоре был уволен со всех занимаемых им постов 197, 202, 203, 205–209, 212, 245

Веллеслей Генрих Ричард Чарлз, лорд Коулей (*Wellesley Henry Richard Charles, 1. Earl Cowley*) 1804–1884, английский дипломат, с 1848 г. — посланник Великобритании в Швейцарии и Германском Союзе, в 1852 — 1867 гг. — во Франции, участвовал Парижской мирной конференции 1856 г. 120

Вентцель Отто фон (*Wentzel Otto von*) 1819–1899, прусский советник прусского представительства при Союзном Сейме во Франкфурте-на-Майне, в 1866 г. — посланник в Дармштадте. 65, 74, 81, 104, 143, 159, 160, 161

Вертер Карл фон (*Werther Karl Frhr. von*) 1809–1894, барон, прусский дипломат, в 1842 г. назначен посланником в Швейцарии, с 1845 по 1849 гг. — в Афинах, в 1849–1854 гг. — в Копенгагене, с 1854 по 1859 гг. — в Петербурге, в 1859–1866 гг. — в Вене, где в 1864 г., как представитель Пруссии, подписал Венский мир 57, 58, 64

с Данией. После начала австро-прусской войны в 1866 г. был отозван из Вены; в августе того же года принимал участие в предварительных переговорах в Никольсбурге и в заключении Пражского мира. По окончании войны он снова возвратился в Вену, а в октябре 1869 г. отправился в Париж в качестве посла от Пруссии и Северогерманского союза, кем и оставался до начала войны 1870–71 гг. С 1874 по 1876 г. был послом Германской империи в Константинополе

Вертерн-Бейхлинген Теодор фон (Werthern-Beichlingen Georg von) 1816–1895, граф, прусский дипломат, в 1848–1849 гг. — прусский посланник в Турине, в 1849–1852 гг. — в Мадриде, в 1853 г. назначен секретарем прусской миссии в Санкт-Петербурге, в 1859 г. переведен в Афины, а в 1862 г. являлся прусским посланником в Константинополе, а затем Лиссабоне. В 1864 г. был назначен прусским посланником в Мадриде, где по поручению Отто фон Бисмарка, оказал влияние на решение испанского правительства предложить испанский трон, освободившийся после низвержения королевы Изабеллы II, наследному принцу Леопольду фон Гогенцоллерн-Зигмарингену. В 1867 г. назначен на должность прусского посланника в Мюнхене. Во время объединения Германии играл большую роль в переговорах о вступлении Баварии в Северогерманский союз. В 1888 г. ушел в отставку.

Виллизен Карл Вильгельм фон (Willisen Karl Wilhelm von) 1790–1879, барон, прусский генерал, военный писатель, участвовал в походах 1813–15 гг.; с начала 20-х годов читал историю и теорию военного искусства в Общей военной школе (allgemeine Kriegsschule), в 1848 г. — прусский королевский комиссар в Познани, командующий прусской шлезвиг-голштинской армией

в ходе датско-прусской войны 1848–1850 гг., после неудачных боевых действий сложил с себя начальство. 140

Вильгельм I (Wilhelm I. Friedrich Ludwig) 22.III.1797–9.III.1888 германский император с 18 января 1871 г., регент прусского королевства с 7 октября 1858 г., король Пруссии с 2 января 1861 г., прусский генерал-фельдмаршал, первый правитель объединенной Германской империи 40, 41, 50–53, 66, 75, 84, 88, 90, 92, 93, 98, 99, 100, 103–105, 115, 116, 118, 123, 127–132, 138, 140, 143, 152, 154, 155, 157, 159–161, 166, 167, 170, 171, 175, 176, 180, 189, 192, 198–200, 203, 215, 231, 243

Гагарин Павел Павлович (1789–1872) князь, кавалер всех высших орденов Российской империи; с 1831 — сенатор, член секретного (с февраля 1858 г. — Главного) комитета по крестьянскому делу; в ходе обсуждения крестьянской реформы Гагарин выступил в защиту крупных землевладельцев и был одним из инициаторов дарового четвертого надела, ещё более сокращавшего крестьянское землепользование; с 1862 — председатель департамента законов; с 1864 по 1865 — председатель Государственного совета, с правом замещения на этом посту великого князя Константина Николаевича в его отсутствие. Исполнял обязанности председателя в верховном уголовном суде, в частности в 1866 г. по делу Д.В. Каракозова. 84, 107, 222, 223, 227, 229

Георг Август Эрнст Адольф Карл Людвиг (Georg August Ernst Adolf Karl Ludwig) 1824–1876, герцог Мекленбург-Стрелицкий, второй сын Георга, великого герцога Мекленбург-Стрелицкого и Марии Гессен-Кассельской; кавалер многих российских и иностранных орденов; состоял на военной русской службе в чине генерал от артиллерии (1861), генерал-адъютант (1860) и генерал-инспектор стрелковых батальонов; инициатор усовершенствования огнестрельного оружия. 102, 171

Герлах Людвиг Фридрих Леопольд фон (Gerlach Ludwig Friedrich Leopold von) 1790–1861, прусский генерал и один из главных представителей прусской консервативной партии, генерал-адъютант Фридриха-Вильгельма IV 86, 158, 159

Герстенцвейн Александр Данилович (1818–1861) генерал-лейтенант, генерал-губернатор Варшавы; стал жертвой американской дуэли. После конфликта с наместником Царства Польского российским генералом графом К. К. Ламбертом, произошедшего из-за конфликта полномочий двух управителей польской столицы и резкого объяснения, чтобы избежать наказания за классическую дуэль, враги предпочли ее «американский» вариант, то есть самоубийство вытянувшего неблагоприятный жребий. Секундантом с неохотой выступил генерал Хрулёв. Узелок платка достался Герстенцвейгу, и утром 5 октября 1861 года он покончил с собой. 80

Гогенцоллерн-Зигмаринген Карл Антон Иоахим Цефирин Фридрих Мейнард фон (Hohenzollern-Sigmaringen Karl Anton Joachim Zephyrin Friedrich Meinrad Fürst von) 1811–1885, князь, глава старшей (католической) ветви дома Гогенцоллернов; с 1858 по 1862 гг. министр-президент Пруссии 51, 157, 171

Горбачев Александр Михайлович (1798–1883) князь, видный российский дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел (1856–1882) и государственный канцлер, светлейший князь, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного 10, 11, 16, 18, 28, 29, 32, 35, 39, 40, 41, 45, 50, 66, 68, 74, 78, 81, 85, 86–97, 101, 102, 105–108, 110, 113, 119–127, 129–134, 136, 137, 139, 140, 142–144, 154, 155, 159, 160, 162, 166–168, 170–173, 178, 179, 181–189, 190, 193, 194, 199–202, 207–209, 212, 221, 243, 247, 248

Голяков Михаил Дмитриевич (1793–1861) князь, 186, 189, 190, 191, 196, русский военачальник, генерал от артиллерии 197, 199, 204 (1844), генерал-адъютант, дед П.А. Столыпина. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг., подавления Польского восстания 1831 г., Венгерского похода 1849 г. и Крымской войны; в 1856–1861 гг. — наместник Царства Польского.

Грунеф Юстус (Justus Gruner) 1807–1885, прусский дипломат и политик, в 1852–1861 гг. депутат второй палаты прусского ландтага, затем — статссекретарь в министерстве иностранных дел, с 1862 г. — депутат палаты господ. 53, 144

Густав II Адольф (Gustav II Adolf) 1594–1632, король Швеции (1611–1632), сын Карла IX и Кристины Голштинской. Часто назывался «Снежный король» и «Лев севера». По политическим и религиозным причинам вступил в Тридцатилетнюю войну 1618 — 1648 гг., когда притесняемые протестанты обратились к скандинавским монархам за помощью в борьбе против католического императора Священной Римской империи Фердинанда II Габсбурга. Он разбил католиков в сражении при Брейтенфельде под Лейпцигом в Саксонии 7–17 сент. 1631 г. и двинулся в южную Германию, но на следующий год был убит в битве при Лютцене. 135

Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) князь, 141, 202, 208, 222, 223 генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный министр; главноначальствующий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и шеф жандармов (1856—1866), в 1866 г. назначен обер-камергером.

Елена Павловна (до принятия православия принцесса *Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская*, нем. *Friederike Charlotte Marie Prinzessin von Württemberg*) 1806–1873, русская великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича, 84, 85, 102, 108

благотворительница, государственная и общественная деятельница, сторонница отмены крепостного права и Великих реформ середины XIX в. За свою деятельность по освобождению крестьян Великая княгиня получила почётное прозвание в обществе «Princesse La Liberte» и была награждена Александром II золотой медалью «Деятелю реформ».

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) русский военачальник и государственный деятель, участник многих крупных войн, которые Российская империя вела с 1790-х по 1820-е. Генерал от инфантерии (1818). Генерал от артиллерии (1837). Главнокомандующий во время Кавказской войны. 102

Замойский Артур Анджей (*Andrzej Artur Zamoycki*) 1800–1874, граф, польский государственный деятель; в 1857 г. основал Сельскохозяйственное общество (*Towarzystwo Rolnicze*), которое с течением времени приобрело не только экономическое, но и большое политическое значение, превратившись в некий заменитель парламента. В связи с ростом радикальных национальных настроений в апреле 1861 г. общество было распущено, а Замойский впоследствии переехал жить в Париж и Дрезден. 189, 197

Кавур Камилло Бенсо ди (*Camillo Benso conte di Cavour*) 1810–1861, граф, итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства, внесший вклад в объединение Италии под властью сардинского монарха. Первый премьер-министр Италии (1861). 18, 112, 113, 114

Каролин А., см: *Намкарголи Алонз Каролин фон*

Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872) граф, русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1834), в 1829–1834 гг. фактически

управлял Дунайскими княжествами; министр государственных имуществ (1837); в 1837–41 гг. провёл реформу управления государственными крестьянами Кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного (1841); почетный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук; в 1856–1862 гг. — посол России во Франции. 113, 114, 120, 134, 139, 143, 144, 154, 171

Клейст-Ретзов Ханс Хуго фон (Kleist-Retzow Hans Hugo von) 1814–1892, один из основателей печатного органа консервативной партии Пруссии: «Крестовой газеты» (*Kreuzzeitung*), в 1848–1852 гг. депутат прусской Палаты депутатов от консервативной партии, в 1851–1858 гг. — оберпрезидент Рейнской провинции Пруссии, после реорганизации консервативной партии Пруссии в 1876 г. находился во главе крайне правого крыла Германской консервативной партии в Рейхстаге, членом которого он являлся с 1877 г. 44, 45, 80

Клюбер Фридрих Карл фон (Klüber Friedrich Karl von) 1833–1908, прусский военный атташе в Петербурге, позже генерал 56

Княжевни Александр Максимович (1792–1872) русский государственный деятель, сенатор (1854), почётный опекун (1855), действительный тайный советник (1859); в 1858–1862 гг. — министр финансов России, член Государственного Совета (с 1862). 222, 223

Константин Николаевич (1827–1892) великий князь, второй сын Николая I, адмирал; в 1855–1881 гг. управляющий Морским министерством, с 1861 г. председатель Главного комитета об устройстве сельского состояния и Русского географического общества, в 1862–1863 гг. наместник Царства Польского, в 1865–1881 гг. председатель Государственного Совета. 45, 102, 106, 114, 115, 116, 120, 123, 132, 133, 136, 145, 208, 219, 221, 222

Костюшко или Косцюшко Анджей Платеуш Бонавентура 201
(*Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko*) 1746–1817, военный и политический деятель Речи Посполитой и США, участник Войны за независимость США, организатор восстания в Речи Посполитой 1794 г., национальный герой Польши, США, Литвы, Беларуси, почётный гражданин Франции.

Коулей см.: Веллестей Генри Рифард Чарлз

Крамpton см.: Шулстон Джон Файнс

Ламберт Карл Карлович (1815–1865) граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1853–1855 гг. командир лейб-гвардии Конного полка, с 1861 г. исполняющий должность наместника Царства Польского и командующего 1-й армией; член Государственного совета 94, 108, 201, 202, 203, 204

Ланской Сергей Степанович (1787–1862) граф, действительный тайный советник; с 1850 г. член Государственного Совета, в 1855–1861 гг. министр внутренних дел и одновременно член Секретного (затем Главного) комитетов по крестьянскому делу. 219, 221

Ландерс Александр Николаевич (1790–1874) граф, генерал-адъютант; участник Отечественной войны, Кавказской войны, Венгерского похода 1849 г.; в 1861 г. наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией, с 1862 г. — член Государственного Совета 203, 205, 207

Линдгейм Карл Фридрих Давид фон (*Lindheim Karl Friedrich David von*) 1791–1862, прусский офицер, генерал от инфантерии, генерал-адъютант короля Фридриха Вильгельма IV, в 1834–1841 гг. — руководитель прусского военного кабинета, постоянно действующего органа при короле, решавшего важнейшие военно-политические вопросы и традиционно обладающего большим влиянием в Пруссии, с 1859 — военный губернатор прусской провинции Силезия. 105

Лопн Леопольд фон (*Lohn (Loen) Leopold von*) 1815–1895, прусский генерал от инфантерии, в 1857–1865 гг. в звании полковника занимал должность прусского военного уполномоченного при Дворе российского императора. Принимал участие в Датской войне 1864 г. В мае 1865 г. был отозван с должности в Петербурге и произведен в звание генерал-майора. За участие в австро-прусской войне награжден орденом Красного Орла II-й степени с дубовыми листьями и мечами. 106

Малмсбери см.: Харрис Джеймс Ховард

Мантейффель Отто Теодор фон (*Manteuffel Otto Theodor von*) 1805–1882, барон, прусский государственный деятель; в ноябре 1848 г. был назначен министром внутренних дел и принимал участие в составлении прусской конституции 5 декабря 1848 г., но он же сообщил палатам постановление 7 января 1850 г., отменявшее большую часть конституционных гарантий. После заключения с австрийским министром Ф. цу Шварценбергом Ольмюцкого соглашения 1850 г. был назначен министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии; принимал участие в Парижском конгрессе 1856 г.; с учреждением регентства, в октябре 1858 г., он получил отставку, позже был избран в палату депутатов, с 1864 г. стал членом палаты господ 51, 86

Мария Александровна (1824–1880) признанная дочь великого герцога Людвига II Гессенского; супруга российского императора Александра II и мать будущего императора Александра III. Урождённая принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская (*Maximiliane Wilhelmine Auguste Sophie Marie von Hessen*, 1824–1841). Мария была внебрачной дочерью Вильгельмины Баденской, великой герцогини Гессенской и её камергера барона фон Сенарклен де Гранси. Муж Вильгельмины, великий 85

герцог Людвиг II Гессенский, чтобы избежать скандала и благодаря вмешательству брата и сестёр Вильгельмины (великого герцога Баденского, императрицы России Елизаветы Алексеевны, королев Баварии, Швеции и герцогини Брауншвейгской), официально признал Марию и её брата Александра своими детьми (двое других внебрачных детей умерли в младенчестве). Несмотря на признание, они продолжали жить отдельно в Хайлигенберге, в то время как Людвиг II — в Дармштадте. В 1838 г. будущий император Александр II, путешествуя по Европе, влюбился в 14-летнюю Марию Гессенскую и женился на ней 16 апреля 1841, хотя и прекрасно знал о тайне её происхождения (некоторое время против брака возражали его родители).

Мейендорф Пётр Казимирович (1796–1863) барон, 81, 83, 85, 91, 102, 107 действительный тайный советник, обергофмейстер; в 1839–1850 гг. посланник в Берлине, в 1850–1854 гг. — в Вене, с 1854 г. член Государственного Совета и Комитета министров, с 1857 г. председатель Кабинета Его Величества, кавалер ордена Андрея Первозванного. Был женат на Софье, графине вон Буоль-Шауэнштайн, сестре австрийского министра-президента и министра иностранных дел графа Карла Фердинанда фон Буоль-Шауэнштайн

Мейендорф Эрст Петрович (1836–1902) барон, 81, 83 действительный статский советник, гофмейстер, секретарь в посольствах в Берлине и Риме, в 1896–1899 гг. посланник в Португалии. Сын действительного тайного советника барона Петра Казимировича Мейендорфа.

Михаил Николаевич (1832–1909) великий князь, 106 четвертый сын Николая I, генерал-фельдцейхмейстер; в 1863–1881 г. наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа, в 1881–1905 гг. председатель Государственного Совета.

Монтебелло Луи Наполеон Август Ланн (Louis Napoléon Auguste Lannes duc de Montebello) 1801–1874, французский дипломат, политик, в 1858–1864 гг. — французский посланник в Санкт-Петербурге 94, 121, 124, 133, 136, 143, 144, 170

Морни Шарль Огюст Жозеф Луи де (Charles Auguste Louis Joseph Demorny (de Morny)) 1811–1865, граф Море, позднее герцог Морни, французский политический деятель и финансист, брат Наполеона III; один из главных участников государственного переворота 2 декабря 1851 г., в результате которого во Франции была провозглашена Вторая империя; зимой 1851–1852 гг. — министр внутренних дел Франции, в 1854–1856 гг. и 1857–1865 гг. — президент Законодательного корпуса; в 1856–1857 гг. — французский посол в Петербурге; один из инициаторов французской военной экспедиции в Мексику. 168

Мотли Джон Лотфрон (John Lothrop Motley) 1814–1877, американский дипломат и историк; в 1832–1833 гг. учился в Гёттингенском университете Георга-Августа, где и познакомился с Бисмарком; автор фундаментальной работы «Возникновение Голландской республики»; в 1861–1867 гг. — посол США в Австрии, в 1869–1870 гг. — в Великобритании. 56

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1847–1861 гг. иркутский и енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири, ему принадлежит дело возвращения Амурского края России, уступленного Китаю в 1689 г.; член Государственного Совета 190, 199

Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796–1866) граф, видный государственный, общественный и военный деятель Российской империи, учёный; основатель Московского математического общества (1810); участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных 222, 223

походов 1813–1814 гг.; Гродненский гражданский губернатор (1831–1835), Курский гражданский и военный губернатор (1835–1839); член Государственного совета (1850); генерал от инфантерии (1856); министр государственных имуществ (1857–1862); вице-председатель Императорского Русского географического общества (1850–1857), член Петербургской академии наук (1857); Гродненский, минский и виленский генерал-губернатор (1863–1865); организатор подавления польского восстания 1863 г.; в 1866 г. — председатель комиссии по делу о покушении Д. Каракозова на Александра II. Кавалер ряда орденов и высшей награды Российской империи — ордена Андрея Первозванного

Мюнстер Георг Ферберт граф (*Münster Georg Herbert Graf zu*, также *Georg Herbert Fürst Münster von Derneburg*) 1820–1902, граф, с 1857 по 1865 гг. — посланник королевства Ганновер в Санкт-Петербурге, посол Германской империи в Лондоне (с 1873 г.) и Париже (с 1885 г.) 81

Мюнстер-Мейнхёфель Гуго Эберхард Леопольд Унко граф (*Hugo Eberhard Leopold Unico Graf zu Münster-Meinhöfel*) 1812–1880, прусский генерал, с 1850 по 1856 гг. прусский военный атташе в Петербурге 91, 98.

Нагикаролы Алонз Каролы фон (*Nagykaroly Alajos Karolyi von*) 1825–1889, австро-венгерский дипломат; в 1858–1859 гг. находился со специальной миссией в Петербурге в целях укрепления отношений с Россией и обеспечения поддержки Австрии со стороны России в предстоящем конфликте с Францией; в 1862–1878 гг. — австрийский посланник (затем посол) в Берлине, с 1878 г. — посол в Лондоне 130, 138, 139

Наполеон III (Наполéон III), Шарль Луи Наполеон Бонапарт (*Charles Louis Napoléon Bonaparte*), именовавшийся *Луи-Наполеон Бонапарт* (*Louis-Napoléon*) 20, 21, 23, 89, 90, 112–115, 117, 133, 138, 139, 141–143, 145, 146, 150,

Бонапарте), 20.IV.1808–9.I.1873, первый президент Французской республики (1848–1852), император французов (1.XII.1852–4.IX.1870), последний монарх Франции. 155, 159–163, 165–170, 172, 176, 177, 179, 183, 184, 186, 187, 242–244

Николай Александрович (1843–1865) Его императорское высочество наследник цесаревич и великий князь, старший сын императора Александра II, атаман всех казачьих войск, генерал-майор Свиты Его Величества, канцлер Гельсингфорсского университета 106

Нессельроде Карл Васильевич (рожд. *Карл Роберт фон Нессельроде, Karl Robert von Nesselrode*) 1780–1862, граф, российский государственный деятель, канцлер, в 1816–1856 гг. — министр иностранных дел Российской империи 81, 85, 102, 107

Николай Николаевич (1831–1891) великий князь, третий сын Николая I, с 24 ноября 1856 г., согласно Высочайшему повелению, именовался *Старшим* для отличия от родившегося тогда его первого сына, наречённого Николаем; генерал-фельдмаршал, с 1855 г. член Государственного Совета, в 1864–1891 гг. генерал-инспектор кавалерии и инженерной части; почетный член Русского географического общества и Медико-хирургической академии; во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий действующей армией на Балканах; 19 января 1878 г. подписал от России в Андрианополе предварительные условия мира и заключил перемирие 106

Напьер Фрэнсис (Napier Francis) 1819–1898, лорд; с 1840 атташе при английском дипломатическом представительстве в Вене, затем занимал дипломатические посты в Тегеране, Неаполе, Петербурге и Константинополе; посланник в Вашингтоне (1857), Гааге (1858), посол в Петербурге (1860); во время польского восстания его положение в Петербурге стало настолько 92

тяжелым, что в 1864 г. он был отправлен в том же дипломатическом ранге в Берлин; в 1866 занял пост английского губернатора Мадраса, в 1872 г. как барон Эттрик стал британским пэром

Оболенская Александра Алексеевна (1817–1885) 83, 84
урожденная Мазурина, дочь почетного гражданина Москвы Алексея Алексеевича Мазурина, жена Михаила Андреевича Оболенского

Оболенский Михаил Андреевич (1805–1873) князь, 70, 71
археограф, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел

Огарёв Николай Александрович (1811–1867) 106
генерал-адъютант, генерал-лейтенант, совещательный член временного артиллерийского комитета и заведующий редакцией «Российской военной хроники», временный генерал-губернатор Нижегородской губернии.

Орлов Алексей Фёдорович (1787–1862) князь, рус- 91
ский государственный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; главный начальник III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии и шеф жандармов (1845–1856); возглавлял российскую делегацию на Парижском конгрессе в феврале — марте 1856 г.; председатель Государственного совета (1856–1861) и Комитета министров (1856–1860)

Панин Виктор Фиксич (1801–1874) граф, рос- 221, 222
сийский государственный деятель, министр юстиции в 1841–1862 гг.; с 1860 г. — председатель Редакционных комиссий

Пётр Георгиевич принц Ольденбургский (1812–1881) 102
русский военный и государственный деятель, член российского Императорского Дома, внук Павла I, генерал от инфантерии (1841), сенатор, член Государственного Совета и председатель департамента гражданских и духовных дел, главноуправляющий IV Отде-

лением Собственной Е.И.В. Канцелярии, почётный опекун и председатель Санкт-Петербургского Опекунского Совета, главный начальник женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии, попечитель Императорского Училища Правоведения, Санкт-Петербургского Коммерческого Училища, Императорского Александровского лицея, почётный член различных ученых и благотворительных обществ, председатель Российского Общества международного права, попечитель Киевского дома призрения бедных, покровитель Глазной лечебницы

Рехберг-Ротенлёвен Иоганн Бернгард фон (Johann Bernhard Graf von Rechberg und Rothenlöwen) 1806–1899, граф, австрийский государственный деятель, с 1859 по 1864 гг. — министр иностранных дел, наряду с этой должностью, с 1859 по 1861 гг. занимал пост министра-президента 138, 164, 171

Роон Альбрехт Теодор Эмиль фон (Albrecht Theodor Emil Graf von Roon) 1803–1879, граф (1871), германский военный и государственный деятель, прусский генерал-фельдмаршал (1873). С 2 сентября 1859 г. назначен на должность министра по реорганизации армии, а 5 декабря 1859 г. назначен военным министром Пруссии. На этой должности он оставался до 1873 г.; с 16 апреля 1861 г. по 31 декабря 1871 г. одновременно являлся морским министром Пруссии. Провел военные реформы в прусской армии (увеличение численности армии, введение трехлетней действительной службы, усиление мобилизационных мероприятий). По его представлению перед принцем-регентом Вильгельмом Отто фон Бисмарк был назначен 23 сентября 1862 г. министром-президентом Пруссии. С 1 января 1873 г. Роон в отставке. 5 апреля 1873 г. российский император Александр II пожаловал Роону орден св. Георгия 76, 155, 171

III-й степени «В воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных во время военных действий германских войск во Франции».

Строганов Сергей Фридрихович (1794–1882) граф, 102
русский государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер, московский градоначальник, генерал от кавалерии (26 ноября 1852 года); учредитель в 1825 г. и руководитель первой в России бесплатной рисовальной школы, открытой для всех талантливых детей, — Строгановского училища; почетный член Российской Академии наук (1827); в 1836–1873 гг. — председатель Московского общества истории и древностей Российских, основатель в 1859 г. Императорской Археологической комиссии; в 1860–1865 гг. — воспитатель наследника цесаревича Николая Александровича; после — воспитатель будущего императора Александра III.

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) князь 106, 190, 199
Италийский, граф Рымникский, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1848–1860 гг. генерал-губернатор Прибалтийского края, в 1861–1866 гг. — Санкт-петербургский генерал-губернатор

Сухожанет Николай Онуфриевич (1794–1871) 202
участник Наполеоновских и Крымской войн; в 1856–1861 гг. — военный министр, генерал от артиллерии (1852 г.); с 16 мая по 1 августа и с 11 по 27 октября 1861 г. — временно исполняющий должность наместника Царства Польского

Фрейлихе Генрих фон (*Freitschke Heinrich von*) 117
1834–1896, немецкий историк, политический публицист, профессор, автор известной работы «История Германии в XIX веке»; в 1871–1884 гг. — депутат Рейхстага Германской империи от Национал-либеральной партии; с помощью

лекций и статей активно пропагандировал свои взгляды о создании немецкого духа; в разные годы преподаватель Лейпцигского, Фрайбургского, Кильского, Гейдельбергского, Берлинского университетов

- Шрепов Фёдор Фёдорович* (1809 или 1812–1889) 189
русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии; в 1873–1878 гг. — Санкт-Петербургский градоначальник; был известен тайнственно возникшим значительным состоянием, по ходившим в XIX в. слухам, был внебрачным сыном германского императора Вильгельма I; в 1878 г. на него совершила покушение В. Засулич
- Шувенель Эдуар-Антуан* (Thouvenel Édouard Antoine) 170, 171, 173
1818–1866, французский политический деятель; французский посланник в Афинах (1849–1850), в Мюнхене (1850–1851); в 1860–1862 гг. — министр иностранных дел Франции
- Шислтон Джон Файнс, лорд Крамптон* (Crampton John Fiennes Twisleton) 119, 121, 124, 135, 136, 140
1805–1886, английский дипломат, в 1858–1860 гг. — посол Великобритании в Санкт-Петербурге, в 1860–1869 гг. — в Мадриде
- Шун-Гоенштейн Фридрих* (Thun-Hohenstein Frierich Graf von) 103, 163, 164, 178
1810–1881, граф, в 1850–1852 гг. — австрийский посланник в президиуме Союзного Сейма, в 1852–1857 гг. — посланник в Берлине, в 1859–1863 гг. — посланник в Петербурге
- Узедом Карл Георг Людвиг Гвидо фон* (Usedom Karl Georg Ludwig Guido Graf von) 53, 55, 143
1805–1884, граф, прусский дипломат, в 1845–1854 гг. прусский посланник в Ватикане, в 1858–1863 гг. прусский представитель при Союзном Сейме во Франкфурте, затем посланник в Турине и Флоренции.

Узедом Олимпия фон (Usedom Olympia), графиня, 53
урожденная Малькольм, жена Г. фон Узедома.

Унру Ханс Виктор фон (Unruh Hans Viktor von) 149
1806—1886, немецкий государственный деятель, политик; один из основателей в 1859 году Немецкого национального союза, в 1861 стал соучредителем Немецкой прогрессивной партии, и ее первым председателем (1861—1863), член Рейхстага.

Фиалковский Антоний Мельхиор (Fijałkowski Antoni Melchior) 1778—1861, варшавский римско-католический архиепископ-митрополит, возведен в сан 11 ноября 1856 г. 189, 201

Франц Иосиф I (Franz Josef I, венг. I. Ferenc József, чеш. František Josef I.) 89, 113, 138, 150, 165, 166, 167, 171
18.VIII.1830—21. XI.1916, император Австрийской империи, с 15.III.1867 г. — глава дуалистического государства Австро-Венгрии; правил 68 лет, его царствование — эпоха в истории народов, входивших в Дунайскую монархию

Фридрих Вильгельм IV (Friedrich Wilhelm IV.) 50, 98
1795—1861, король Пруссии с 7 июня 1840, старший сын Фридриха Вильгельма III, в 1857 г. Фридрих Вильгельм пережил приступ душевной болезни, и в 1858 г. регентом был объявлен его брат Вильгельм, позднее император объединённой Германии Вильгельм I.

Харрис Джеймс Ховард, лорд Малмсбери (Harris James Howard Malmesbury) 97, 124
1807—1889, в 1858—1859 гг. — министр иностранных дел Великобритании.

Хюбнер Иосиф Александр фон (Hübner Joseph Alexander von) 114
1811—1892, австрийский дипломат; на дипломатической службе — с 1830 г.; в 1849—1859 гг. — австрийский посланник во Франции; как австрийский уполномоченный принимал участие в заседаниях Парижского конгресса 1856 г.; в 1859 г. —

полицай-министр Вены; в 1865–1868 гг. — австрийский посол в Риме

Циттельман Отто Конрад фон (Zitelman Otto Konrad von) 1814–1889, прусский тайный регирунгсрат (старший государственный чиновник). 170, 187

Чевкин Константин Владимирович (1803–1875) 219, 221
генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор; в 1855–1862 гг. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, с 1861 г. член Комитета об устройстве сельского состояния, в 1863–1872 гг. председатель Департамента экономии Государственного Совета, член Военного Совета.

Шаховской Алексей Иванович (1821–1900) князь, 106
генерал от инфантерии (1885)

Шлейнцу Александр Густав Адольф фон (Schleinitz Alexander Gustav Adolf Graf von) 1807–1885, граф, прусский государственный деятель, в 1858–1861 гг. — министр иностранных дел Пруссии, основной линией его внешней политики была попытка создания альянса Пруссии с Англией и Австрией, сохранение европейской безопасности и укрепление положения Пруссии в Германии; с конца 1861 г. по 1885 — министр королевского Дома Пруссии 40, 41, 52, 66, 75, 83, 89, 92, 97, 119, 127, 128, 129, 131, 133, 135, 138, 143, 145, 153, 155, 157, 175, 176, 188, 194, 215, 218, 219, 223, 227, 229

Штакельберг Эрнст Густавович (1814–1870) российский генерал-адъютант (1860); в 1852 г. состоял при посольстве России в Вене; в 1853 г. назначен в свиту Александра II; чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пьемонте (1856–1861), в Испании (1861), в Италии (1862), в Австрии (1864); в 1868 г. — чрезвычайный и полномочный посол во Франции 169

Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) 84, 106, 171
граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1857–1860 гг. Санкт-петербургский,

обер-полицмейстер в 1860–1861 гг. директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, в 1864–1866 гг. генерал-губернатор Прибалтийского края, в 1866–1874 гг. шеф жандармов и начальник III Отделения, с 1874 г. член Государственного Совета

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Anhang zu den «Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Kaiser Wilhelm und Bismarck. Stuttgart und Berlin, 1901.
2. Bismarck Herbert von. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart und Berlin, 1910.
3. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke (Friedrichsruher Ausgabe). Berlin 1924–1935. 15 Bde.
4. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. III. Politische Schriften: März 1859 bis September 1862. 2. Aufl. Berlin, 1925.
5. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. IV. Politische Schriften: 1862 bis 1864. 1. Aufl. Berlin, 1927.
6. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. VII. Gespräche: Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. 2. Aufl. Berlin, 1924.
7. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. X. Reden: 1847 bis 1869. 2. Aufl. Berlin, 1928.
8. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Teil. I. Briefe: 1822–1861. 1. Aufl. Berlin, 1933.
9. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Teil. II. Briefe: 1862–1898. 1. Aufl. Berlin, 1933.
10. Bismarck Otto von. Gedanken und Erinnerungen. Berlin, Stuttgart, Frankfurt-am-Main, 1922. 3 Bde.
11. Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Jahrhundert-Ausgabe zum 23. September 1862. Darmstadt, 1962. 8 Bde.
12. Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Bd. II. Das Werden des Staatsmannes: 1815–1862. Teil. 2. 1854–1862. Darmstadt, 2001.
13. Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Bd. 8. Teil. A. Erinnerung und Gedanke. Darmstadt, 2001.
14. Bismarck Otto von. Werke in Auswahl. Bd. 8. Teil. B. Rückblick und Ausblick, 1890–1898: mit zahlreichen unveröffentlichten

Stücken und einem Dokumentenanhang: Ergänzungen zu Band 1–5. Darmstadt, 2001.

15. Bismarckbriefe 1836–1873, hrsg. von Kohl Horst. Bielefeld und Leipzig, 1898.

16. Bismarck-Briefe, hrsg. von Rothfels Hans. Göttingen, 1955.

17. Bismarcks Briefwechsel mit Hans Hugo von Kleist-Retzow, hrsg. von Petersdorf Herman. Stuttgart, 1919.

18. Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden, 1890.

19. Der Weg zur Reichsgründung. 1850–1870, hrsg. von Fenske Hans. Darmstadt, 1977.

20. Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859–1862, hrsg. von Raschdau Ludwig. Bd. I. 1859–1860. Berlin, 1920.

21. Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859–1862, hrsg. von Raschdau Ludwig. Bd. II. 1861–1862. Berlin, 1920.

22. Kaiser- und Kanzler-Briefe. Briefwechsel zwischen Kaiser Wilhelm I. und Fürst Bismarck, hrsg. von Penzler Johannes. Leipzig, 1900.

23. Preußen im Bundestag. 1851–1859. Dokumente der Königlich Preussischen Bundestagsgesandtschaft, hrsg. von Poschinger Heinrich Ritter von. Leipzig, 1882–1885. 4 Bde.

24. 1857–1861 гг. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Под ред. Л. Г. Захаровой — М., 1994.

25. Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. 2 тт. М. - Минск, 2002.

26. Бисмарк Отто фон. Мысли и воспоминания / Под ред. А. С. Ерусалимского — 3 тт. М., 1940.

27. Игнатьев Н. П. Поездка графа Н. П. Игнатьева по европейским столицам перед войной 1877–1878 гг. // Русская старина. 1914. Т. 157. № 3. С. 491–516.

28. Мейер Ф. О русской эпохе великих реформ. (Из воспоминаний немца) // Вестник иностранной литературы. Спб., 1895. № 2. С. 107–126.

29. Мемуары Железного канцлера/ Отто фон Бисмарк. М., СПб., 2003.
30. Милютин Д. А. Воспоминания. 1856–1860/ Под ред. Л. Г. Захаровой — М., 2004.
31. Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862/ Под ред. Л. Г. Захаровой — М., 1999.
32. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864/ Под ред. Л. Г. Захаровой — М., 2003.
33. Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову/ Под ред. А. С. Ерусалимского — Красный архив. М., 1933. Т. 6 (61).
34. Светлейший князь А. М. Горчаков в его рассказах о прошлом/ / Русская старина. 1883, Т. 40, кн. 10.
35. Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910–1911.

Литература

1. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М. 2006.
2. Акунин Н. Очерк датской войны 1864 года с картой военных действий. СПб. 1865.
3. Ахтамзян А. А. А. М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIXв. / / Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.
4. Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально политические воззрения князя Бисмарка. СПб, 1911.
5. Виноградов К. Б. Мировая политика 60-х — 80-х гг. XIX века: события, люди. Л., 1991.
6. Воронин Е. В. Польское восстание 1863 г.: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.
7. Галкин И. С. Создание Германской империи. 1815–1871. М., 1986.
8. Герхен Т. Мемориалы. Переплетение судеб династий и храмов. «Спас на Крови» в СПб. и церковь «Памяти Кайзера Вильгельма» в Берлине/ / Нева, 1998, № 4. С. 231–238.

9. Гуревич А. Я. Одиссей. Человек в истории. М., 1993.
10. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 2. Революция. М., 1947.
11. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978.
12. Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат. Вступительная статья к книге «Мысли и воспоминания». М., 1940.
13. Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
14. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., М., 1968.
15. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.
16. Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. М., 2005, №№ 2, 4.
17. Иваняков Р. И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859-1862 гг.). Псков, 2008.
18. История внешней политики России кон. XV века — 1917 г. Вторая половина XIX в. М., 1999.
19. История дипломатии. Т. 1. 2-е изд. М., 1959.
20. Кабузан В. М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII — XX веках (1719–1989). Историко-статистическое исследование. М., 2003.
21. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.
22. Лучицкая С. И. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого». М., 2007.
23. Людвиг Э. Бисмарк. М., 1999.
24. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986.
25. Миско М. В. Польское восстание. 1863. М. 1962.
26. Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х гг. XIX в. за объединение Германии «сверху». М. 1960.

27. Нарочницкий Л. А. Международные отношения от Парижского до Франкфуртского мира (1856–1871). Стенограммы лекций, прочитанных в 1944–1945 учебном году в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП (б). М. 1946.

28. Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925.

29. Обушенкова Л. А. Солидарность революционных сил народов Европы с польским восстанием 1863–1864 гг. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-е — 70-е гг. XIX в.). М. 1991.

30. Пименова Э. К. Железный канцлер Бисмарк — творец Германской империи. М., 1917.

31. Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России. 1648–2000. М. 2001.

32. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957.

33. Ревуненков В. Г. Приход Бисмарка к власти. Л., 1941.

34. Ревякин А. В. История международных отношений в новое время. М. 2004.

35. Россия и черноморские проливы (XVIII — XX столетия). М., 1999.

36. Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. Его жизнь и государственная деятельность. М., 1895.

37. Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. 1879–1885. М. 1974.

38. Слонимский Л. З. Князь Бисмарк. Опыт характеристики. СПб., 1908.

39. Степанова В. В. Конституционный конфликт в Пруссии в 1862–1866 гг. Нижневартовск, 1993.

40. Степанова В. В. Политическая борьба в Пруссии в 60-е гг. XIX в.: значения и последствия для германской истории. М., 1999.

41. Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. М., 1996.

42. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.
43. Тейлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.
44. Утин Е. И. Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб, 1892.
45. Утин Е. И. Император Вильгельм I. Старая и новая Германия. СПб., 1888.
46. Чепелкин М. А. Российская дипломатия и итальянский вопрос. 1856–1861. М., 1995.
47. Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л., 1972.
48. Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова. М., 2009.
49. Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.
50. Чудовский В. Шлезвиг-гольштинская война 1864. СПб. 1866.
51. Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. М., 1989.
52. Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.
53. Bamberger Ludwig. Herr von Bismarck. 1868.
54. Becker Otto. Bismarcks Ringen um Deutschlands Gestaltung. Heidelberg. 1958.
55. Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit. Köln. 1966.
56. Borscheid Peter. Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen // Studien zur Geschichte des Alltags. Münster, 1983.
57. Canis Konrad. Bismarck Aussenpolitik. 1870 bis 1890: Aufstieg und Gefährdung. Paderborn, 2004. Ebel Walter. Bismarck und Russland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen. 1936.

58. Eigenbrot A. Bismarck und seine Zeit. Streifzüge. Betrachtungen und Untersuchungen. Leipzig, 1912.
59. Engelberg Ernst. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985.
60. Engelberg Ernst. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.
61. Elias Norbert. Über den Prozess der Zivilisation. Frankfurt am Main, 1977.
62. Elias Norbert. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags. Opladen, 1982.
63. Eyck Erich. Bismarck. Leben und Werk. 3 Bde. Erlenbach, Zürich, 1941–1944.
64. Gall Lothar. Das Bismarck-Problem in der Geschichtsschreibung nach 1945. Köln, Berlin, 1941.
65. Gall Lothar. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt am Main u. a., 1980.
66. Gal Lothar. Bismarck und der Bonapartismus // Historische Zeitschrift 223 (1976). S. 618–637.
67. Gall Lothar. Otto von Bismarck und die Parteien. Paderborn, 2001.
68. Heinze Gerhard. Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung. Würzburg-Aumühle. 1939.
69. Heseckiel George. Das Buch vom Grafen Bismarck. Bielefeld und Leipzig. 1869.
70. Hillgruber Andreas. Otto von Bismarck. Gründer der europäischen Großmacht Deutsches Reich. Göttingen u. a., 1978.
71. Klaczko J. Zwei Kanzler. Fürst Gortschakow und Fürst Bismarck. Basel, 1878.
72. Klein-Hattingen Oskar von. Bismarck und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie. Berlin, 1902.
73. Kohl Horst. Fürst Bismarck. Leipzig, 1891.
74. Kopelew L. West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Bd. 4. München, 1985.
75. Kronenberg Wilhelm. Bismarcks Bundesreformprojekte 1848–1866. Köln, 1953.
76. Lehmann Max. Bismarck. Eine Charakteristik. Berlin, 1926.

77. Lenz Max. Geschichte Bismarcks. Leipzig, 1902.

78. Liszkowski Uwe. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die Russische Gefahr. Bismarcks Russlandbild // West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht. Reihe A. Bd. 4. München, 1985. S. 111–145. Ludwig Emil. Bismarck. Geschichte eines Kämpfers. Berlin, 1926.

79. Marcks Erich. Bismarck. Eine Biographie 1815–1851. Stuttgart, 1951.

80. Meyer Arnold Oskar. Bismarck. Der Mensch und der Staatsmann. Stuttgart, 1949.

81. Meyer Arnold Oskar. Bismarcks Kampf mit Österreich am Bundestag zu Frankfurt (1851–1859). Berlin, 1927.

82. Mombauer Hans. Bismarcks Realpolitik als Ausdruck seiner Weltanschauung. Die Auseinandersetzung mit Leopold von Gerlach 1851–1859. Berlin, 1936.

83. Mommsen Wilhelm. Bismarck. Ein politisches Lebensbild. München. 1959.

84. Niethammer Lutz. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte // Geschichte im Alltag — Alltag in der Geschichte. Düsseldorf, 1982.

85. Nolde Boris. Die Petersburger Mission Bismarcks 1859–1862. Rußland und Europa zu Beginn der Regierung Alexanders II., Leipzig, 1936.

86. Palmer Alan. Bismarck. Eine Biographie. Düsseldorf. 1976.

87. Pflanze Otto. Bismarck. 2 Bde. München, 1997, 1998.

88. Reiner Ludwig. Bismarck gründet das Reich. München, 1980.

89. Reiner Ludwig. Bismarcks Aufstieg 1815–1864. München, 1980.

90. Reiners Ludwig. Bismarck. 2 Bde. München. 1956–1957.

91. Reinhardt Volker. Deutsche Familien: historische Portraits von Bismarck bis Weizsäcker. München, 2005.

92. Richter Werner. Bismarck. Frankfurt a. M. 1962.

93. Rulemann Jahn. Wappen des Bismarckbrunnens // Arnstädter Stadt-Echo. Bd. 10 (2009). Teil 105–115. Arnstadt, 2009.

94. Schmidt Klaus-Dieter. Der Bismarck-Mythos: die Deutschen und der Eiserne Kanzler. München, 2007.

95. Schützler Wilhelm. Bismarck. Leipzig. 1925.

96. Stern Fritz. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. Frankfurt, 1978.

97. Stürmer Michael. Bismarck. Die Grenzen der Politik. München, 1987.

98. Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. 5 Bde. München, Leipzig und Oldenburg, 1889–1890.

99. Taylor Alan J. P. Bismarck Mensch und Staatsmann. München, 1962.

100. Wertheimer Eduard von. Bismarck im politischen Kampf. Mit Benutzung ungedruckter Quellen. Berlin. 1930.

101. Wetzel Hans-Georg Martin. Bismarcktürme in Thüringen. Jena, 2007.

102. Willms Johannes. Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 1999.

103. Zechlin Egmont. Bismarck und die Grundlegung der deutschen Großmacht. Stuttgart, 1960.

104. Zechlin Egmont. Die Reichsgründung. Frankfurt, Berlin, Wien, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дорогие читатели...» Ульрих Бранденбург. Посол Федеративной Республики Германия	5
К читателю. Профессор д-р Николаус Катцер	6
Предисловие	8
Историография проблемы	13
Документальные источники работы.....	36
Глава I. Жизнь Бисмарка в России.....	49
Петербург в восприятии прусского посланника.....	50
Ссылка или повышение по службе?	50
В большой спешке в Петербург.....	55
Обустройство в российской столице.....	57
Чем удивил Петербург?.....	63
Работа и отдых в российской столице.....	65
«Тоска по родине»	74
Столичный круг общения Бисмарка.....	76
Прусский дипломат о российском министре А. М. Горчакове	86
Личность Александра II в оценке Бисмарка.....	97
Глава II. Роль Российской империи в системе международных отношений в понимании Бисмарка	111
Итальянская война 1859 г.	112
Миротворческая позиция России в подготовке европейского конгресса	120
Русско-прусские отношения во время войны в оценке Бисмарка	133
Франция или Пруссия? Бисмарк о международном курсе России после Итальянской войны.	148
Германские планы Бисмарка и похолодания в русско-французских отношениях	148

Бисмарк о новых внешнеполитических веяниях в российской столице	157
Варшавское свидание 21–25 октября 1860 г.	167
Бисмарк и прусский курс Петербурга	175
Глава III. Национальная политика России в Польском вопросе в оценке Бисмарка	186
Глава IV. Судьба крестьянской реформы в России в восприятии прусского дипломата	215
Заключение	241
Комментарии	253
Указатель имен	267
Библиография	293
Источники	293
Литература	295

Дударев Василий Сергеевич

Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862.

Дипломатическая ссылка или политический успех?

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*

Корректор *С. А. Семенов*

*Уважаемые читатели, Ваши отзывы, предложения
и комментарии прошу отправлять на электронный адрес:
projektbismarck@gmail.com*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:

fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 13.69. Печать офсетная.

Заказ №